

PG 3453

.B432

V5

Copy 1

PG

3453

B432V5

Handwritten scribble or signature

Class

Book

YUDIN COLLECTION

8096
25
73896
56

ВИНОВАТА ЛИ ОНА?

ПОВѢСТЬ.

И. БѢЛОВА.

ДЛЯ

РОДИТЕЛЕЙ И ДѢТЕЙ

СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

ЦѢНА 85 КОП.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870

Vinovata li ona?

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ПОВѢСТЬ.

Белок, Иван Дмитриевич
И. БѢЛОВА.

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

—••••—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

Литейный просп., д № 39.

1870

ЗАПИСАНА ТА ПОДА
PG 3453
B 432 V5

ОТВѢТЪ

К. В. ЛОДЪ

Дозволено цензурою. Спб. 24 октября 1870 г.

104837
'97.

ПЕЧАТЪ ПУБЛИКАЦИИ

1870

I

Въ одной изъ лучшихъ петербургскихъ улицъ, у подъезда богатаго, каменнаго дома, съ ранняго утра стояло множество каретъ и колясокъ. Кучера успѣли уже вдоволь наговориться о своихъ господахъ, когда скромная извозицья пролетка остановилась у подъезда и дама среднихъ лѣтъ, щеголевато одѣтая съ картономъ въ рукахъ, поднялась по лѣстницѣ.

Chère Rosalie! заговорила она на природномъ французскомъ языкѣ, обращаясь къ вышедшей къ ней на встрѣчу молодой дѣвушкѣ проведите меня въ будуаръ Madame: мнѣ нужно оставить тамъ эти вещи, прибавила она, таинственно указывая на картонъ. Молодая дѣвушка, горничная хозяйки дома, г-жи Рачинской, съ которой мы сейчасъ познакомимъ читателей, страшно любившая наряды, какъ всѣ французенки, съ удовольствіемъ исполнила желаніе модистки, горя нетерпѣніемъ посмотреть на заключавшееся въ картонѣ.

Charmant! Charmant! лепетала она черезъ минуту, выкладывая изъ картона богатый бальный нарядъ и съ наслажденіемъ разглядывая на немъ каждую складочку. Que de goût! mais c'est unique, madame Gué!

И долго пріятельницы болтали на одну и ту же тему: одна хвалила нарядъ безъ умолку; другая, пользуясь удобнымъ случаемъ похвалиться своими талантами; рассказывала, что въ на-

стоящее время она работает на всѣ лучшіе дома Петербурга, что нарядъ, приготовленный ею, можно отличить отъ тысячи другихъ нарядовъ и т. д. Наконецъ разговоръ перешелъ на новости, не менѣе интересовавшія какъ ту, такъ и другую собесѣдницу, и если бы не шумъ разѣзжавшихся гостей, то французенки охотно проболтали бы еще добрый часъ.

— Помните же, *chère Rosalie*, что *Madame* не должна подозрѣвать о существованіи этого наряда, пока не придетъ время одѣваться къ балу, иначе пропадетъ весь шикъ подарка, а *Monsieur* не проститъ намъ, если сюрпризъ откроется.

— Будьте покойны, *chère M-me Gué*, отвѣчала субретка, крѣпко сжимая на прощаньи руку своей пріятельницы, будьте покойны: все сохранится въ тайнѣ.

Проводивъ модистку, горничная направилась въ будуаръ хозяйки дома.

Заглянемъ же и мы тѣда, читатели.

Если женщина получаетъ наряды изъ лучшаго магазина и держитъ горничную французенку, то можно подумать, что ея собственная комната должна быть обставлена роскошно. Но на этотъ разъ мы ошибемся. Кабинетъ Рачинской, какъ обыкновенно называла она свою комнату, составлялъ полный контрастъ съ остальными комнатами дома, отличаясь той пріятной для глазъ простотой, которая лучше всякой роскоши. Если и попадались кое-гдѣ дорогія вещи, то ясно можно было видѣть, что попались онѣ сюда случайно, не составляя гармоніи съ общимъ характеромъ комнаты; что хозяйка поставила ихъ въ своемъ кабинетѣ по особеннымъ причинамъ. Дѣйствительно, всѣ дорогіе бездѣлушки были подарены ей нѣжно любимымъ мужемъ.

Если бы мы заглянули въ обширный книжный шкафъ, то, къ удивленію, вмѣсто французскихъ романовъ, составляющихъ необходимую принадлежность богатой русской барыни, нашли бы въ немъ не мало дѣльныхъ книгъ.

Мы застаемъ хозяйку дома, Елену Михайловну Рачинскую, въ ея кабинетѣ послѣ имениннаго обѣда.

Высокая, стройная, граціозная, съ задумчивымъ выраженіемъ лица, она казалась гораздо моложе своихъ 35-ти лѣтъ. Елена Михайловна была далеко не красавица, но принадлежала

къ личностямъ съ разу внушающимъ довѣріе и уваженіе всѣмъ и каждому. Здѣсь, кстати, замѣчу, что очень полезно съ молодыхъ лѣтъ наблюдать лица, встрѣчаемыя нами на пути жизни, ибо подобнымъ наблюденіемъ можно выработать въ себѣ чутье съ разу понимать съ кѣмъ имѣешь дѣло. Хорошо узнать человека можно лишь при томъ условіи, если будешь жить съ нимъ или имѣть общее дѣло, а ошибаться въ людяхъ, въ мнимыхъ пріятеляхъ—чрезвычайно грустно. Словамъ же человека, повѣрьте мнѣ, гораздо меньше можно вѣрить, чѣмъ выраженію лица, если успѣешь уловить его. Конечно, подобное умѣнье дается не такъ легко: надо наблюдать и наблюдать, ибо не у всѣхъ людей такія счастливыя и открытыя лица, какъ у Елены Михайловны.

При первомъ взглядѣ на нее, вы убѣждались что эта женщина нерѣдко грустила, что жизнь, подѣ часть, была для нея не такъ легка, какъ могло показаться всякому, мало наблюдательному человеку.

Елена Михайловна, снявъ пышный нарядъ, видимо утомленная, сѣла на диванъ.

— Мама! можно войти? слышался голосъ за дверью.

— Иди, иди, Вѣра! Ты знаешь, что когда я одна, ты всегда можешь входить ко мнѣ. Я сама сейчасъ хотѣла послать за тобой.

Въ дверяхъ показалась старшая дочь Рачинской, дѣвушка лѣтъ 15-ти. Не высокаго роста, но крѣпкаго сложенія, смуглая, съ крупными чертами лица, она мало походила на мать.

— Скажи, дитя мое, говорила Елена Михайловна, нѣжно усаживая дочь возлѣ себя, здоровъ-ли, веселъ-ли сегодня Женя. Утромъ я не имѣла времени взглянуть на него, а теперь его уже унесли гулять. Ты, конечно, посмотрѣла тепло-ли его одѣли?

— Да, тепло, отвѣчала Вѣра, не поднимая глазъ.

— Что съ тобой, Вѣрочка? Ты какъ будто-бы недовольна чѣмъ-то или встревожена? Подвинься ко мнѣ, моя малютка, говорила Рачинская, привлекая къ себѣ дочь, и скажи скорѣе, что у тебя на душѣ?

— Ничего... то есть, хотя не совсѣмъ ничего; но мнѣ совѣстно огорчать тебя въ день твоихъ именинъ, мама!

— Не случилось-ли чего-нибудь? спрашивала тревожно Елена Михайловна.

Дѣвочка отрицательно покачала головой.

— Или быть можетъ ты недовольна, сердисься на меня?... Да, говори же, Вѣра, не стыдно тебѣ томить меня?

— Мама, мама! ты знаешь какъ я люблю тебя! но теперь... и дѣвочка снова смутилась и замолкла.

— Ну, что же, договаривай, Вѣра, не мучь меня. Ты знаешь, что высшее горе для родителей—неоткровенность дѣтей ихъ.

— Видишь-ли въ чемъ дѣло, мама, шептала сконфуженная Вѣрочка, я шла сюда сердитая на всѣхъ и на тебя; на тебя даже больше, чѣмъ на другихъ, а теперь мнѣ такъ совѣстно, хотя, по правдѣ сказать, сердце все еще не на мѣстѣ...

— Говори, Вѣра, ты за что сердисься на меня?

— Нѣтъ не сержусь, но прямо говорю, что не поминаю твоего поведенія относительно меня и по этому рѣшилась переговорить съ тобою. Знаю, что неудачно выбрала время для переговоровъ—сегодня твой праздникъ.... но у меня такъ накипѣло на сердцѣ.

— Ну говори же, смѣлѣй, Вѣра!

— Скажи, мама, къ чему ты меня готовишь? Ты не разъ говорила, что мать отвѣчаетъ за своихъ дѣтей, иначе я не задала бы тебѣ этого вопроса.

— Какъ къ чему, Вѣрочка? Прежде всего, чтобы ты была счастлива. А счастье состоитъ въ возможности быть полезной себѣ и другимъ.

— Прекрасно, мама! Однако я не думаю, чтобы быть счастливой значило быть нянькой или ученой, синимъ чулкомъ, какъ обыкновенно называютъ ученыхъ. Ужасно! цѣлый вѣкъ только учиться! вскричала Вѣрочка, сильно взволнованная и со слезами на глазахъ.

— Вѣра, Вѣра! Ты плачешь, и плачешь изъ за меня. О бѣдняжка! Успокойся. На, выпей стаканъ воды.

— Мама! Я перепугала тебя своими слезами. Виновата, не буду. Сейчасъ успокоюсь и скажу тебѣ все, что у меня на душѣ.

— Не удерживайся, дитя мое, плачь, если тебѣ хочется.

Потомъ будетъ легче. Мы съ тобой не маленькія дѣти: начавъ о чемъ-нибудь говорить, должны кончить. Но говорить будемъ спокойно, не раздражая и не оскорбляя другъ друга.

Съ этими словами Елена Михайловна встала, скрестила на груди руки и принялась ходить по комнатѣ. Минутъ пять или десять дѣвочка не переставала всхлипывать; наконецъ встала съ дивана, подошла къ матери и, цѣлуя ея руку, сказала:

— Ты не даромъ совѣтывала мнѣ успокоиться, мама. Я теперь вполнѣ сознаю, что виновата: надо мной посмѣялись, раздражили меня и я пришла вымѣщать на тебѣ свою досаду. Поцѣлуй меня покрѣпче и я пойду къ миссъ Гарретъ.

— Какъ! собираешься уйти, не высказавъ своего горя. Подумай только, что ты дѣлаешь, дитя! Въ какомъ положеніи меня оставляешь: дочь плачетъ, жалуется, и я не умѣю утѣшить ее! Тебѣ надоѣло ученье—прекрасно. Но какой перемѣны ты хочешь, чего желаешь? Это я должна знать, иначе не въ силахъ буду помочь. Развѣ твое горе мнѣ чужое? Говори же скорѣе, пожалѣй меня!

— Мама? вскричала дѣвочка, судорожно сжимая руку матери, и ты меня тоже пожалѣй! Я всегда была съ тобой откровенна, но теперь я не должна, не могу говорить. Отпусти меня, Бога ради!

— Изволь, я не стану удерживать тебя; но зная твое сердце, увѣрена, что скоро ты сама придешь и скажешь въ чемъ дѣло. Не захочешь же меня дольше мучить. Наконецъ, прибавила Елена Михайловна, болѣе твердымъ голосомъ, ты не въ правѣ долго молчать. Въ твоихъ словахъ слышалось прямое обвиненіе противъ меня, какъ матери, а тебѣ извѣстно правило: обвиненнаго нельзя лишить права оправдываться.

Вѣрочка молча пошла къ двери, но вернулась и прошептала:

— Общай мнѣ, мама, никого не спрашивать о причинѣ моихъ слезъ. Ты можешь быть увѣрена, что рано или поздно я сама все скажу тебѣ.

— Ни у кого не стану спрашивать. Я желаю слышать правду отъ тебя, а не отъ другихъ и потому можешь идти спокойно.

Долго по уходѣ дочери Елены Михайловна въ раздумьѣ ходила по комнатѣ, наконецъ позвонила:

— Розалія! позовите Давида и узнайте также принесли-ли Жені домой.

— Monsieur Eugène еще гуляетъ, объяснила возвратившаяся черезъ нѣсколько минутъ горничная, а Monsieur David сейчасъ... скоро... придетъ прибавила она съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Гдѣ онъ теперь? что дѣлаетъ? спрашивала Рачинская, внимательно смотря на горничную.

— Monsieur David, кажется, переодѣвается.

— Почему?

— Не знаю... кажется оступился на льду... Monsieur David скоро самъ придетъ.

— Хорошо. Ступайте.

Прошло много времени прежде чѣмъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ миловидный мальчикъ, лѣтъ 14-ти. Весь складъ лица прямо говорилъ, что онъ сынъ Рачинской, но осмысленное выраженіе лица матери не бросалось въ глаза на его лицѣ.

— Bonjour, maman! Прости, что заставилъ тебя такъ долго ждать. Со мной случилось маленькое несчастіе — оступился на льду, промокъ и принужденъ былъ переодѣться. Впрочемъ, это пустяки, скажи лучше, зачѣмъ ты звала меня?

— Просто хотѣла видѣть тебя. Мы не видались съ утра. Поцѣлуй меня, дружокъ.

— Охотно, chère maman, за твое ангельское терпѣніе, за которымъ я сегодня долго наблюдалъ, хотя ты и не видала меня.

— Когда же Давидъ?

— Когда ты бесѣдовала съ M-lle Варугиной. Признаюсь, охота разговаривать съ такимъ уродомъ. Даже папа морщился, что для нея ты забыла всѣхъ гостей. Кричишь ей на ухо, что есть силы, она слушаетъ, слушаетъ, преуморительно вытянувъ лицо, но отвѣчаетъ все-таки не кстати. Я чуть не умеръ со смѣху.

— Можетъ быть дѣтямъ все это кажется смѣшнымъ, но никакъ не взрослымъ, т. е. разсудительнымъ людямъ. Глубокое сожалѣніе къ несчастной даетъ мнѣ терпѣніе бесѣдовать съ ней по цѣлымъ часамъ, отвѣчала Рачинская, серьезно смотря на сына. Люди, обладающіе хорошимъ слухомъ, если сами не принимаютъ участія въ разговорѣ, то слышатъ что говорятъ другіе,

а глухіе лишены этой возможности. Согласись не веселое было бы положеніе Варугиной, если бы я, хозяйка, не захотѣла заняться ею.

— Не ѣзди куда, сиди дома, если глуха! Какъ ты, однако, вступилась за нее, точно за сестру родную.

— Развѣ я за Варугину вступилась? я вступилась за всѣхъ несчастныхъ, осмѣянныхъ за ихъ несчастье, возразила горячо Елена Михайловна.— Розалія! затопите каминъ и дайте намъ чаю.

— Какъ хорошо ты угадала мое желаніе, мама. Я съ такимъ удовольствіемъ напьюсь чаю.

— По всѣмъ твоимъ движеніямъ не трудно угадать, что ты прозябъ.

— Немножко холодно. Нелегкая сунула меня идти на пари.

— Въ чемъ же состояло оно, и съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ же другимъ, какъ не съ зубоскаломъ Петровымъ. Впрочемъ, въ моемъ пари мало интереснаго и тѣмъ болѣе, что я проигралъ его.

— Все равно, расскажи мнѣ, настаивала Елена Михайловна, смотря внимательно на сына.

— Мы гуляли вокругъ нашего прудка въ саду, началъ Давидъ, записывая слова чаемъ. Я и говорю—хорошо было бы теперь по первому льду покататься на конькахъ. Петровъ засмѣялся и сказалъ: небось струсилъ. Это меня взорвало, я сбѣгалъ домой за коньками, надѣлъ ихъ, вступилъ на ледъ и, разумѣется, провалился. Отчего ты, мама, блѣдишь?

— Я думаю, что если бы ты утонулъ!

— Вотъ что пришло тебѣ въ голову, а я право и не подумалъ о смерти. Тебѣ впрочемъ извѣстно, что я ничего не боюсь.

— Напротивъ, мнѣ извѣстно, что ты не изъ храбрыхъ. Мнѣ не нравится, Давидъ, это хвастовство въ тебѣ, прибавила Рачинская съ видимымъ неудовольствіемъ. Былъ-ли съ вами Лебедевъ? вдругъ спросила она.

— Да, онъ былъ и прямо объявилъ, что я разыграю изъ себя дурака, если вздумаю кататься, но я не обратилъ вниманія на его слова. Папа сердился, что онъ меня не остановилъ. Право онъ лучше бы слѣлалъ, если бы увелъ меня за руку. Пари, это дьявольская вещь—кто противъ него устоитъ. Впро-

чемъ не стоить больше объ этомъ говорить. Чуть не забылъ: я принесъ тебѣ „Исторію кусочка хлѣба“, которую ты мнѣ дала на недѣль. Я уже прочиталъ. Довольно интересно.

— Прочиталъ уже!.. Расскажи мнѣ что-нибудь изъ прочитаннаго.

— Къ сожалѣнію, не упомяну хорошенько содержанія. Читалъ второпяхъ, такъ что ни все понялъ.

— Спросилъ бы объясненія у Лебедева, а спѣшить было совершенно напрасно.

— Къ Лебедеву за объясненіями не хотѣлъ обращаться: ты знаешь, какой онъ чудакъ, — рѣдко съ охотою объяснить что-нибудь. Говорить, что самъ долженъ додумываться до всего, а иначе будетъ мало толку для меня.

— Вѣрно ты спрашивалъ о томъ, что самъ легко могъ бы понять, если бы захотѣлъ, замѣтила Рачинская.

— Нѣтъ, на parole, онъ всегда такъ отвѣчаетъ, о чемъ бы я ни спрашивалъ его. Даже приводитъ забавные примѣры. Онъ говоритъ, если ученика постоянно водить на помочахъ, то у него скоро ноги ослабѣютъ; точно также и умъ никогда не окрѣпнѣтъ, если не заставлять его работать. Ахъ, какой онъ забавный, мама, какъ смѣшно онъ велъ себя у пруда. Скрестилъ, знаешь, руки и говоритъ: предупреждаю, вашъ фарсъ можетъ кончиться плохо!

— Да, твой фарсъ могъ кончиться плохо, возразила въ грустномъ раздумьѣ Елена Михайловна. Это дѣйствительно былъ фарсъ, не болѣе. Что если и Лебедевъ не успѣетъ исправить тебя. Худо будетъ, очень худо. Зачѣмъ ты подбавляешь еще рому? вдругъ спросила она съ удивленіемъ. — Я нашла тебѣ ложку, чтобы ты согрѣлся.

— Ха, ха, ха! вѣдь я не новорожденный, произнесъ Давидъ ухорскимъ тономъ. Право, ты смѣшная: я пью вино каждый день; дома, когда ужинаю съ папа, или гдѣ-нибудь въ кандитерской, а ты до сей поры и не подозрѣвала этого. Не далѣе какъ сегодня, я выпилъ бокала три шампанскаго, пошумѣло въ головѣ и больше ничего. И что за офицеръ вышелъ бы изъ меня, если бы я не привыкалъ къ вину.

— Вотъ-что! произнесла Елена Михайловна глухимъ голо-

сомъ, ты пьешь вино, мечтаешь о томъ, чтобы быть офицеромъ. Все это для меня новость.

— Для тебя, можетъ статья, новость, но папа всегда говоритъ, что въ Россіи порядочный человѣкъ можетъ служить только въ военной службѣ.

— Такъ, такъ... Я устала, другъ мой, хочу отдохнуть. До свиданья.

Боже мой, Боже мой! Какъ все это тяжело шептала Рачинская, проводивъ сына. 14-ти лѣтній сынъ пьетъ вино, мечтаетъ объ офицерствѣ, а дочь ускользаетъ изъ подъ вліянія. И отъ чего бы это!

Просидѣвъ не мало времени съ поникшею головою, она наконецъ вспомнила, что пора готовиться къ балу. На звонокъ явилась служанка Розалія.

— Подайте мнѣ то платье, которое я надѣвала на послѣдній балъ.

Служанка вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернувшись, сказала, подавая платье:

— Madame! Monsieur приказалъ предложить вамъ этотъ прелестный нарядъ.

Елена Михайловна лишь успѣла произнести звукъ, не столько выражавшій удовольствіе, сколько удивленіе, какъ дверь открылась и вошелъ мужъ ея, Викторъ Александровичъ. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ женой. Его рѣзкая худоба, желтоватый цвѣтъ лица и черные глаза съ лихорадочнымъ блескомъ, невольно заставляли предполагать въ немъ больного или несчастнаго человѣка. Одѣтъ онъ былъ въ статское платье, но, по манерамъ, въ немъ легко было узнать бывшего военнаго.

— По вкусу-ли пришелся тебѣ мой подарокъ, Héléne. Повѣрь, по крайней мѣрѣ, что я его дѣлаю отъ души.

— Вниманіе твое я всегда цѣнила и цѣню, отвѣчала Елена Михайловна, сжимая руки мужа, но тебѣ извѣстно, другъ мой, что гардеробъ мой наполненъ платьями, а между тѣмъ лишнія тряпки — лишнія деньги.

— Ахъ, къ чѣму, зачѣмъ все это, Héléne, возразилъ Викторъ Александровичъ, махая рукой. Пустыми, вздорными разсчетами ты отравляешь мои лучшія минуты, лучшія побужденія. Что мнѣ значитъ издержать 100, 200 рублей для тебя, моей

дорогой жены, когда я трачу каждый день сотни рублей для людей, мало того чуждыхъ, но ненавистныхъ мнѣ.

— Другъ мой, милый Викторъ, прости, если еще разъ я огорчу тебя возраженіемъ. Вспомни сколько противорѣчія между твоими словами и дѣйствіями. Ты презираешь, не любишь ихъ, а среди нихъ проводишь цѣлые дни, для нихъ тратишь свои деньги и здоровье; мало того, отрываешь меня отъ священныхъ обязанностей матері. Я предлагала и предлагаю теперь бросить свѣтъ, забыть о его существованіи. Можетъ быть вдали отъ него мы найдемъ душевный покой. Не теряй терпѣнія, выслушай меня: вѣдь не о себѣ я хлопочу, а о твоемъ благѣ, другъ мой. Ты болѣе видимо, не по силамъ тебѣ этотъ образъ жизни, всѣ доктора, всѣ голоса, утверждаютъ, что если ты не уѣдешь изъ Петербурга, отъ бессонныхъ ночей и полной раздраженія жизни, то я въ скоромъ времени останусь вдовой. Дорогой мужъ мой, уступи моей просьбѣ, уѣдемъ отсюда куда-нибудь подальше, гдѣ можно жить потише!

— Не въ деревню-ли отправиться. Чего лучше: тихо, уединенно и земля своя. Къ сожалѣнію, я носу не смѣю туда сунуть. Странная ты Hélène, не понимаешь, что въ моемъ положеніи нѣтъ другаго исхода, какъ заглушать свое горе. Не всегда же я былъ такимъ безтолковымъ человѣкомъ. И я стремился къ добру и пользѣ. А кто меня отбилъ отъ всего хорошаго? Народъ. Какъ встрѣтили меня крестьяне, когда я, по выходѣ въ отставку, пріѣхалъ въ деревню, чтобы помочь имъ въ ихъ новомъ положеніи. При составленіи уставной грамоты, на всѣ мои совѣты и предложенія клонившіеся къ ихъ пользѣ, они отвѣчали недовѣріемъ, насмѣшкой, а подъ конецъ даже угрозами. Дергаловъ, поповичъ, увѣрялъ, что я не умѣлъ съ ними говорить. Какъ будто бы для того, чтобы облагодѣтельствовать народъ, надо непременно родиться мужикомъ. За то теперь они у меня въ ежевыхъ рукавицахъ. Послѣ военнаго поста очнулись. Что ты такъ смотришь на меня, не за одноли съ поповичемъ думаешь, что я одинъ во всемъ виноватъ?

Елена Михайловна въ это время думала: Вѣдь онъ не злой, но, Господи, до чего можетъ довести ложное самолюбіе!

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ совсѣмъ этого и въ голову не приходило.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты уговорила меня выдти въ отставку, вѣрно считала неспособнымъ, говорилъ Рачинскій, возвышая голосъ.

— Не грѣшно-ли дѣлать такія предположенія, Викторъ, отвѣчала она испуганнымъ голосомъ. Я знаю, что, по уму и образованію, ты годишься хоть куда. Но ты такъ горячился, выходилъ изъ себя, я боялась за твое здоровье.

— Ты права, я погубилъ бы свое здоровье изъ какихъ-то гусынь и прочихъ глупостей, о которыхъ толкуетъ на судѣ наше мужичье. Такъ или нѣтъ?

— Такъ, такъ, поспѣшила отвѣтить Елена Михайловна.

— Еще бы не такъ! Остается только военная служба.

— Но, другъ мой, если всѣ образованные люди будутъ бѣгать народа, то кто же будетъ учить его. Неужели ему оставаться навсегда невѣжественнымъ?

— Прекрасно! Изволь, я опять поступлю въ мировые; пожалуй поѣду въ деревню, стану хозяйничать, заведу школы для народа. Конечно, черезъ годъ ты меня похоронишь, за то для народа будетъ польза! Утѣшительно! Хочешь? Ты вѣдь филантропка. Отчего не принести мужа въ жертву. Туда ему и дорога!

— Викторъ, Викторъ, изъ чего ты горячишься? Съ чего ты навязываешь мнѣ такія мысли? Могу-ли я пожертвовать тобой для кого-нибудь? Развѣ я мало люблю тебя?

— Прекрасно. Если любишь, понимаешь меня, то не должна удивляться тому, что живу я безтолково. Ты знаешь, я самолюбивъ: хочу доказать болтунамъ, что у меня есть средства жить хорошо, что я не испортилъ, а поправилъ свои дѣла. Пусть ругаютъ меня на сторонѣ, а черезъ часъ ко мнѣ же ѣдутъ пить шампанское и веселиться. Тѣмъ унизительнѣе для нихъ. Запугать, затоптать въ грязь хочу я подлецовъ, острившихъ надъ моими неудачами. Что остается мнѣ другое? Кто броситъ въ меня камень за подобное желаніе?

Последнія слова Викторъ Александровичъ произнесъ едва переводя духъ отъ сильнаго волненія и въ изнеможеніи опустился на диванъ.

— Баста! не могу больше говорить, шепталъ онъ. Скоро кажется развяжу всѣхъ—отправлюсь на тотъ свѣтъ.

Елена Михайловна поспѣшно встала, подложила ему по-

душку подъ голову и, стараясь всѣми сила успокоить его, повторяла, что она не переживетъ его, что онъ, жалѣя ее, никогда не долженъ упоминать о смерти.

— Вѣчныя твои противорѣчія уходятъ когда-нибудь меня, отвѣчала ей мужъ.

— Прости, прости. Я никогда не буду противорѣчить.

— На этотъ разъ прощаю, смилостивился Викторъ Александровичъ; но съ условіемъ, чтобы ты загладила свою вину: одѣнься къ лицу и будь весела, чтобы мнѣ и въ голову не приходилъ нашъ проклятый разговоръ.

Желаніе Виктора Александровича было исполнено. Хозяйка казалось веселѣе, любезнѣе прежняго, и только самый тонкій наблюдатель могъ подмѣтить въ ея улыбкѣ глубокую, затаенную грусть; между тѣмъ какъ самъ Рачинскій былъ болѣе, — нежели когда нибудь не въ своей тарелкѣ, чего онъ и не старался скрывать. То онъ разсвѣянно, нахмурия брови, ходилъ изъ комнаты въ комнату, не отвѣчая на вопросы гостей; то вдругъ, безъ всякой причины, становился любезенъ до безконечности; но все у него выходило такъ болѣзненно, неестественно, что жалко было смотрѣть на бѣдняка. Гости, по видимому, не замѣчали настроенія хозяина. Правда, что, кромѣ жены, не кому было съ сочувствіемъ отнестись къ Рачинскому: съ родственниками онъ давно разошелся за то, что послѣдніе открыто порицали его образъ жизни и, главное, всѣ неудачи приписывали неумѣнью его взяться за дѣло. Друзей у него также не было, ибо люди, мелко-самолюбивые, неспособны привязать къ себѣ кого-либо, а постороннимъ было рѣшительно все равно: каковы дѣла хозяина, веселъ или не веселъ онъ, лишь бы музыка играла хорошо, да вина было вдоволь.

II

— *Monsieurs l'instituteur* желаетъ васъ видѣть, *madame*, говорила на другой день послѣ бала въ 12 часовъ дня *Rozalie* своей барынь.

— Просите его сюда, отвѣчала Елена Михайловна, поспѣшно укладывая свои, еще не совсѣмъ расчесанные волосы, въ утренній чепчикъ.

Гувернёръ Давида Рачинскаго былъ бѣлокуръ, не высокаго ростомъ и хорошо сложенъ. Изъ подъ его широкихъ, нѣсколько нахмуренныхъ бровей смотрѣли добрые, хорошіе глаза и открытая, добродушная улыбка довершала общее пріятное впечатлѣніе, которое она производила на всѣхъ и каждаго.

— Добраго утра, Елена Михайловна. Виновать, можетъ быть не во время забрался сюда. Вы едва-ли не сейчасъ только встали послѣ вчерашняго бала?

— Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій Васильевичъ, отвѣчала Рачинская, протягивая ему руку, совершенно во время. Я встала часа два тому назадъ. Всегда рада случаю побесѣдовать съ вами.

— Не долго намъ остается бесѣдовать, Елена Михайловна. Я пришелъ распрощаться съ вами.

— Какъ, что такое, зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что ничего не могу сдѣлать для вашего сына и потому мнѣ не зачѣмъ оставаться здѣсь.

— Неужели, Дмитрій Васильевичъ, Давидъ до такой степени неисправимъ. Онъ шалунъ, лѣнивъ, но еще молодъ, можетъ быть и...

— Молодъ—оно справедливо—но исправленія не предвидится тамъ, гдѣ всѣ точно сговорились, чтобы портить ребенка. Я здѣсь лишній

— А я вамъ говорю что вы полезны для моего сына; кого же и спасти, Дмитрій Васильевичъ, какъ не погибающихъ!

— Что съ вами, Елена Михайловна? вы, кажется нарочно не хотите понять меня. Если хотите я объяснюсь на чистоту.

— Пожалуйста, говорите какъ есть дѣло!

— Не взыщите, начну издалека. Я съ университетской скамейки имѣлъ склонность и готовился быть воспитателемъ, но, по окончаніи курса, не съ разу взялъ на себя эту обязанность: небольшія средства, оставленные мнѣ отцомъ, позволяли мнѣ быть разборчивымъ. Я видѣлъ, что тамъ, гдѣ родители имѣютъ возможность держать въ домѣ учителя, сами не только не способны помогать дѣлу воспитанія, а напротивъ испортятъ всякое дѣло. Вамъ меня рекомендовалъ покойный профессоръ Титовъ. Вы такъ разумно говорили обо всемъ, что сразу заставили согласиться на предложеніе быть воспитателемъ вашего

сына. И потомъ нѣкоторое время я думалъ, что толковая мать отклонить вредное вліяніе отца; но ошибся.

— Не судите строго моего мужа. Онъ, право, не дурной человѣкъ, а только больной, несчастный.

— Прекрасно-съ, больной! такъ зачѣмъ же больному чело-вѣку вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей? А главное, какимъ образомъ вы—здоровая, кажется, допускаете это?

— Да, да, вы правы, я одна во всемъ виновата. Но отчего же, Дмитрій Васильевичъ, вы такъ неожиданно вздумали покпнуть насъ? Не сдѣлалъ ли Давидъ чего нибудь особенно дурнаго?

— А что же хорошаго онъ дѣлаетъ? скажите, Бога-ради! Прежде только лѣнился, ничего не дѣлалъ съ утра до вечера, какъ всякій ребенокъ, воспитывающійся въ праздномъ домѣ, а нынче уже изъ рукъ вонъ: рѣдкій день ложится спать раньше двухъ, трехъ часовъ, ѣздитъ съ отцомъ по ресторанамъ, пьетъ вино. Вчера, напримѣръ, стыдно сказать, Елена Михайловна, вчера мой 14-ти лѣтній воспитанникъ буквально напился шампанскаго и въ пьяномъ видѣ пустился на конькахъ по первому льду. Разумѣется, я могъ бы не допустить его до этого, но такъ какъ былъ увѣренъ, что успѣю спасти его, то мнѣ хотѣлось, чтобы онъ, окунувшись, скорѣе отрезвился, ибо подобное состояніе вредно во всѣхъ отношеніяхъ для дѣтей, и въ то же время надѣялся, что опасность за жизнь, испугъ, образумятъ его; но теперь онъ опять какъ ни въ чемъ не бывало: все тотъ же пустой хвастунишка. Вчера, послѣ случая на прудѣ, я заходилъ къ Виктору Александровичу спросить его: онъ ли наполнилъ сына шампанскимъ или не замѣтилъ какъ тотъ самъ напился? Что же вы думаете онъ отвѣчалъ мнѣ на это? Говоритъ: Для мальчика ничего не значитъ два, три бокала; далѣе, что не понимаетъ за что я нападаю на Давида, которымъ онъ съ своей стороны вполне доволенъ—нравъ, дескать, у него мягкій, всегда онъ веселъ, приличій не нарушаетъ, чего же надо? Любить пошалить, но это не бѣда: надобно только предупреждать его шалости, для этого и надзоръ за нимъ есть.—Гмъ, говорю я, а что онъ не учится ничему, тунеядцемъ растетъ, на это какъ вы смотрите?—Это дѣло послѣднее, знанія не даютъ счастья. Наконецъ, военная служба, куда я готовлю его, не требуетъ боль-

шой учености.— Понимаю, значитъ вы хотите воспитать вашего сына невѣждою? Ваше дѣло, но я не намѣренъ помогать вамъ въ этомъ. Что же вы плачете, Елена Михайловна, не за тѣмъ я пришелъ сюда, чтобы смотрѣть на ваши слезы.

— Васъ онъ оскорбляютъ, отвѣчала Рачинская, вытирая глаза, простите меня за нихъ и за все; но вѣдь сынъ мой погибаетъ, Дмитрій Васильевичъ.

— Виновать за рѣзкость Елена Михайловна, непривычка бывать въ порядочномъ обществѣ. Ни чье горе и слезы не могутъ меня оскорбить; но слезы ваши—вода, Елена Михайловна, обыкновенное прибѣжище женщинъ, когда имъ нечего сказать въ свое оправданіе.

— Какъ, вы не вѣрите моему горю?

— Если бы порча дѣтей была для васъ горемъ, то вы постарались бы и предохранить ихъ отъ нее. Вы, такая, по видимому, разумная, добрая мать, позаботились ли вы когда-нибудь объ исправленіи сына! Слова-то ваши и нравоученія—на нихъ далеко не уѣдешь! Обманулся я въ васъ жестоко, Елена Михайловна. Тысячу разъ лучше имѣть дѣло съ пустой барыней—по крайней мѣрѣ сразу видишь съ кѣмъ имѣешь дѣло, а вы!.. Богъ вамъ судья, Елена Михайловна, жесткую рѣчь веду я на прощаньи, но въ жесткости своей не раскаиваюсь.

— Говорите, что хотите, Дмитрій Васильевичъ, я всего заслуживаю. Только останьтесь, повремените,—все измѣнится къ лучшему.

— Нѣтъ-съ, покорный слуга. Ждать нечего: вамъ можетъ быть не тяжело смотрѣть какъ погибаетъ вашъ сынъ, а по моему, легче сразу убить человѣка, чѣмъ медленно убивать и тѣло и душу ребенка, какъ поступаете вы съ своимъ сыномъ. Наконецъ, я долженъ о себѣ подумать. Вы гордитесь своими экипажами, туалетами и Богъ васъ знаетъ еще чѣмъ; а намъ бѣднякамъ нечѣмъ гордиться, кромѣ сознанія что приносишь пользу. Я здѣсь потрачу напрасно свои силы и даже, быть можетъ, охладѣю къ любимому дѣлу. Нѣтъ, Елена Михайловна, ждать нечего. Желаю вамъ когда нибудь оглянуться на то, что вы дѣлаете.

— Я сознаю, глубоко сознаю справедливость вашихъ словъ, Дмитрій Васильевичъ, и ничего не могу сказать въ свое оправ-

даніе; но развѣ это не дѣло, поддержать на добромъ пути испорченнаго ребенка?

— Къ чему тратить слова на вѣтеръ? Съ самымъ добрымъ желаніемъ ничѣмъ не помочь дѣлу тамъ, гдѣ вся обстановка ни къ чорту не годится. Наконецъ Елена Михайловна, маску долой: не будь васъ тутъ, я можетъ быть успѣлъ бы исправить Давида.

— Какъ меня!... Я, значить, одна гублю сына! Говорите какъ это, какъ?

— Если не вы одна, то во всякомъ случаѣ вы больше другихъ. Я замѣчалъ, что Давидъ не особенно любитъ и уважаетъ отца, слѣдовательно, какъ праздно не жилъ бы вашъ мужъ, сколько здоровья и денегъ не тратилъ бы онъ, просиживая ночи за картами, мнѣ, быть можетъ, удалось бы внушить ребенку на сколько бесполезна и даже вредна такая жизнь, и тогда навѣрно у сына достало бы духа осудить отца. Но вы—другое дѣло, Елена Михайловна, вы убиваете время ни чуть лучше своего мужа; съ утра до вечера ничего не дѣлаете; какъ управляются ваши имѣнія? чему и какъ учатся ваши дѣти?—до этого вамъ нѣтъ дѣла. Но осуждать васъ дѣти никогда себѣ не позволяютъ. Все, что дѣлаетъ дорогая ихъ мама хорошо и безупречно. Даже толки ваши о пользѣ ближнему и трудѣ принесутъ имъ только зло, такъ какъ между вашими словами и дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть. Они лишаютъ вашихъ дѣтей вѣры въ слово человѣческое, дадутъ имъ мысль, что можно быть, или по крайней мѣрѣ, казаться хорошимъ человѣкомъ, толкуя о добрѣ, но не переводя его въ жизнь. О! изъ нихъ впослѣдствіи выйдутъ нестерпимые болтуны,—это легко предвидѣть!

Елена Михайловна не возражала. Блѣдная, съ смертельной тоской на душѣ, сидѣла она съ поникшей головой.

Наконецъ Лебедеву стало жалко ее. Искреннее горе бѣдной женщины было слишкомъ очевидно.

— Что съ вами, Елена Михайловна, не убивайтесь же такъ! Если вы сознаете свою ошибку, то еще есть время ее поправить.

— Да, да, все поняла. Вы мнѣ освѣтили сколько зла я дѣлаю дѣтямъ? Не будь васъ, я не поняла бы этого. О, какъ это ужасно!

— Успокойтесь! у людей, способныхъ понять свою вину и исправить ее, раскаяніе не ограничивается одною минутою. Какая польза въ вашихъ слезахъ и тоскѣ?

— Я вытру ихъ, Дмитрій Васильевичъ; но, прибавила она рѣшительно, теперь вы не покинете меня. Кто способенъ таѣмъ свѣтло смотрѣть на вещи и прямо высказывать правду, тотъ не откажетъ въ помощи матери, впервые сознавшей ужасныя послѣдствія своей вины. Я чувствую, глубоко чувствую, что вы необходимы для насъ. Не хочу васъ обманывать теперь, въ настоящую минуту, все пока пойдетъ по старому; но клянусь вамъ, прибавила она, вставая съ мѣста и протягивая руку учителю, въ самомъ, непродолжительномъ времени все перемѣнится и явится возможность исправить сына. Оставайтесь, подождите, или, быть можетъ, вы опять не вѣрите тому, что я говорю. Не вѣрите моему сознанию, рѣшимости исправить дѣло?

Дмитрій Васильевичъ колебался не долго. Одинъ взглядъ на глаза Елены Михайловны, полные мольбы, поколебали бы и болѣе черствую душу:

— Вѣрю вамъ, сказалъ онъ наконецъ, и остаюсь еще на годъ. Быть можетъ ваше счастливое будущее не далеко!

— Да благословитъ васъ Богъ за вашу уступку, произнесла растроганная Рачинская, сжимая руку Лебедева,

III

Въ одно ясное ноябрьское утро легкій морозецъ и яркое солнце выгнало цѣлыя толпы празднаго народа на Невскій проспектъ. Конечно, въ этотъ день, какъ и всегда, хорошая погода служила только предлогомъ для гуляющихъ. Большинство шло сюда показать свои наряды или обмѣняться поклонами съ знакомыми и развѣ только немногіе спѣшили подышать свѣжимъ, осеннимъ воздухомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежала знакомая наша Вѣрочка съ своею гувернанткой, миссъ Гарретъ. Обѣ простымъ своимъ костюмомъ рѣзко выдавались изъ нарядной толпы. Онѣ шли ускореннымъ шагомъ, какъ бы догоняя кого. Наконецъ Вѣрочка не утерпѣла, сдѣлала нѣсколько шаговъ почти бѣгомъ и очутилась возлѣ своего брата. Увидѣвъ

сестру, Давидъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ ей: какъ не стыдно бѣгать по Невскому?

— Гадкій мальчикъ, еще смѣетъ упрекать меня. Самъ заставилъ насъ бѣжать чуть не отъ самаго дома. Миссъ Гарретъ совѣмъ выбилась изъ силъ; она хочетъ жаловаться мамѣ.

— И мама поставитъ меня въ уголъ—этого только недогадывало. Я сказалъ, что не буду гулять съ гувернанткой, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ не пятилѣтній какой нибудь.

— Развѣ ты всегда съ нею гуляешь? Сегодня только мама просила тебя идти съ нами, потому что Лебедевъ боленъ.

— Развѣ я не могъ бы идти одинъ? Сейчасъ встрѣтилъ Корсунова съ компаніей, могъ бы присоединиться къ нимъ и гулять сколько душѣ угодно.

— Мама не любитъ эту компанію, она поручила тебя намъ, и я непременно пойду съ тобой. Вѣрно же тебѣ не стыдно гулять съ сестрой?

Давидъ презрительно осмотрѣлъ съ ногъ до головы сестру.

— Долженъ сознаться, *chère Verette*, стыдно, возразилъ онъ комическимъ тономъ. До того костюмъ вашъ не позволителенъ.

— Что же въ немъ особеннаго, возразила вспыхнувшая Вѣрочка. Не запачкалась ли я гдѣ въ грязи?

— Успокойся, грязи нигдѣ нѣтъ. Не перевертывайся же, Бога ради, такъ... Няня наша Татьяна также ходитъ очень чисто, но согласись, что костюмъ ея далеко не изященъ! Ты, Богъ знаетъ, на кого похожа: ноги въ аршинъ, талия никакой нѣтъ, шапку вѣрно еще отъ бабушки въ наслѣдство получила. Право, Розалія во сто кратъ лучше тебя одѣвается.

— Молчи, пустой щеголь. Я не желаю быть выставкой нарядовъ. Я одѣта просто, за то у меня въ головѣ что нибудь есть, а у тебя только вѣтеръ.

— Ты воображаешь, что ученость твоя написана на лбу. Много кому дѣла до этого. Ты посмотри, кто на тебя обращаетъ вниманіе. Едва ли знакомые захотятъ поклониться тебѣ.

— Не смѣй говорить глупости, почти закричала Вѣра, совершенно выходя изъ себя. Ты по себѣ всѣхъ судишь.

Въ это время шли имъ на встрѣчу три изящно и богато одѣтыя барышни, знакомыя Рачинскихъ. нерѣдко тавцовавшія

у нихъ на вечерахъ. Давидъ, узнавъ знакомыхъ, поспѣшилъ подойти къ нимъ. Онъ дружески протянули ему руки и весело зашебетали по французски; но замѣтивъ Вѣрочку, нерѣшительно подходившую къ нимъ, поспѣшили распрощаться съ мальчicomъ. Меньшая изъ барышень, ровесница и пріятельница Вѣрочки, посоветилась обойти ее. Но привѣтъ пріятельницы окончательно привелъ въ замѣшательство бѣдную дѣвочку.

— Ахъ... было первое слово ея, и она съ сожалѣніемъ оглядѣла костюмъ Вѣрочки. Какъ ты попала сюда на Невскій? Къ счастью, голосъ гувернантки призывавшей барышню, положилъ конецъ затруднительной сценѣ.

Давидъ скрестилъ руки и съ насмѣшкой смотрѣлъ на Вѣру.

— Разуважила, произнесъ онъ наконецъ. Вотъ тебѣ и умъ и познанія твои! Не правъ ли я былъ, стыдяся идти съ тобою?

— Замолчи, Давидъ, прошептала Вѣра. Мнѣ и безъ того больно, обидно. Я права разревусь. Ахъ какіе вы всѣ гадкіе!

Давидъ видѣлъ, что сестра не шутила, ибо глаза ея были полны слезъ и поспѣшилъ увести ее въ сосѣднюю улицу. Онъ больше всего боялся скандала передъ этой нарядной толпой—единственнымъ судьей, мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ. И какъ умѣлъ онъ поддѣлаться къ требованіямъ толпы: кто узналъ бы въ этомъ прилично, солидно прогуливающимся мальчикѣ шулуна Давида, который чуть не на головѣ ходилъ дома.

Миссъ Гарретъ, хотя не вполне знакомая съ русскимъ языкомъ, поняла однако все, что происходило около нее, и съ утѣшеніями и участіемъ подошла къ своей воспитанницѣ.

— Не нужно, оставьте, грубо отвѣчала Вѣра. Мы съ вами куда не покажемся, всѣ будутъ смѣяться надъ нами.

И она поспѣшила впередъ съ братомъ.

— За что всѣ нападаютъ на меня, Давидъ? Чѣмъ я виновата, коли татан не хочетъ меня одѣвать порядочно?

— Ты еще маленькая; рано тебѣ думать о нарядахъ.

— Маленькая старше тебя годомъ. Ты думаешь мнѣ не обидно, что ты будучи моложе меня, давно уже пользуешься свободой, а меня, какъ маленькаго ребенка, въ 9 часовъ шлють спать. Сколько разъ я, дождавшись, когда уснетъ миссъ Гарретъ, спускалась внизъ и, стоя на лѣстницѣ, прислушивалась къ говору и музыкѣ. О, какъ ныло иногда сердце мое, братъ!

— Ай, ай, ай! развѣ тебѣ не грѣшно слушать музыку, вѣдь тебя въ монастырь готовятъ? Года черезъ два свеземъ тебя къ папашиной grand-maman—игуменьѣ, это будетъ дѣло. Куда тебѣ, такой неуклюжей, въ свѣтъ жить?

— Оттого и неуклюжа, что меня не одѣнуть, не зашнуруютъ порядочно. Хочешь пари держать, что съ завтрашняго дня я перерожусь, ты не узнаешь меня!

— Полно, ты лучше шляпу-то надѣнь пограціознѣй. И онъ сдвинулъ ей шляпу совершенно на бокъ. При чемъ разразился неудержимымъ смѣхомъ. Нарядную толпу они давно уже миновали, а простой, трудовой народъ, попадавшійся имъ теперь на встрѣчу, мальчикъ никогда не привыкъ считать за людей и потому явился здѣсь тѣмъ же Давидомъ, какимъ былъ дома.

Дѣвочка окончательно разобидѣлась и со слезами убѣжала отъ него къ миссъ Гарретъ.

Въ сумерки того же дня въ библиотекѣ Рачинской на мягкой, низенькой софѣ сидѣла Елена Михайловна и возлѣ нея помѣщалась худая, маленькая фигурка знакомой намъ миссъ Гарретъ. Гувернантка, наклонившись близко къ уху хозяйки, что-то съ жаромъ рассказывала. Лица обѣихъ были озабочены...

— Пемилуйте! плачетъ, кричитъ на улицѣ, почти уже взрослая. Развѣ можно, леди, такъ вести себя? У насъ это дѣло неслыханное. Потомъ всѣ мои утѣшенія, резоны, слышать не хочетъ, отворачивается. О!... если бы не уваженіе къ вамъ и привязанность къ дѣтямъ...

— Повѣрьте, что я цѣню ваше расположеніе къ намъ, отвѣчала Елена Михайловна, и понимаю, что вамъ трудно переносить грубость своей воспитанницы. Но, право, мнѣ кажется, что на нее напала болѣзнь какая-то. Вы чаще ее видите, миссъ Гарретъ, какъ давно вы замѣчаете перемѣну въ ней?

— Не менѣе года, мистриссъ. Сначала еще кое-какъ шло, а теперь вѣдь изъ рукъ вонъ! Прежде была такая добрая, умная,—нынѣ все сердится, ни съ кѣмъ добраго слова не скажетъ. Прежде о Жени заботилась, какъ мать, а теперь онъ не смѣетъ подойти къ ней. И къ ученью, мистриссъ, охота пропала. Все какъ бы посмотрѣть, что внизу дѣлается. Учителя

въ голосъ жалуются на нее: ничего не дѣлаетъ! Право, если бы я была суевѣрна, то подумала бы, что злой геній обошелъ ее.

— Но другой причины такой перемѣны, болѣе естественной, вы не находите, миссъ, сказала Рачинская, видимо желая вызвать на откровенность гувернантку.

— О, какъ не найти, мистриссъ, причина ясна! Но я... это уже не въ моей власти.

— Все равно, миссъ, говорите, тутъ дѣло не во власти, — лишь можно было бы исправить дѣвотку.

— Я боюсь васъ оскорбить... я такъ много уважаю васъ.

— Не смущайтесь, миссъ, никогда никакая правда не оскорбитъ меня.

— Въ васъ мало религіи, мистриссъ, глаза гувернантки блесгли. Да... не въ васъ однихъ, а вообще во всѣхъ русскихъ. Потому и счастья между вами мало. Въ Англіи накануне праздника всякій отецъ семейства читаетъ вслухъ библію. Вся семья соберется и слушаетъ его. Въ праздникъ, Боже сохрани, чтобы кто-нибудь работалъ, торговалъ! а у васъ помнитъ-ли кто-нибудь воскресный день? Такъ вы и дѣтей своихъ воспитываете. Когда вы бываете въ церкви, когда водите туда дѣтей своихъ? А церковь и есть истинная школа. О, хорошая проповѣдь лучше всякой книги. Впрочемъ, гдѣ же русскому священнику сказать проповѣдь такъ, какъ у насъ ихъ говорятъ.

— Постарайтесь же, миссъ, развить въ Вѣрѣ религіозное чувство, если я не успѣла его развить.

— Теперь уже поздно, мистриссъ. Религіозность передается, съ молокомъ матери. Развѣ мало я читала съ ней Евангеліе, а теперь она слова Божьяго и слушать не хочетъ.

Елена Михайловна задумалась.

— Нѣтъ-ли другихъ какихъ причинъ, миссъ, кромѣ недостатка религіи. Какъ вы думаете? Не раздражаетъ-ли ее обстановка, среди которой она живетъ, мои выѣзды, удовольствія? Всѣмъ извѣстно до чего заразителенъ примѣръ, особенно примѣръ близкихъ, и какъ впечатлительны молодыя головы.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани!.. Я также была молода, когда поступила къ лорду Х. Бывало въ замкѣ его танцуютъ, веселятся цѣлый день, а мнѣ и дѣла мало. Человѣка никто не можетъ соблазнить, если у него Богъ въ головѣ.

— Во всякомъ случаѣ, миссъ, что мы будемъ дѣлать, какія мѣры вы посовѣтуете мнѣ принять для ея исправленія?

— Я, мистриссъ, вотъ что посовѣтывала бы вамъ, говорила тайно г-нъ гувернантка: позовите вашего духовника, пусть онъ съ ней поговоритъ.

— Теперь, когда она такъ раздражена, едва-ли это послужитъ къ чему-нибудь. Лучше, миссъ, оставимъ ее въ покоѣ, выждемъ исходъ этого кризиса.

Гувернантка осталась недовольна, что Елена Михайловна не приняла ея исправительныхъ мѣръ. Религіозная до мечтательности, она вообразила, что слово священника сразу излечитъ всѣ душевныя недуги Вѣрочки.

— Ну, она мнѣ не помощница, думала Елена Михайловна, разставшись съ гувернанткой.

Она пошла было изъ комнаты, но въ дверяхъ встрѣтилась съ мужемъ, который только что возвратился съ званого обѣда. Лице Рачинскаго носило печать утомленія, а глаза, по обыкновенію, блестѣли лихорадочно. Поздоровавшись дружески съ женой, онъ весело сказалъ ей:

— Ну, ангелъ мой Hélène, Бахтѣева слышала о твоей болѣзни. Дѣти ея видѣли тебя сегодня на улицѣ. Говоритъ, что приметъ за личное себѣ оскорбленіе, если ты не будешь у ней сегодня на домашнемъ спектаклѣ. И знаешь, что она прибавила? Отгадай!.. Говоритъ, разумѣется не громко, что просвѣщеннымъ твоимъ мнѣніемъ дорожить больше, чѣмъ мнѣніемъ всей остальной публики. Каково это тебѣ кажется? Впрочемъ ты, плутовка, избалована общественнымъ мнѣніемъ. Знаешь что, умница? Расправь свои морщинки, а то все такъ и кажется, что ты скорбишь о моихъ грѣхахъ.

— Съ чего ты взялъ, что я о чемъ-нибудь скорблю? Правда, Вѣрочка меня немножко беспокоитъ, она что-то все хандритъ...

— Опять о дѣтяхъ. Оставь меня пожалуйста въ покоѣ! Воспитывай ее, какъ знаешь, я не вмѣшиваюсь въ твои дѣла, благо мой Давидъ не хандритъ.

— Но и Давидомъ нельзя быть вполне довольнымъ.

— Что опять такое? стулъ уронилъ, прыгая, или цвѣтокъ сорвалъ безъ спросу—экъ бѣда какая. Нѣтъ, Hélène, ты рѣ-

нительно не можешь меня видѣть покойнымъ; непременно найдешь сообщить что-нибудь непріятное.

— Что ты выдумываешь, Викторъ, я такъ рада, что ты веселъ, говорила Елена Михайловна, стараясь улынуться. Вѣришь?

— Вѣрю, вѣрю. Смотри же, не вздумай отказываться отъ спектакля, тогда все мое веселье пропало!

О! думала Елена Михайловна, тѣду смотрѣть на комедію, когда дома совершается трагедія. Куда какъ весело.

Тяжело было Еленѣ Михайловнѣ, но на борьбу съ мужемъ недоставало у ней духа, ибо все, что въ ней было хорошаго въ головѣ: здравыя мысли о воспитаніи, о назначеніи чело-вѣка—все было взято изъ книгъ, а въ жизни она видѣла только пустоту и тщеславіе. Никто на ея глазахъ не постоялъ за свободу быть полезнымъ обществу. Правда, гувернантка ея жила съ пользой для другихъ, добросовѣстно исполняя свою обязанность, но вѣдь ей, бѣдной дѣвушкѣ, ничего ни оставалось, какъ только быть гувернанткой и учить дѣтей.

Къ 7-ми часамъ вечера Рачинская была уже совершенно готова и отослала горничную. Желая еще разъ осмотрѣть свой туалетъ, она стала передъ трюмо и неожиданно для самой себя задумалась и простояла нѣсколько минутъ неподвижно.

Шелестъ въ сосѣдней комнатѣ вывелъ ее изъ задумчивости. Она подняла глаза и въ зеркалѣ, при слабомъ освѣщеніи матоваго колпака лампы, увидѣла Вѣрочку. Не вдругъ узнала ее Елена Михайловна, до такой степени лице дѣвочки было обезображено злобой.

Она давно уже наблюдала за матерью; но когда послѣдняя поворотила голову въ ея сторону, Вѣрочка бросилась въ уголъ, желая быть незамѣченной ею.

— Вѣра, это ты? спрашивала Елена Михайловна.

— Я...

— Что же ты нейдешь сюда? вѣрно боишься помѣшать моимъ сборамъ.

— Да, да, именно. Впрочемъ не бойся, я скоро кончу, не задержу тебя.

— А! такъ ты пришла говорить со мной? Тѣмъ лучше. Я очень рада, что ты умѣешь держать слово.

— Ты желаешь! Хорошо я буду говорить. Церемониться

не стану. Я все боялась, что ты права, но теперь для меня все ясно.

— Что же для тебя стало ясно? Говори, Вѣра. Но прежде сядемъ. стоя говорить неудобно.

— Ничего, постою, отвѣчала дѣвочка, переминаясь съ ноги на ногу.

— Что же ясно? продолжай настаивала, Елена Михайловна.

— Ясно, что ты ни кого изъ насъ не любишь, и потому я должна сама заботиться о себѣ.

— Изъ чего ты заключаешь, что я не люблю васъ, говорила Елена Михайловна, стараясь всѣми силами казаться спокойной.

— Изъ всего... Почему, напримѣръ, ты не заботишься о моей талии. Почему не позволяешь носить корсетъ?

— Потому что носить корсетъ вредно. У тебя совсѣмъ не уродливая фигура и впослѣдствіи она будетъ еще лучше. Теперь же тебѣ рано думать о красотѣ талии. И это ты приняла за доказательство моего нерасположенія къ вамъ?

— Конечно за доказательство. Ну, какая это талия! неуклюжая. Не даромъ всѣ знакомыя дѣвочки зовутъ меня мячикомъ. Тебѣ это ни почемъ, благо у тебя хорошая талия!

Рачинская взглянула въ зеркало, отражавшее ея стройную фигуру, вспомнила, что съ дѣтства не разставалась съ корсетомъ, даже не ловко себя чувствовала безъ него и покраснѣла. Конечно, она была права, запрещая дочери носить корсетъ, но приходилось-ли ей учить тому, чего сама она не исполняла?

— А платьѣ, платьѣ какое, продолжала Вѣрочка, съ горечью указывая на свое коричневое кашемировое платьѣ. Одноцвѣтное, мрачное, точно я въ институтѣ, а не дома живу. Только я, да миссъ Гарретъ, ходимъ въ такихъ платьяхъ. У той хоть денегъ нѣтъ, не на что купить другаго, а я за что страдаю? Больше носить его я не намѣрена. Я всегда слѣшлась тебя, всегда была покорна, но теперь баста! Пусть миссъ Гарретъ толкуетъ, что меня Богъ накажетъ за непослушаніе. Пусть наказываетъ—хуже не будетъ. А платья этого я больше не надѣну, голосъ ея оборвался.

— И все... слабо возразила Елена Михайловна.

— Нѣтъ далеко не все! Меня не за одинъ туалетъ обѣгаютъ знакомыя, а потому, что имъ со мною скучно. Онѣ разго-

вариваютъ между собой о театрахъ, балахъ, гдѣ вмѣстѣ веселились, а я о чемъ буду говорить? Что я вижу кромѣ своей дѣтской? Куда ты меня возишь? Не изъ книгъ-ли мнѣ разсказывать имъ? Ты одна только такъ много толкуешь объ ученѣхъ. Всѣ скучаютъ со мной, а мнѣ это больно, обидно. Нѣтъ, мама, Богъ тебѣ судья, мало ты любишь насъ. Почему запрещаешь мнѣ веселиться такъ, какъ веселятся другія дѣвочки? Къ чему ты готовишь меня?

— Напрасно, дитя мое, ты такъ мечтаешь о балахъ и увеселеніяхъ. Не только они вредны для молодой головы: развиваютъ тщеславіе, губятъ время, — но и надоѣдаютъ скоро. Скучно бываетъ на нихъ. Повѣрь, дитя.

— Почему же ты не сидишь дома, если тебѣ это нравится? Было бы скучно тамъ, не развѣзжала бы цѣлый день.

Судь мой насталъ, думала Елена Михайловна и молчала. Подождавъ нѣсколько минутъ отвѣта матери, дѣвочка продолжала съ торжествующимъ видомъ: Папа развѣ глупѣе тебя, а онъ всюду беретъ Давида съ собой. Онъ только съ виду угрюмъ, а въ душѣ несравненно добрѣе тебя, — никого не мучаетъ, не притѣсняетъ.

— Что ты говоришь Вѣра, развѣ я мучаю, обижаю кого?

— О, обидѣть, ты мухи не обидѣшь, только дочь свою губишь. Ты думаешь не говорятъ о томъ, что ты меня уродливо воспитываешь! Даже больше говорятъ.

Елена Михайловна подняла голову.

— Что же говорятъ? доканчивай!

— Говорятъ, что ты нарочно держишь меня взаперти, чтобы дольше казаться молодой. Послѣ же удалишь меня изъ дома опредѣлишь гувернанткой, для чего и учишь меня такъ много.

Рачинская страшно поблѣднѣла. Дѣвочка взглянула на мать и прошептала: Впрочемъ, этому я уже не вѣрю.

— Подойди, подойди ко мнѣ, моя дѣвочка... Посмотри на меня, говорила Елена Михайловна, судорожно привлекая къ себѣ дочь. Да, я вижу ты вѣришь этому. О не вѣрь, не вѣрь, дитя мое, продолжала она, цѣлуя дочь въ голову, — это гнусная, низкая клевета. Все, только не это. Много я дѣлаю дурнаго, но васъ люблю больше себя. Тебя хотѣла я спасти отъ той пустоты, гадости, среди которой сама выросла; бороться до-

лѣ у меня не хватаетъ силъ. Особенно послѣ такого обвиненія! И такъ, ты непременно хочешь выѣзжать, Вѣра?

— Да я хотѣла бы... если ты позволишь, отвѣчала уже покорно смущенная дѣвочка.

— Изволь! но прежде нужно хорошенько выучиться танцовать. Съ завтрашняго дня возобнови уроки танцованья. А вечеромъ поѣдешь со мной въ театръ.

Восторженная дѣвочка бросилась къ матери на шею.

— Милая, милая мама, кричала она, какъ ты добра, а я еще смѣла тебя огорчать.

Въ это время кто-то съ шумомъ отворилъ дверь. Въ комнату вошелъ Викторъ Александровичъ. Онъ съ раздраженіемъ обратился къ женѣ.

— Что же ты не выходишь? давно пора. Неужели ты не готова? Теперь безъ 5-ти минутъ 7, а ровно въ 7 начинается спектакль. Развѣ вѣжливо пріѣхать во время представленія?

Елена Михайловна бессознательно поправляла на себѣ платье.

— Да спѣши же, Бога ради. Какая тоска съ тобой! Едва умолишь ѣхать на вечеръ, наконецъ и въ карету приходится чуть не силой сажать. Всю жизнь возится съ дѣтьми. Ты зачѣмъ здѣсь? гнѣвно спросилъ онъ дочь. Сколько разъ я говорилъ, чтобы не мѣшали матери одѣваться. Развѣ у тебя нѣтъ миссъ Гарретъ. Ступай къ ней: маршъ!

Дѣвочка поспѣшно вышла. Она шла и думала: папа увѣряетъ, что маму надо уговаривать ѣхать на вечеръ—значитъ она правду говорила, что ей скучно выѣзжать. Нѣтъ что-нибудь не такъ. На балахъ весело. Я вѣдь видѣла, какъ тамъ веселятся!

На вечерѣ Бахтѣевой, во время антракта, двѣ пожилыя дамы, сидѣвшія въ одномъ ряду съ Рачинской, толковали между собой.

— Не правда-ли, какъ интересна сегодня Рачинская. Я ее лѣтъ 10 не видала такой. Розовыя щеки и глаза блестятъ какъ-то необыкновенно. Точно съ радости какой. Ужъ не наслѣдство ли получили какое, говорила одна изъ нихъ.

— Я думаю, что это было бы имъ какъ нельзя болѣе кстати, возразила насмѣшливо другая.

Между тѣмъ съ Еленой Михайловной совершалось что-то необыкновенное. Она чувствовала какую-то тупость во всемъ тѣлѣ, между тѣмъ какъ голова ея и лицо горѣли. Всѣ окру-

жающіе предметы начинали принимать въ ея глазахъ ужасающіе размѣры; актеры уже не говорили, а кричали; музыка пронзительно раздавалась въ ушахъ. Ей чудилось, что она маленькая, что передъ нею лежитъ арифметическая задача (въ арифметикѣ Елена Михайловна всегда была слаба), мозгъ ея бесплодно работалъ надъ разрѣшеніемъ задачи и въ тоже время два голоса кричали ей на ухо: Ты всю жизнь возишься съ дѣтяти, какъ курица-наседка, кричитъ одинъ.

— Ты безчувственная мать, губишь свою дочь, укоряетъ другой.

На слѣдующій день Елена Михайловна лежала въ горячкѣ.

IV

Викторъ Александровичъ былъ въ отчаяніи отъ болѣзни жены. Не разъ приводилось ему слышать, что нервныя горячки бываютъ почти всегда послѣдствіемъ сильныхъ волненій и огорченій. Отчего же заболѣла его жена? Какія душевныя потрясенія могли быть у нее? Сколько онъ ни думалъ, но ничего не могъ придумать. Наконецъ, причина отыскана: развѣ онъ не засталъ Вѣрочку, передъ отъѣздомъ на вечеръ, съ заплаканными глазами, въ комнатѣ матери. Теперь ясно: она своими капризами довела мать до болѣзни. Началось крутое слѣдствие. „Ты раздражила мать, ты уложила ее въ постель своими капризами, кричалъ онъ Вѣрочкѣ. Сознавайся какъ было дѣло?“ Вѣра пришла въ такой ужасъ и смятеніе, что даже сама начала увѣрять, что она виновата въ болѣзни матери. Но рассказъ ея, сопровождаемый слезами, на столько былъ не ясенъ, что отецъ ничего не понималъ, кромѣ того, что дочь его внесла въ домъ большое несчастье. Онъ хотѣлъ посадить ее подъ замокъ, придумывалъ разныя наказанія; но миссъ Гарретъ, съ замѣчательною твердостью, несогласилась ни на одно изъ нихъ, говоря, что воспитаніе Вѣрочки поручено ей Еленой Михайловной, которая никогда не прибѣгаетъ къ наказаніямъ, а она, миссъ Гарретъ, всегда дѣйствовала и будетъ дѣйствовать въ ея духѣ. Она, по своему добродушію, и не подозрѣвала, что для Вѣрочки было бы гораздо легче, если бы отецъ наказалъ ее—это смягчило бы ея собственную вину, примирило бы ее съ совѣстью. Сначала

*

Вѣрочка, по своему обыкновенію, пришла въ неистовое отчаяніе. Въ этомъ отношеніи она походила на отца, съ тою только разницею, что послѣдній всегда винилъ другихъ, а Вѣрочка, лучше направленная, способна была сознать свою ошибку. Потомъ она постепенно стихала и, наконецъ, попросила гувернантку прочитать ей главу изъ Евангелія, въ которое она давно уже не заглядывала. Затѣмъ, собравшись съ силами, пошла къ больной и не отходила отъ нее во время всей болѣзни. Давидъ былъ также испуганъ горячкой матери. Онъ искренно, по дѣтски, поплакалъ, чего съ нимъ давно не случалось, ибо больше всего боялся показаться ребенкомъ. Черезъ часъ опять былъ веселъ, по прежнему смѣялся и болталъ. Потомъ опять вспоминалъ о своемъ горѣ, подходилъ къ комнатѣ матери, спрашивалъ о ходѣ ея болѣзни. Но и эта забота продолжалась не долго. Черезъ нѣсколько дней онъ совершенно освоился съ мыслью, что мать больна, не хотѣлъ вѣрить ни въ какую опасность, что помѣшало бы его веселости; разсказывалъ знакомымъ, что у матери: *c'est nerveux!* и не рѣдко, совершенно забывъ, что мать въ постелѣ, съ шумомъ порывался влетѣть въ ея спальню. Къ счастью, Вѣра, бывшая всегда на сторожѣ, успѣвала во время удерживать его. Одно только огорчало Давида: веселый образъ его жизни былъ нарушенъ, такъ какъ въ первое время, разумѣется, ни Рачинскій ни куда не ѣздилъ, ни къ нимъ никто не пріѣзжалъ. Но потомъ, по своей впечатлительности, онъ къ этому сталъ привыкать и даже иногда находилъ удовольствіе въ бѣсѣдѣ съ Лебедевымъ. Послѣдній лучше всѣхъ понималъ настоящую причину разстройства Рачинской, и хотя не могъ оправдать ея образа дѣйствій, но искренно сожалѣлъ о ней, а видя, какъ она медленно поправляется, находилъ, что это дурной признакъ. И дѣйствительно, послѣ кризиса у Елены Михайловны наступилъ полный упадокъ силъ: она не рѣдко по цѣлымъ часамъ лежала безъ языка и движенія. Въ эти минуты Вѣра на себя не походила, безпрестанно прислушивалась къ дыханію матери и поминутно молилась Богу о спасеніи жизни больной. Бѣдная дѣвочка сильно пожелтѣла, поблѣднѣла, глаза ея осунулись. Елена Михайлова замѣчала перемѣну дочери и, въ минуты сознанія, старалась сохранить наружное спокойствіе, хотя въ

душѣ мучилась при мысли, что она ничего не успѣла сдѣлать для дѣтей. „Докторъ, молила она, оставаясь съ нимъ наединѣ, спасите меня для дѣтей моихъ! Я ничего не успѣла еще сдѣлать для нихъ хорошаго“. За то, поправляясь, она нерѣдко высказывала доктору, къ которому имѣла большое довѣріе, что она больная гораздо счастливѣе, чѣмъ была здоровой.

— По крайней мѣрѣ, говорила она, я цѣлый день могу проводить съ дѣтьми; на дѣлѣ вижу какъ они любятъ и заботятся обо мнѣ. Право, я даже боюсь полного выздоровленія.

Если дѣти утѣшали, такъ мужъ своимъ поведеніемъ тревожилъ больную. Онъ дѣлался съ каждымъ днемъ мрачнѣе и мрачнѣе, никуда почти не ѣздилъ, цѣлые часы проводилъ въ комнатѣ жены, не произнося ни одного слова, что производило на больную страшно тяжелое впечатлѣніе. Только Вѣрочка была ея отрадой. Съ взглядомъ, полнымъ любви и благодарности, слѣдила она за заботами о ней дочери, не рѣдко съ жаромъ цѣловала она руку, которая подносила ей лекарство. Такое полное прощеніе и забвеніе ея вины, заставляло дѣвочку еще болѣе раскаиваться въ своей обидной для матери выходкѣ.

Однажды, когда больная дремала, Вѣра, припоминая каждое непріятное слово, сказанное ею матери, горько плакала.

Вдругъ раздался голосъ больной:

— Опять ты плачешь, Вѣрочка! Неужели все о старомъ?

— Ахъ, мама! шептала дѣвочка, простишь ли ты все, чѣмъ я такъ жестоко огорчила тебя. Вѣдь я всегда слушалась тебя и вѣрила въ тебя. Не знаю, что тогда сдѣлалось со мной. Имъ я повѣрила больше, чѣмъ тебѣ! такимъ злымъ, дурнымъ людямъ, рѣшившимся вооружить дочь противъ матери и противъ такой матери, какъ ты! О, злые!

— Отпусти имъ все дитя мой, они сами не знаютъ, что творять. Зло само въ себѣ носитъ наказаніе, ибо злые люди никогда не бываютъ покойны. Дѣлая постоянное зло, они всю жизнь боятся, что бы не поняли ихъ и не оцѣнили по достоинству. Случись съ ними горе, всѣ отъ нихъ отвернутся. Не думай, чтобы я относилась къ нимъ такъ по своей снисходительности. Наблюдай сама и увидишь, что злыхъ людей скорѣе надо сожалѣть, чѣмъ бранить.

Цѣлый мѣсяцъ Елена Михайловна не видала никого изъ

своихъ знакомыхъ и родственниковъ, ибо докторъ предписалъ ей полное спокойствіе. Все, что напоминало ей прошедшее, сильно возбуждало ея нервы. Но лишь только стала она поправляться и вставать съ постели, то съ удовольствіемъ соглашалась иногда отпускать Вѣрочку съ гувернанткой въ гости, желая сколько нибудь развлечь ее послѣ многихъ тяжелыхъ дней и бессонныхъ ночей. Теперь она не боялась болѣе вреднаго вліянія на Вѣрочку постороннихъ лицъ. Вѣрочка, развѣ сознавъ, что она была не права, больше не повѣритъ ихъ толкамъ, думала довѣрчивая мать. Мало того, она даже предполагала, что желаніе ея дочери сдѣлаться барышней, каковы были всѣ окружавшія ея дѣвочки, то есть ничего не дѣлать, наряжаться и плясать, было не болѣе, какъ капризомъ, давно уже миновавшимъ. Затѣмъ, мечтала она о возможности исправить Давида, замѣчая въ немъ нѣкоторыя перемѣны къ лучшему. Не читаетъ ли онъ ей вслухъ по цѣлому часу, тогда какъ прежде не хватало у него терпѣнія на 5 минутъ? Даже болтаетъ онъ меньше, какъ будто умѣетъ сдерживать себя, щадить другихъ. Такіе доводы приводила Елена Михайловна, сообщая свои надежды Лебеву. Молодой человекъ не отвергалъ, что Давидъ перемѣнился къ лучшему, но прибавлялъ, что до полного выздоровленія еще далеко и никакого толку не выйдетъ изъ этого временнаго порядка, если все существенное останется по прежнему. Доводить до конца своихъ воззрѣній на Давида Лебевъ не рѣшался, щадя еще очень слабую послѣ болѣзни Елену Михайловну.

Наступилъ май. Нерѣдко этотъ мѣсяцъ, большею частію теплый и ясный у насъ, вознаграждаетъ бѣдныхъ петербуржцевъ за непостоянную и сырую зиму. Мы знаемъ не мало богатыхъ людей, которые, какъ извѣстно, только и думаютъ о томъ, какимъ бы образомъ побольше насладиться жизнью. Съ этою цѣлью они откладываютъ свой отъѣздъ на западъ и югъ до іюня, рассчитывая, что въ маѣ и въ Петербургѣ будетъ пріятно жить, и расчетъ ихъ большею частію удается. Весенній воздухъ относительно пережитой зимы такъ тепелъ, солнце такъ ярко, что житель Петербурга по неволѣ старается болѣе жить на воздухѣ, чѣмъ въ комнатѣ; онъ знаетъ, что лѣто принесетъ

духоту и зловоніе, слѣдовательно надо спѣшить взять у перваго мѣсяца все, что можно взять.

Въ 186., въ половинѣ мая погода стояла отличная: свѣжій вѣтерокъ, смягчаемый яркими лучами солнца, колыхалъ опущенную стору въ комнатѣ Рачинской. Она дремала, лежа въ длинномъ креслѣ. Ей снился чудный сонъ: здоровый, довольный мужъ; разумныя, веселыя дѣти. Вдругъ кто-то дотронулся до ея руки. Она открыла глаза: передъ нею стояла Вѣрочка. Елена Михайловна не мало удивилась, что дочь, всегда оберегающая ея сонъ, рѣшилась разбудить ее.

— Не случилось-ли чего, Вѣрочка? былъ первый вопросъ ея.

— Ничего, мама, не безпокойся. Виновата, что разбудила тебя. Тѣтя Marie и Антонина Петровна пріѣхали къ намъ. Онѣ давно желаютъ тебя видѣть, а сегодня, кажется, тебѣ лучше.

— Дѣйствительно сегодня я чувствую себя хорошо и рада буду видѣть гостей. Зови ихъ сюда, дитя мое!

Въ комнату влетѣла, шумя шелковымъ платьемъ, нарядная и веселая кузина Рачинской, г-жа Зарина, 32-хъ-лѣтняя женщина, сохранившая свѣжесть лица и юность души: она ни надъ чѣмъ не задумывалась, способна была танцовать до упаду, смѣяться надъ всякими пустяками и никогда не думала о будущемъ; однимъ словомъ, обладала всѣми качествами, которыя, вмѣстѣ взятые, составляютъ нуль. За ней слѣдовала, едва касаясь полу, Антонина Петровна, сестра ея мужа, 45-ти-лѣтняя дѣвица. На сколько лицо первой выражало веселость и добродушіе, на столько же коварство и злость отпечатлѣвались на лицѣ послѣдней. Это была настоящая кошка, только безъ ея красоты и граціозности. Она, какъ ржавчина, ѣла все, къ чему прикасалась и навѣрно давно бы изѣла невѣстку, съ которой жила, если бы г-жа Зарина способна была страдать, ибо и для страданія надобно имѣть силы. Когда она говорила, то голосъ ея дрожалъ, какъ дрожала она вся отъ кипѣвшей въ ней желчи.

Обѣ дамы облобызали хозяйку. Начались обычные распросы о состояніи здоровья, сожалѣнія; но вскорѣ звонкій голосъ тѣти Marie покрылъ голоса всѣхъ остальныхъ лицъ. Она болтала безъ умолку: высказывала, какъ замѣтно было отсутствіе кухни въ ихъ обществѣ; сожалѣла, что послѣдняя, по бо-

дѣзни, не могла принимать участія въ увеселеніяхъ, пересчитанныхъ ею по пальцамъ. Даже успѣла сказать, гдѣ и въ какомъ платьѣ она была. Но главнымъ образомъ и искренно она сожалѣла о томъ, что такъ долго двери Рачинскихъ закрыты для постороннихъ.

— Всѣ нынче живутъ такъ скучно и, скажу безъ лести, прибавила она, рѣдко кто умѣетъ поставить свой домъ такъ *en grand* и *comme il faut*, какъ вы, кузина!

Антонина Петровна, все время смотрѣвшая насмѣшливо на невестку, замѣтила, что не худо было бы помолчать и пощадить голову больной, такъ какъ не многіе изъ здоровыхъ въ состояніи выносить непрерывную болтовню. Зариной уже надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ въ комнатѣ больной и потому она съ радостью воспользовалась замѣчаніемъ своей родственницы, какъ предлогомъ, чтобы убѣжать въ другія комнаты.

Оставшись наединѣ съ Еленой Михайловной, Антонина Петровна придвинула къ ней стулъ и вполголоса заговорила:

— Отчего съ вами сдѣлалась нервная горячка, кузина? Она никогда не приходитъ безъ причины. Какія вы имѣли огорченія, непріятности?

— Никакихъ. У меня всегда нервы были слабы отъ малорвія.

— Шутите, кузина, какая вы, право, неоткровенная! Какая нужда скрывать то, о чемъ всѣ уже давно знаютъ.

— Я ничего не скрываю.

— А столкновенія ваши съ дочерью — это для васъ ново? говорила злая дѣва, прищуря глаза.

— И вы могли думать, что дѣтскій капризъ Вѣры довелъ меня до горячки? Это совершенно несогласно съ вашимъ взглядомъ на вещи.

— Все зависитъ отъ того, кто какъ смотритъ на вещи, шипѣла Антонина Петровна. По моему броситься на мать съ кулаками не есть уже пустой капризъ. Вѣдь, если бы Викторъ Александровичъ не пришелъ во время, могла бы выйти некрасивая сцена.

— Какъ! воскликнула съ негодованіемъ Елена Михайловна, Вѣра бросилась на меня съ кулаками! И вы осмѣливаетесь сообщать мнѣ подобную гнусную клевету.

— Ни чуть не клевета. Право, уже это не по родственному, прибавила она обидчиво, скрывать отъ меня то, о чемъ весь городъ знаетъ и говорить.

— Я вамъ говорю, что ничего подобнаго не было. Дочь моя не способна на такую гадость.

— Ахъ, ангелъ мой! зачѣмъ же сердиться, что я пришла васъ предупредить. Лучше знать то, что о насъ говорятъ. Опять я не въ осужденіе Вѣры говорю это. Она взбунтовалась противъ монастырскаго устава, существующаго здѣсь, кажется, только для нея одной. Что же тутъ удивительнаго? Люди еще не то дѣлали, когда имъ приходилось не подъ силу терпѣть.

— Да, я вамъ говорю, что этого не было и даже подозрѣваю, что вы сами все это сочинили.

— Нѣтъ-съ, это уже слишкомъ! Если Вѣра наговорила сама на себя, такъ я, конечно, лгу!

— Какъ? Вѣра вамъ сказала, что она бросилась на меня съ кулаками?

— Нѣтъ, этого собственно она мнѣ не говорила. Понимаете—было щекотливо спрашивать ее объ этомъ, отвѣчала, замаявшись, Антонина Петровна. Но она давно жалуется, что домъ для нея настоящая тюрьма и что, хотя она любитъ и уважаетъ маменьку, но чувствуетъ, что съ нею поступаютъ несправедливо.

Елена Михайловна молчала. Глубоко ненавидѣла она въ эту минуту женщину, беспощадно разбившую всѣ ея мечты.

— Давно это она вамъ говорила? спросила она, наконецъ.

— Не далѣе, какъ вчера; просила даже поговорить съ вами. Вы думали, продолжала Антонина Петровна, что у васъ все обстоитъ благополучно, но оказывается, что не совсѣмъ благополучно. На дняхъ Вѣрочкѣ минетъ 15 лѣтъ, а что она видитъ, кромѣ дѣтской и классной комнаты?

— Развѣ я не заботилась о ней? произнесла Елена Михайловна убитымъ голосомъ.

— До того, что у васъ было на душѣ, мнѣ нѣтъ дѣла. Если выворотить на изнанку всѣ человѣческія побужденія, то, право, ужаснешься, живой ложись въ могилу. Теперь остается только подумать какъ бы поправить дѣло, чтобы не довести до большаго скандала. Помните вы Рогозину? она до 17-ти лѣтъ во-

дила дочь въ коротенькомъ платьѣ и дождалась того, что бѣдняжка бѣжала съ офицеромъ.

Еленѣ Михайловнѣ было гадко, тошно; она понимала, на что намекаетъ ей злая родственница. Ей было ясно, что та же Антонина Петровна вооружила противъ нее дочь, нашептывая ей, что маменька, изъ желанія казаться молодой, запираетъ ее отъ свѣта. Въ ушахъ Елены Михайловны шумѣло, кровь была въ вихри.

Антонина Петровна не слышно встала съ мѣста и поднесла ей спиртъ.

— Понюхайте, *cousine*. Вы такъ еще слабы послѣ болѣзни. Я не начинала бы съ вами этого разговора, да теперь есть случай поправить дѣло.

— Какой?

— Развѣ вы забыли, что 17-го рожденіе Вѣрочки. Ну и сдѣлайте вечеръ, разумѣется не балъ, а такъ соберите молодыхъ людей ея лѣтъ, пусть веселятся, танцуютъ. По крайней мѣрѣ вы зажмите всѣмъ рты: подумаютъ, что вы только до 15-ти лѣтъ держали ее въ заперти, по своимъ понятіямъ находя это нужнымъ. А она, бѣдняжка, какъ обрадуется.

— Развѣ она говорила вамъ объ этомъ?

— Еще бы! Кто же упросилъ меня говорить съ вами, какъ не она. Говоритъ: сама не смѣю, мама еще слаба, а къ вамъ имѣю я большое довѣріе.

— Напрасно сама она не высказала мнѣ своего желанія. Я давно уже согласилась не мѣшать ей веселиться, какъ ей хочется.

— Значитъ, согласны на 17-е число. Прекрасно. Я всегда вѣрила въ ваше благоразуміе, произнесла Антонина Петровна, протягивая руку Еленѣ Михайловнѣ, которая даже не дотронулась до нее.

Антонина Петровна поспѣшила позвать Вѣру и передать радостное извѣстіе, что мать согласилась дать вечеръ въ ея рожденіе.

Вѣра была рада, но въ то же время очень смущена, не могла смотрѣть въ глаза Елены Михайловны; она чувствовала, что ходатайство Антонины Петровны не по сердцу матери.

На радостныя восклицанія и поцѣлуи прибѣжала Зарина.

Узнавъ въ чемъ дѣло, она принялась поздравлять Елену Михайловну и хвалить за ея рѣшимость перемѣнить образъ жизни дочери.

— Пора, давно пора, *cousine*, щебетала она, а то, право, какъ-то странно ты воспитывала Вѣрочку; я только не смѣла тебѣ этого замѣтить — ты вѣдь ученая. На что же это походить: ей уже 15 лѣтъ, а посмотри *ni buste, ni tournure* у нея нѣтъ. Конечно, все это придетъ со временемъ, но пора, пора ей уже формироваться. Однако какое платье она надѣнетъ? Надо объ этомъ позаботиться, времени остается немного, прибавила она, слегка подмигнувъ Вѣрѣ.

— У нея есть бѣлое кисейное платье, совершенно новое, отвѣчала покорно Елена Михайловна.

— Воображаю, какъ была бы она мила въ кисейномъ платьѣ. Не забудьте, *cousine*, что вѣдь у нея будетъ, если не балъ, то, во всякомъ случаѣ, полубалъ. Нѣтъ, вы, просто, бредите.

— Не въ газъ же ее нарядить, хотѣла-было возразить Елена Михайловна, но Зарина перебила ее.

— Пожалуйста, не разсуждайте, *cousine*, вы гораздо милѣе, когда меньше разсуждаете. О платьѣ мы съ Викторомъ Александровичемъ уже позаботились. *Verette!* принеси его сюда, или нѣтъ, я лучше сама пойду съ тобой.

Чрезъ четверь часа она привела раскраснѣвшуюся и взволнованную Вѣрочку, одѣтую въ розовый газъ. Не естественная талія дѣвочки ясно говорила о присутствіи корсета.

Миссъ Гарретъ шла позади ихъ.

Зарина съ торжествомъ подвела Вѣрочку къ матери.

— Смотри, любуйся, какая вышла дѣвочка!

— Не слишкомъ-ли это пышно, какъ ты думаешь Вѣрочка?

— Если тебѣ не нравится платье, я сниму его, отвѣчала Вѣра, со слезами на глазахъ.

— Что за пустяки, дитя мое. Я только такъ замѣтила. Платье очень мило. Желая тебѣ веселиться въ немъ. Благодарю, *cousine*, что позаботились о платьѣ. Вы правы: если будетъ что нибудь похожее на балъ, то и одѣться надо согласно съ этимъ. Затѣмъ Елена Михайловна опустила голову и глубоко задумалась.

Миссъ Гарретъ пришла не въ веселомъ расположеніи духа и съ каждымъ словомъ Зариной, становилась все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Какая она теперь большая кажется, шипѣла Антонина Петровна. Что значитъ длинное платье! Вы очень ее молодили, сѣге Елена Михайловна, коротенькими платьями. Да! время-то какъ скоро пдетъ: давно-ли вы сами были молоды, а теперь скоро дочь пора замужъ выдавать!

Въ это время Зарина занималась выправкой Вѣры.

— Не держите плечи впередъ, это придастъ сутуловатый видъ. Голову немножко впередъ, вотъ такъ, такъ. Локти округлите. Видите какъ это граціозно. Посмотритесь въ зеркало.

— Довольно, произнесла миссъ Гарретъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ. Пойдемте, прибавила она, схвативъ свою воспитанницу за руку. Васъ дрессируютъ, какъ собачку—это унижаетъ человѣческое достоинство.

Вѣра хотѣла было сопротивляться, но взглянувъ на мать, лице которой выражало полное сочувствіе къ словамъ гувернантки, послѣдовала за миссъ Гарретъ. Какъ только дверь затворилась она вырвала свою руку изъ рукъ гувернантки и побѣжала въ комнату Давида.

Мальчикъ въ это время сидѣлъ одинъ, зѣвая надъ книгой, которую онъ читалъ по указанію Лебедева и былъ, конечно, радъ приходу сестры. „Зачѣмъ вы пожаловали, драгоценная моя сестрица“, произнесъ онъ, видимо потѣшаясь.

— Ахъ, Давидъ! оставь хотя сегодня свои шутки, возразила обиженная дѣвочка.

— Нѣтъ, sacristie, ты сегодня хоть куда. Гораздо лучше, чѣмъ въ этомъ... какъ называется то платье, которое ты всегда носишь, нанковое, что-ли? Даже талія имѣется. Только ноги. О, спрячь ноги съ моихъ глазъ.

— Я вѣдь надѣну другіе ботинки на вечеръ, Давидъ, говорила Вѣра, дѣйствительно стараясь спрятать ноги. Что не правду я говорила, что скоро буду, какъ всѣ люди? Ага! Душечка Давидъ, покажи мнѣ какъ надо танцовать польку мазурку: ты все говоришь, что я не такъ дѣлаю па.

— Изволь, такъ и быть, за то что, по твоей милости, наконецъ, опять у насъ будетъ вечеръ, послѣ длиннаго, ухъ! какого длиннаго поста. Смотри же на мои ноги.

— Un, deux, trois. Да не всей ногой, Бога ради! Ухъ! какая ты тяжелая! какъ оттянула руку. Право, легче поднять 6-пудовую гирю, чѣмъ тебя.

— Экая бѣда, что тяжелая. Ты легокъ, потому что у тебя въ головѣ ничего нѣтъ, вспыхнула Вѣрочка.

— Ну, прекрасно, ты умница, значить и танцевать учиться не къ чему, отвѣтилъ Давидъ, опуская руку сестры.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, я пошутила, не сердись. Такъ-ли теперь?—спрашивала она, держась на концѣ ногъ.

Давидъ по тихоньку выпустилъ руку сестры и она съ размаха упала на полъ.

— Гадкій, отвратительный мальчишка, говорила, рыдая Вѣрочка. Злой, злой, какъ измялъ мнѣ платье! Не грѣшно ли тебѣ это?

— Pardon, pardon, chère sœur, отвѣтилъ насмѣшливо Давидъ, помогая ей встать. Я не нарочно, хотѣлъ только попробовать на сколько ты успѣла въ танцахъ и можешь ли стоять одна; не всякій же кавалеръ захочетъ носить тебя на рукахъ.

Но видя, что сестра разсердилась не на шутку, онъ прибавилъ:

— Ну, parole d'honneur, не нарочно. Перестань же дуться, давай опять танцевать, пока не пришелъ Лебедевъ.

— Не хочу, не хочу, убирайся!

— Смотри же, Verette, въ другой разъ не покажу. Вставай, право научу.

Вѣра, все еще нахмуренная, встала съ братомъ въ позицію и опять началось: un, deux, trois.

Наконецъ они такъ разтанцовались, что не замѣтили и прихода Лебедева.

— Bravo, bravo, Давидъ. Молодецъ, вмѣсто чтенія это!...

— Извините-съ, прибавилъ Лебедевъ, вѣжливо раскланиваясь съ Вѣрочкой.

— Ничего, Дмитрій Васильевичъ, отвѣчала сконфуженная дѣвочка, дѣлая ему почему-то реверансъ, котораго она никогда прежде не дѣлала.

— Ахъ, это вы, Вѣрочка, Вѣра Викторовна! васъ не скоро узнаешь. И во снѣ я не думалъ увидать васъ въ такомъ уборѣ.

— Я только такъ примѣрить надѣла это платье, а Давидъ уговорилъ меня протанцовать.

— Позвольте вамъ замѣтить, что не я, а вы просили меня научить васъ танцовать; да дѣло-то выходитъ мудреное.

— А! такъ ты въ танцмейстеры попалъ, Давидъ! Дѣло хорошее! Теперь пожалуй можно ничему больше не учиться, благо въ будущемъ есть кусокъ хлѣба. Вы теперь еще подѣлаетесь немножко, а лѣтъ черезъ 5 повѣсимъ вывѣску: танцмейстеръ Рачинскій.

— Давидъ вспыхнулъ.

— Я надѣюсь, что и такъ проживу; никогда никакимъ учителемъ не буду.

— Вы, кажется, смѣетесь надъ нами, Дмитрій Васильевичъ, сказала недовольная Вѣрочка.

— О! смѣю ли я смѣяться надъ такой барышней! Вы такъ похорошѣли въ этомъ костюмѣ. Какъ пріятно своей красотой быть обязанной платью.

— Это уже изъ рукъ вонъ. Что вамъ далось мое платье. Я не ожидала отъ васъ такихъ насмѣшекъ... всегда любила васъ, думала; что вы меня любите, а теперь слуга покорная.

— Вы не ошиблись: я люблю васъ. И смѣюсь теперь только потому, что мнѣ жаль, досадно на васъ смотрѣть, отвѣчалъ Лебедевъ, перемѣняя тонъ. Хотя я не былъ воспитателемъ, но былъ учителемъ вашимъ, Вѣрочка, зналъ васъ за дѣвочку разсудительную, трудолюбивую и вдругъ встрѣчаю васъ здѣсь въ такое время и въ такомъ видѣ, пляшущей передъ зеркаломъ. Давиду это Богъ простить, а за васъ, право, больно, обидно.

— Развѣ стыдъ какой-нибудь танцовать?

— Нѣтъ. Хотя я самъ никогда не танцую, но танцы не считаю за стыдъ, особенно для дѣтей, въ свободное время. Наконецъ, я понимаю, когда соберутся даже взрослые, говорить имъ между собой нечего, ну и танцуютъ; все же лучше, чѣмъ переливать изъ пустого въ порожнее, по крайней мѣрѣ моціонъ. Но въ часть дня, когда всѣ порядочные люди работаютъ, плясать цѣлый часъ передъ зеркаломъ, оголивъ шею и руки—это уже не веселье, а кокетство, пустота!

— Почему вы другихъ, маму не осуждаете: она наря-

жается гораздо пышнѣе, танцуетъ часто и уже давно, а я только начинаю.

— Вѣрно! но почему вы знаете, что я ее не осуждаю? Она, можетъ быть, привыкла уже къ этому, а вы, какъ сами сказали, только что начинаете. Зачѣмъ же привыкать къ той жизни, которая ничего не принесетъ, кромѣ вреда, а вы дѣлаете къ ней первый шагъ.

— Что же вы всѣ мудрите надъ мной? въ свѣтѣ что-ли меня готовите? Гдѣ, укажите мнѣ, такія женщины, которыя по доброй волѣ отказались бы отъ удовольствій? Миссъ Гарретъ, скажете вы,—да у ней нѣтъ средствъ на то, чтобы веселиться!

— Не о миссъ Гарретъ я говорю, хотя очень уважаю ее. Я знаю женщинъ, имѣющихъ полную возможность сорить деньгами и веселиться, но не хотятъ онѣ этого, а живутъ скромно и съ пользой для другихъ. Немного такихъ женщинъ, но число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. И эти славныя, работающія русскія женщины, повѣрьте, стоятъ барышень бѣлоручекъ, ни на какое дѣло не годныхъ. Когда нибудь послѣ поговоримъ объ этомъ, но теперь напрасно тратить время: вы слишкомъ заняты своимъ нарядомъ и предстоящимъ вечеромъ.

Вѣрочкѣ какъ будто бы хотѣлось еще послушать Лебедева, ибо увлеченіе и искренность, съ которыми онъ высказывалъ свои лучшія убѣжденія и вѣрованія, пробудили сочувствіе въ душѣ Вѣрочки. Въ ней шевелился уже стыдъ за свои необдуманные поступки и желанія, но одинъ взглядъ на Давида уничтожилъ все доброе вліяніе бесѣды съ Лебедевымъ.

Мальчикъ, стоя позади своего наставника, губами и жестами передразнивалъ всякое его движеніе, а такъ какъ Давидъ не лишенъ былъ комизма, то сцена вышла дѣйствительно смѣшная. Вѣра покатила со смѣху.

Въ это время вбѣжала въ комнату миссъ Гарретъ; бѣдная дѣвушка на себя не походила: всегда спокойная, умѣренная, она теперь дрожала, какъ въ лихорадкѣ, глаза горѣли гнѣвомъ и презрѣніемъ.

— О, безстыдница, вы здѣсь! Убѣжала отъ меня, а я цѣлый часъ ищу ее, какъ сумасшедшая! Нѣтъ, не могу я больше выносить этого, уѣду въ Англію, тамъ нѣтъ такихъ чудовищныхъ перерожденій. Сегодня разумна, добра, а завтра

какой-то бѣсенокъ. Добрый другъ, прибавила она обращаясь къ Лебедеву, гоните вы ее отсюда — эта комната для нее настоящая порча, и она сверкнула глазами на Давида. Послѣдній только пожалъ плечами и вполголоса проговорилъ: Чистая комедія.

И эти слова не прошли даромъ для Вѣры: она теперь слишкомъ вѣрила въ Давида, какъ въ человѣка, болѣе посвященнаго въ невѣдомый, но милый ей большой свѣтъ.

— Съ чего же они въ самомъ дѣлѣ, думала она, съ раздраженіемъ захлопывая за собой дверь, играютъ комедію передо мной. Нѣтъ ли у нихъ какого заговора противъ меня? Къ счастью, эта мысль не на долго посѣтила Вѣрочку, ибо она черезъ нѣсколько минутъ съ новымъ увлеченіемъ разглядывала себя въ зеркалѣ и мечтала о предстоящемъ удовольствіи.

Вечеръ дня рожденія Вѣры не принесъ ей веселья, котораго она ждала. Мучилась ли она сознаниемъ, что не такъ ловка, какъ другія дѣвочки, или быть можетъ несочувствіе матери къ ея празднику тревожило ее—трудно рѣшить.

Дѣйствительно, Елена Михайловна, совершенно уже поправившаяся послѣ болѣзни, въ этотъ день какъ нарочно дурно себя чувствовала, даже не выходила изъ своей комнаты. Какъ тяжело было бѣдной женщинѣ смотрѣть на раскраснѣвшуюся и пышно причесанную Вѣрочку, когда послѣдняя забѣгала къ ней. Она чувствовала себя въ положеніи человѣка долгое время несшаго тяжелую, но дорогую ношу и вдругъ ноша выпала у нее изъ рукъ. Еленѣ Михайловнѣ не легко было оберегать дочь отъ вреднаго вліянія всего окружающаго, но теперь, когда Вѣра не требовала болѣе охраны, когда она сама, произвольно пошла по пути, по которому шла ея мать противъ своей воли,—ей стало еще тяжелѣй, еще больнѣй!

Кромѣ того, душевное состояніе мужа не давало ей покоя. Онъ нѣсколько дней передъ этимъ не выходилъ изъ комнаты, подъ видомъ нездоровья. Къ себѣ также никого не пускалъ. Особенно беспокоило Елену Михайловну то, что мужъ ея, какъ будто покинулъ любимую мечту свою—поддерживать блескъ дома: онъ ни разу даже не заикнулся о какомъ-либо выѣздѣ или приѣмѣ гостей. А всѣмъ извѣстно, что только тяжкая, душевная или тѣлесная болѣзнь можетъ заставить человѣка отказаться отъ любимой мечты, отъ завѣтныхъ желаній.

Наконецъ, часа въ 2 пополудни (на другой день рожденья Вѣры), Викторъ Александровичъ попросилъ жену зайти къ нему въ кабинетъ.

Елена Михайловна нашла мужа съ сильно осунувшимся лицомъ. Не смятая постель и утомленный видъ говорили о безсонной ночи.

— Другъ мой, ты боленъ? Отчего не пошлешь за докторомъ? произнесла тревожно Елена Михайловна.

— Не нужно, *cherè Hélène*, отвѣчалъ онъ, съ особенною развязностію, поцѣлуя ея руку. Было, да прошло нездоровье. Ночь я провелъ безъ сна, а теперь, видишь, какой молодецъ!

— Ну не совсѣмъ. Ты самъ говоришь, что былъ болѣнъ. Отчего же? Простудился или быть можетъ какое-нибудь дѣло тревожить тебя, прибавила она робко.

Рачинскій опустилъ глаза.

— Ты все о дѣлахъ! Дѣла наши хороши, скоро совсѣмъ поправятся, только надо имѣть волю. Впрочемъ все пустяки передъ вѣчностью: сегодня живъ, здоровъ, а завтра свезутъ тебя на кладбище.

— Умремъ ли мы завтра или долго еще проживемъ, этого никто не можетъ сказать впередъ, Викторъ, а потому всякій скорѣе рассчитываетъ жить долго... Наконецъ, если не о себѣ, такъ о дѣтяхъ мы должны позаботиться.

— О, дѣти не умрутъ съ голоду. Да, наконецъ, что ты пристала ко мнѣ. Говорятъ тебѣ, что дѣла наши поправляются, произнесъ онъ не скрывая сильнаго раздраженія. Поцѣлуй меня скорѣе. Вотъ такъ. Завтра ты нарядись хорошенько и поѣдемъ съ визитами. Ты давно уже поправилась, а до сей поры ни у кого не была. Неловко.

Елену Михайловну кольнуло отъ такого предложенія.

— Я лучше подождала бы, пока ты совсѣмъ поправишься.

— Что за пустяки! ждать нечего. Лучше того, каковъ я теперь, никогда не буду. Къ часу будетъ карета у подъѣзда.

Разумѣется, и на этотъ разъ желаніе Виктора Александровича было исполнено. На другой день, не смотря на густой туманъ и мелкій пронзительный дождикъ, визитовъ до двадцати было сдѣлано Рачинскими. Глядя на нихъ, когда они утомленные, больные тѣломъ и душой, безпрестанно то подымались,

то спускались по лѣстницамъ, мучили себя безъ всякой пользы для себя и для другихъ, право, всякій здравомыслящій человѣкъ пришелъ бы къ заключенію, что они съ ума сошли.

А какъ вы думаете, какіе сумасшедшіе опаснѣе: тѣ-ли, что сидятъ за рѣшеткою, не имѣя подъ руками даже неодушевленнаго предмета, который они могли бы въ припадкѣ бѣшенства испортить, исковеркать, или непризнанные сумасшедшіе, въ рукахъ которыхъ часто бываетъ судьба семейства, дѣтей!

V

По возвращеніи домой, послѣ визитовъ, Елена Михайловна нашла письмо на своемъ столѣ, по словамъ Розаліи, только что принесенное почтальономъ. Рачинская была такъ утомлена, что охотно отложила бы чтеніе письма до другаго раза, но одинъ взглядъ на крупный и старинный почеркъ, которымъ написанъ былъ адресъ, убѣдилъ ее, что это письмо было не изъ тѣхъ пустыхъ посланій, которыми она время отъ времени до времени перекидывалась съ своими родственницами, живущими въ другихъ городахъ. Она распечатала письмо, взглянула, удивилась и съ глубокимъ вниманіемъ принялась за чтеніе его. Мы поймемъ ее удивленіе, если узнаемъ, что письмо было отъ двоюродной тетушки Елены Михайловны, княжны Бѣльской, которую она всего только разъ видѣла и никогда никакой съ ней переписки не имѣла. Но что всего важнѣе, Наталья Алексѣевна Бѣльская, какъ извѣстно было всѣмъ ея родственникамъ, не приближая къ себѣ никого изъ нихъ, принимала, однако, участіе и слѣдила за судьбой каждаго изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и родственницъ. Не поддерживая ни съ кѣмъ постоянной переписки, она въ тоже время рѣшалась писать даже совершенно незнакомымъ ей родственникамъ, если только представлялась возможность помочь имъ. Слышала Елена Михайловна объ этой особенноти тетушки еще въ дѣтствѣ отъ одного несчастнаго человѣка, у котораго только что передъ тѣмъ умерли въ scarlatinѣ двѣ послѣднія дочери, оставленныя имъ въ Москвѣ въ пансіонѣ. Послѣ быстрой смерти старшей изъ нихъ, начальница пансіона и всѣ окружающія ея лица такъ растерялись, что никто изъ нихъ не рѣшился написать отцу о болѣзни

второй дочери. У одной Натальи Алексеевны достало присутствія духа написать все, какъ было. Одиннадцати-лѣтній ребенокъ, какимъ была въ то время Рачинская, начитавшаяся сказокъ, не поняла побужденія этого дѣйствія и, припоминая не веселую, даже угрюмую фигуру тетки, сочла ее за мрачную фею, вся радость и жизнь которой состояла въ томъ, чтобы разносить дурныя вѣсти. Въ какой степени права была Елена Михайловна сейчасъ увидимъ.

Княжна Бѣльская, 62-лѣтняя дѣвица, довольно давно проживала въ отдаленной части Москвы, куда она перѣехала тотчасъ послѣ смерти отца. Жила она здѣсь такъ, какъ слѣдовало бы жить барынѣ средней руки, а не ей, единственной наслѣдницѣ извѣстнаго, по своему богатству, князя Алексѣя Бѣльскаго: завела большое хозяйство, огородъ, куръ, коровъ и проч. Народу держала мало, сама работала почти наравнѣ съ своими рабочими. До страсти любила животныхъ и проводила съ ними чуть не цѣлый день; сама никуда не ходила, къ себѣ никого не принимала, кромѣ родственниковъ, являвшихся къ ней въ высокаторжественные праздничные дни съ визитами. За такой образъ жизни иные называли ее скупой, но люди, ближе ее знавшіе, говорили другое: они знали, что Наталья Алексеевна помогала въ нуждѣ не только близкимъ, но нерѣдко и совершенно постороннимъ лицамъ, если убѣждалась, что они дѣйствительно нуждаются. Относительно слугъ была она скорѣе щедра, чѣмъ скупа, хотя не спускала имъ ни малѣйшей плутни. Но на прозвищѣ *чудачка* сходились все люди, и хорошо, и мало знавшіе Наталью Алексеевну, „и притомъ какая угрюмая“, прибавляя дѣти, сторонясь при встрѣчѣ съ ней. Понятно, что дѣти такъ относились къ Натальѣ Алексеевнѣ: дѣти любятъ смѣхъ, веселье, а Наталья Алексеевна улыбалась даже рѣдко, говорила мало и видимо тяготилась присутствіемъ всякаго посторонняго человѣка. Но дѣло въ томъ, что нелюдимость не есть признакъ злости или вообще какого бы то ни было дурнаго качества, присущаго человѣку. Нѣтъ, эта черта характера является часто, какъ послѣдствіе неудачъ, горя, понесеннаго въ жизни, слѣдовательно должна скорѣе внушать участіе, чѣмъ равнодушіе. У кого, разумѣется, не было горя въ жизни? но не на всехъ оно одинаково дѣйствуетъ. Люди серьезные и

глубоко чувствующіе не развлекаются пустячками, они иногда всю жизнь не могутъ оправиться отъ понесеннаго ими горя или неудачи. У Натальи Алексѣевны не было особеннаго горя, но за то ничто и никогда не радовало ее въ жизни.

Первые годы дѣтства провела она въ деревнѣ, подъ единственнымъ надзоромъ старой няни, женщины высоко честной и одаренной хорошимъ природнымъ умомъ. Мать ея, больная, раздражительная женщина, пролежавшая въ постелѣ 10 лѣтъ, вслѣдствіе застарѣлаго ревматизма, не могла ужиться ни съ одной гувернанткой и потому ввѣрила уходъ за дочерью нянѣ, нанчившей и ее въ свое время.

Здѣсь провела дѣвочка лучшее время своей жизни: ни мать, ни няня не стѣсняли свободы любимаго дѣтища: она проводила цѣлые дни на воздухѣ, играла съ крестьянскими дѣтьми, наблюдала за полевыми работами, и нерѣдко сама заурядъ съ другими дѣтьми работала въ полѣ. Последнее особенно занимало ее: она гордилась, что могла быть полезной, могла работать, какъ другіе. Веселая, съ пылающими щечками и блестящими глазами, возвращалась она къ вечеру домой, гдѣ ожидала ее любовь и нѣжность близкихъ. Никто уже не видалъ ее такой въ Москвѣ, куда переѣхала она послѣ смерти матери на жительство къ отцу, поручившему ее воспитаніе вдовствующей великосвѣтской сестрицѣ. Куда какъ не по душѣ пришлось Натальѣ это воспитаніе. Ей, привыкшей всегда свободно высказывать свои мысли и чувства, приходилось за это выслушивать на всякомъ шагу замѣчанія. Случалось-ли ей распалиться, разыграться и ненарочно смять свою напوماженную головку и пышное платьице, ее тотчасъ журили, ставили въ уголъ или не позволяли выходить въ садъ. Впрочемъ, прогулки въ саду съ гувернанткой, никогда отъ нее не отлучавшейся, что смертельно надоѣдало дѣвочкѣ, или катанье въ коляскѣ съ тетужкой по Москвѣ, далеко не замѣняли ей любимыхъ лѣсовъ и полей деревни. Днемъ не позволяли ей гулять иначе, какъ съ зонтикомъ, а лишь только садилось солнце, уводили домой изъ опасенія простуды. Зонтика же она не терпѣла. Онъ связывалъ всѣ ея движенія, не давая свободно бѣгать за бабочками. Вздумаешь-ли Наташа разсмотрѣть какаго нибудь жучка, Жукашку, что составляло любимое ея удовольствіе, зонтигъ

упрется въ кустъ, не даетъ ей наклониться. Положить же зонтикъ въ кустъ не позволяли ей ни тетушка, ни вѣрная исполнительница ея воли — гувернантка. Если удавалось Наташѣ ускользнуть на минуту съ глазъ гувернантки, забросить зонтикъ въ сторону и порѣзвиться на свободѣ, то это самоволіе не проходило ей даромъ. Тетушка все замѣчала и постоянно говорила: ты красна, какъ ракъ, Наташа, вѣрно опять бѣгала безъ зонтика, загорѣла, какъ настоящая крестьянка. Вы, mademoiselle, тутъ же были, прибавляла тетушка, пронзительно смотря на гувернантку. Последняя дрожала, терялась гораздо больше самой виновницы, которая слегка усмѣхалась и смѣло смотрѣла въ глаза тетки, хотя въ душѣ ея кипѣла злоба за такое стѣсненіе. Гувернантка, чтобы загладить свою вину, зорче прежняго слѣдила за Наташей, просто впадалась въ нее своимъ вниманіемъ. Иногда дѣвочкѣ не подъ силу приходился такой надзоръ: она бросалась къ отцу съ просьбой объяснить ей, что она сдѣлала худого, что приставили къ ней стражу, которая не позволяетъ ей вздохнуть свободно. Бѣдняжка не понимала, что приличіе заставляетъ родителей извѣстнаго класса лишать своихъ дѣтей свободы, которой пользуется послѣдній нищій.

— Tenez vous droite, ne courez pas si vite, слышала Наташа на каждомъ шагѣ.

— Vous dansez comme un cozaque, кричала гувернантка, если случалось ей иногда разсѣлаться во время танцевъ съ другими дѣтьми и вмѣсто размѣреннаго па, прыгнуть по дѣтски. Тише, тише! вторилъ гувернанткѣ съ другаго конца залы рѣзкій голосъ тетушки, также вѣчно слѣдившей за ней.

Но, что всего досаднѣе, и подружки Наташи выражали общее удивленіе къ ея непринужденности, пожиманіемъ плечъ или качаніемъ головы.

— Куклы! шептала имъ вслѣдъ разсерженная Наташа, уходя отъ нихъ въ уголъ, откуда уже никто не могъ вызвать ее снова на веселье. Вотъ почему чуждалась она всѣхъ сверстницъ, ни съ кѣмъ не сходилась и ни къ кому не привязалась душой, такъ что какъ ни скучно ей было въ мрачныхъ и пустыхъ комнатахъ, глазъ на глазъ съ гувернанткой и тетушкой, но дѣлать время съ подругами было для нее еще тошнѣе.

— Будемте играть въ жмурки, предлагала она своимъ гостямъ.

— Нѣтъ, какъ можно! мы разорвемъ другъ другу платья.

— Ну, такъ стряпать примемся—у меня есть посуда.

— Ахъ, нѣтъ! и этого нельзя. Mademoiselle намъ не позволить пачкаться въ такихъ платьяхъ.

— Такъ когда же вы играете?

— Когда бываемъ дома въ домашнемъ платьѣ.

— Вотъ мило. А теперь, что мы будемъ дѣлать?

— Ходить будемъ по комнатамъ, разговаривать, а потомъ кто-нибудь изъ Mesdemoiselles сыграетъ намъ; тогда мы потанцуемъ.

— Нѣтъ, слуга покорная. Экая радость какая расхаживать съ вами по комнатамъ! Я уйду. И дѣвочка исполняла свою угрозу, какъ намъ извѣстно, хотя на другой день выслушивала за это длинную, предлинную нотацію тетюшки, которая обыкновенно выбирала для этого обѣденное время, вѣроятно, рассчитывая, что изъ за обѣда Наташа не убѣжитъ, не дослушавъ ея рѣчи, что дѣлала проказница въ другое время. Дѣвочка мало вникала въ смыслъ нотаціи, на растягиваніе словъ, повтореніе одного и того же, но наконецъ монотонный голосъ тетюшки выводили ее изъ терпѣнія. „Лучше спряженіе французскихъ глаголовъ зубрить, чѣмъ выносить эту каторгу“ думала она.

Къ 17-ти годамъ Наташа, какъ говорится, выровнялась во всѣхъ отношеніяхъ, никто не узналъ бы въ ней прежнюю живую и характерную Наташу, но въ душѣ она оставалась той же честной и прямой натурой. Спокойно выслушивала она изліянія въ любви пріятельницы, которая, что она знала навѣрно, въ душѣ не любила и завидовала ей, какъ дѣвушкѣ богатой и красивой. Не выражала она, какъ прежде, своего удивленія и насмѣшки пожиманіемъ плечъ или гримаской, когда ея тетюшка только что передъ тѣмъ разгнѣвавшаяся на горничную, на которую она никогда не кричала, но за то усердно щипала и колола булавками, ибо въ душѣ была очень зла, мгновенно, при появленіи чужаго лица, совершенно преображалась, на судорожно сжатыхъ губахъ ея появлялась обычная ангельская улыбка. Ступай, ступай, милая, говорила она горничной самымъ кроткимъ голосомъ, между тѣмъ какъ за минуту передъ тѣмъ допекала ее всѣми мѣрами.

Но терпѣть то или другое явленіе не значитъ примириться съ нимъ. Наташа, постоянно затаивая свои чувства (ей не съ кѣмъ было сказать слова по душѣ, такъ какъ старой няни давно уже не было на свѣтѣ, а отецъ держалъ себя отъ нея очень далеко), сдѣлалась скромна, не сообщительна до послѣдней степени. Жизнь ея дѣлилась на двѣ половины: одна внутренняя (работа мысли и чувства—настоящая жизнь ея), а другая—комедія, которую ей приходилось играть въ обществѣ. На одинъ праздникъ, балъ не доставлялъ ей удовольствія. Она стала преувеличивать зло: въ каждомъ словѣ, дѣлѣ подозрѣвала она ложь и притворство. Смерть отца не произвела на нее особеннаго впечатлѣнія. Она замѣтила только, что тетушка, постоянно преслѣдовавшая ее прежде, по смерти отца, сдѣлалась кротка, любезна къ ней до послѣдней степени. У ней, думала Наташа, ничего нѣтъ, теперь она отъ меня зависитъ, потому и юлитъ такъ передъ мной. Гадко, гадко, лучше я удалюсь отъ нихъ куда нибудь. Такъ и поступила она, какъ намъ извѣстно.

Почему она замужъ не вышла, спросать насъ? Жениховъ у ней, красивой и богатой дѣвушки, конечно, было не мало, но желанія не было. Мало того, что никто не могъ найти ключа къ ея сердцу, но она страшилась также, что, по выходѣ замужъ, ей придется до смерти жить не по своей волѣ, среди людей не любимыхъ и не уважаемыхъ ею. Одинъ молодой человѣкъ, предлагавшій руку и сердце, даже нравился ей, но въ отвѣтъ на его объясненія она спросила его: какъ онъ намѣренъ устроить жизнь съ нею?

— Какое тутъ устройство, отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ. Будемъ любить другъ друга и жить, какъ живется.

— Я хочу сказать—неужели станемъ по прежнему только и дѣлать, что таскаться по баламъ и вечерамъ?

— А развѣ вы не любите веселиться, дорогая моя монашенка? Если хотите, мы будемъ жить другъ для друга, я на все согласенъ.

— А дома что будемъ дѣлать?

— Молодой человѣкъ болѣе и болѣе смущался отъ ея вопросовъ. Онъ чувствовалъ, что не къ добру они клонятся.

— Кабая вы странная! Я, разумѣется, поступлю на службу,

а вы... Да, какое же вамъ дѣло: вы не бѣдная женщина. Развѣ вамъ мало, что вы будете моимъ лучшимъ украшеніемъ, моей отрадой.

Дѣвушка задумалась.—Вы извините меня, сказала она черезъ минуту: я замужъ никогда ни за кого не пойду.

Никогда, всю жизнь, не знала она ни семьи, ни близкихъ людей. Разумѣется, подобное лишеніе не легко для добраго и любящаго, теплаго сердца Натальи Алексѣвны, ибо теплоты и нѣжности въ ней было не мало, какъ мы послѣ увидимъ; но въ отреченіи своемъ отъ семьи она не раскаивалась, ибо знала, что жизнь въ обществѣ и при условіяхъ, которыя не приходились ей по душѣ, никогда не принесла бы ей счастья.

Да, Наталья Алексѣвна была рѣдная, исключительная натура; она не умѣла относиться безразлично къ добру и злу: все фальшивое, дурное отталкивало ее, тогда какъ хорошее пускало глубокіе корни въ ея головѣ.

Вотъ вамъ не затѣйливая исторія тетюшки Елены Михайловны. Не знаю, сочувствіе или отвращеніе къ ней родится въ васъ, читатели, послѣ моего разсказа.

На этотъ разъ забота Натальи Алексѣвны о своей родственницѣ высказалась въ слѣдующихъ словахъ:

„Любезная племянница! По моимъ соображеніямъ, ты не знаешь положенія дѣлъ твоего мужа или слишкомъ слаба къ нему, къ собственному вреду и вреду семьи своей. На дняхъ будетъ приступлено къ продажѣ съ молотка твоего послѣдняго имѣнія, но я слышала, что вырученной съ этой продажи суммы не достанетъ на покрытіе долговъ твоего мужа,—значитъ доберутся и до движимости въ вашемъ домѣ“.

Било уже 7, 8, 9, 10 часовъ, а Елена Михайловна все не выходила изъ своей комнаты. Не выходила она въ дѣтскую, когда ложился спать маленькой Женни, не заглянула она къ старшему сыну, не вспомнила о дочери. Машинально и безжизненно простилась она съ ними, едва слушая болтовню Давида. Самыя разнообразныя впечатлѣнія мучили, давили мозгъ бѣдной женщины. Правда, раззореніе не было для нея совершенной неожиданностью: она отлично понимала, что при ихъ образѣ жизни не хватитъ и огромнаго состоянія, даже по временамъ думала, что бѣдность исправить ея дѣтей, такъ говорилъ

ей Лебедевъ, утверждая, что только бѣдность можетъ побудить ихъ къ труду; иначе сказать, тогда только примутся дѣти за трудъ, когда узнаютъ, что безъ труда не прожить имъ на бѣломъ свѣтѣ. А словамъ Лебедева Рачинская съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе давала вѣры. Но если новое положеніе поможетъ ей исправить дѣтей, то какъ мужъ ея перенесетъ униженіе бѣдности—онъ, больной душой и тѣломъ. Наконецъ, не знала она съ чѣмъ останется и перенесетъ ли бѣдность, какъ долгое время переносила ненавистную ей роскошь. Но что если не будетъ у нея средствъ на воспитаніе дѣтей? Придется протянуть руку, просить помощи у родныхъ, но родные всѣ до одного вооружены противъ мужа ея; наконецъ, послѣдній никогда не позволитъ ей просить помощи.

— О, Боже, этого только недоставало! шептала, рыдая несчастная женщина, я, такъ называемая любящая мать, развратила дѣтей своихъ. Примѣромъ вносила совершенный хаосъ въ ихъ головы, проповѣдуя разныя высоко-нравственныя правила и въ тоже время раздражая ихъ воображеніе своими выѣздами и нарядами; наконецъ мало того: неучами вырастутъ они по моей милости. И неутѣшно плакала и плакала бѣдная Елена Михайловна.

Но вдругъ въ памяти ея воскресли слова, сказанныя Лебедевымъ въ послѣднюю бесѣду съ ней:

„Только слабые, ничтожные люди предаются долгому раскаянію; а для людей сильныхъ, способныхъ на что нибудь порядочное, раскаяніе одна минута,—а затѣмъ дѣло“!

— Да, слезы мои никому не помогутъ, не дадутъ образованіи моимъ дѣтямъ. Напротивъ, если я упаду духомъ, то они погибнутъ.

И уже спокойная, хотя блѣдная, пошатываясь слегка отъ перенесенныхъ волненій, пошла она въ комнату маленькаго сына.

— Клянусь, произнесла она, становясь на колѣни передъ постелькой Женни, что съ этой минуты я буду настоящей матерью моимъ дѣтямъ. Никто, никакая слабость не заставятъ меня поступать во вредъ имъ. Простите же вы мнѣ, мои дѣти, за прошлое, и она бережно наклонилась и поцѣловала ребенка. Женни, какъ бы чувствуя близость матери, шептала во снѣ: мама, мама!

— Я тутъ, тутъ, ангель мой! и съ этой минуты буду достойной тебѣ матерью.

Болѣ спокойная и болѣ увѣренная возвратилась Елена Михайловна въ свой кабинетъ. Долго, почти всю жизнь помнила она успокоительное, отрадное чувство, вынесенное ею изъ спальни сына. Слабая, любящая мужа до ослѣпленія, она нарочно ходила туда, чтобы клятвой передъ постелью ребенка, укрѣпить себя, на предстоящую ей борьбу — ей, по натурѣ не способной ни къ какой борьбѣ. Но не надолго посѣтило спокойствіе Елену Михайловну. Опасенія за мужа, за будущее съ новой силой возникли въ ея головѣ. Другой на его мѣстѣ, думала она, разумѣется, нашелъ бы выходъ изъ своего положенія, постарался бы новою дѣятельностью, новою жизнью обновить себя, искупить свое прошедшее, то не таковъ былъ Викторъ Александровичъ. Не пережить ему униженія бѣдности, а главное сознанія своей вины. Неужели придется ей потерять мужа!

И долго ломала себѣ голову Елена Михайловна, нельзя-ли какъ нибудь скрыть, смягчить въ глазахъ мужа его собственный проступокъ. Подобныя хитрости не разъ удавались ей, но въ этомъ случаѣ вина его была такъ очевидна и важна по своимъ послѣдствіямъ, что даже изобрѣтательность доброй Елены Михайловны становились въ тупикъ. Во всякомъ случаѣ я должна видѣть его, объясниться съ нимъ, тогда ему будетъ легче, повторяла она. Можетъ быть онъ, съ отчаянія, на что нибудь уже рѣшился, недаромъ въ послѣднее время онъ былъ такъ натянутъ и видимо избѣгалъ меня. Сегодня же, сегодня, надо переговорить съ нимъ; иначе, пожалуй, будетъ поздно.

Со страхомъ и волненіемъ ожидала Елена Михайловна мужа, прохаживаясь по комнатѣ. Наконецъ, желанный звонокъ раздался.

VI.

— О, Боже! не допусти меня, вмѣсто утѣшенія, принести ему еще болѣе огорченія какимъ нибудь неразумнымъ словомъ, шептала она, стучась въ кабинетъ мужа.

— Кто тамъ? спросилъ испуганный и раздраженный голосъ.

— Я, я, другъ мой! позволь войти?

— Hélène! произнесъ Викторъ Александровичъ, стараясь скрыть раздраженіе, при видѣ жены. Ты до сей поры еще не въ постелѣ, а давно-ли поправилась?

— Я, другъ мой... я пришла поговорить о дѣлахъ.

— Вотъ какъ! Не заразилась-ли ты модной женской болѣзнию—исканіемъ высшаго труда, тогда какъ и мужчинамъ-то у насъ, подчасъ, нечего дѣлать, возразилъ Викторъ Александровичъ, шагая по комнатѣ.

— Викторъ! развѣ мнѣ, женѣ твоей, грѣшно интересоваться нашими... твоими дѣлами?

— Я понимаю, почему ты постоянно сбиваешься въ мѣстоимѣніяхъ: хочешь сильнѣе дать мнѣ почувствовать, что моихъ собственныхъ дѣлъ уже не существуетъ, ибо я прожилъ свое состояніе, но развѣ я одинъ его прожилъ. О, Hélène, и въ тебѣ я встрѣчаю одно притворство! Впрочемъ, прибавилъ онъ, помолчавъ нѣсколько секундъ, и въ качествѣ повѣреннаго, я не намѣренъ отдавать отчета въ два часа ночи. Прощай, я спать хочу!

— Но, другъ мой, слабо настаивала Елена Михайловна, я хотѣла бы кончить сегодня... Разговоръ этотъ слишкомъ тяжелъ, чтобы возобновлять его.

— Понимаю: недовѣріе родилось ко мнѣ. Можетъ быть кто нибудь шепнулъ... Не рылась-ли ты въ моемъ бюро? почти кричалъ Викторъ Александровичъ, а... говори скорѣе!

— Мнѣ не зачѣмъ было рыться въ твоёмъ бюро, отвѣчала Елена Михайловна, собирая послѣднія силы. Я знаю, что дѣла наши плохи, что ничего не осталось у насъ и пришла сюда только за тѣмъ, мой милый, чтобы сообща рѣшить, что намъ дѣлать.

— Hélène, о, мой ангелъ, Hélène! вскричалъ Викторъ Александровичъ, падая передъ нею на колѣни. Знала все и пришла безъ упрековъ и проклятій. Простишь-ли, простишь-ли ты мнѣ за жизнь, полную гадостей, лжи и обмана? Знаешь-ли ты съ какимъ ничтожнымъ человѣкомъ имѣешь дѣло? Изъ пустаго самолюбія, изъ желанія пустить пыль въ глаза моимъ родственникамъ и знакомымъ, обмануть ихъ на счетъ своего положенія,

я растратилъ свое и твое состояніе, пустилъ по-міру тебя и дѣтей нашихъ. Нѣтъ, ты не можешь, не презирать меня за это!—мнѣ мало висѣлицы, говорилъ онъ, рыдая и закашливаясь.

— Успокойся, Викторъ, шептала въ отвѣтъ ему Елена Михайловна, обвивая его шею руками, какъ можешь ты думать, что я презираю тебя. Не только не презираю, но еще больше люблю и уважаю тебя, если это возможно. Кто не ошибался? но всякій-ли способенъ такъ благородно сознать свою вину, какъ ты, мой милый, дорогой мужъ!

— Ты права, возразилъ ей Рачинскій, выпрямляясь во весь ростъ, такая покорность съ моей стороны не могла не тронуть твоего нѣжнаго сердца. Какъ десятилѣтній школьникъ стоялъ я на колѣняхъ и молилъ о прощеніи.

Злая, ироническая улыбка искривила его ротъ, глаза его мгновенно высохли отъ слезъ.

— Спасибо жена! твоя притворная доброта довела меня до униженія. О, то была безсердечная, отвратительная комедія. Къ счастью, что подобнаго униженія люди не переживаютъ.

Виктору Александровичу пришлось въ первый разъ въ жизни громко сознаться въ своихъ ошибкахъ, и онъ не могъ простить тому, кто былъ свидѣтелемъ его сознанія.

Руки опустились у Елены Михайловны; опасенія ея сбылись: вмѣсто утѣшенія, она оскорбила мужа, довела его до отчаянія. Была ли это ея вина, объ этомъ ей некогда было думать.

—Что ты хочешь этимъ сказать? говорила она, съ ужасомъ подбѣгая къ нему.

— Не пачкай себя прикосновеніемъ къ такому негодяю, какъ я, безвучно произнесъ Рачинскій, устраняя ее рукой отъ себя. Не вѣрю я, чтобы ты, при своемъ умѣ, не понимала о чемъ я говорю. Ясно, что послѣ сегодняшняго объясненія, гдѣ я такъ беспощадно разоблачилъ себя, призналъ подлецомъ, глупцомъ и передъ кѣмъ же?—передъ женщиной! — мнѣ ничего не остается, кромѣ вотъ этого, говорилъ онъ, вынимая маленький револьверъ изъ подъ подушки. Не думай, продолжалъ онъ, что это только фраза съ моей стороны, я давно рѣшился по-

кончить съ собой, и ты, какъ честная женщина, не должна лишать меня единственнаго выхода изъ моего безчестія.

— Викторъ! замолчи, пощади меня, произнесла Елена Михайловна, судорожно выдернувъ изъ рукъ его пистолетъ, я... я умру, я чувствую, у меня тутъ что-то не хорошо, прибавила она, показывая на сердце. Викторъ Александровичъ не на шутку испугался.

— Я все, все сдѣлаю для тебя, только не плачь, я не могу видѣть твоихъ слезъ...

Онъ бережно посадилъ ее на диванъ.

— Револьверъ здѣсь у тебя, клянусь, что не дотронусь до него безъ твоей воли.

Викторъ Александровичъ замолкъ, видимо обдумывая свое положеніе. Послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ заговорилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Милая Нелѣне, мы не дѣти, не будемъ же закрывать глаза на наше положеніе. Кто виноватъ въ такомъ печальномъ исходѣ, я или тѣ люди, которые довели меня до отчаянія, — это другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, у насъ вѣдь ничего не остается. Если мы не захотимъ протянуть руку за подаваніемъ, намъ придется буквально съ голоду умереть. Завтра же всѣ узнаютъ о нашемъ раззореніи и всѣ отвернутся отъ насъ, осмѣютъ насъ. Ну, развѣ можно пережить такое униженіе? Сознаюсь, прибавилъ онъ, послѣ непродолжительнаго колебанія, подлецомъ я былъ великимъ, когда задумалъ покончить съ собой и покинуть тебя одну на всѣ огорченія и униженія. Но если мы оба останемся жить, развѣ горе наше уменьшится? развѣ не тѣ же оскорбленія и бѣдность ожидаютъ насъ въ будущемъ? и потому... Не знаю только, дорогая Нелѣне, достанетъ ли у тебя мужества покончить съ той мерзостью, что зовутъ жизнью?.. если да, то я на столько люблю тебя, что самъ наведу на тебя дуло, а потомъ самъ себя...

Искренно ли говорилъ Рачинскій? Да, вполне искренно. Людямъ безъ всякаго внутренняго содержанія, вся честь и слава которыхъ состоятъ въ томъ, чтобы ихъ уважали не за личныя достоинства, а за положеніе ихъ въ свѣтѣ, бѣдность не оставляетъ другаго исхода, какъ пьянство или самоубійство.

Елена Михайловна, съ расширенными отъ ужаса, глазами смотрѣла на мужа.

— А дѣти! произнесла она строго, дѣти наши! Ихъ вѣдь тоже ожидаетъ нищета.

— Что же дѣти, отвѣчалъ Викторъ Александровичъ, опуская глаза, нельзя же ихъ всѣхъ перебить.

— Я объ этомъ и не думала. Самоубійство и убійство—страшный грѣхъ, Викторъ! И безъ этого у насъ довольно грѣховъ на душѣ. Мы прожили родовое имѣніе, тогда какъ оно должно было перейти къ дѣтнимъ нашимъ; приучили ихъ къ роскоши, портили сколько могли примѣромъ своимъ и, послѣ всего этого, хотимъ бросить ихъ на произволъ судьбы, завѣщавъ имъ единственное наслѣдіе—презрѣніе къ малодушнымъ родителямъ. Нѣтъ, остался одинъ честный исходъ изъ нашего положенія: пожертвовать всѣмъ для дѣтей. Своимъ трудомъ, честнымъ трудомъ, обезпечить ихъ, дать имъ хорошее образованіе и возможность въ послѣдствіи самимъ зарабатывать себѣ хлѣбъ.

— Но что же ты молчишь, Викторъ? Ты поблѣднѣлъ, тебѣ дурно.

И дрожащими руками, она старалась согрѣть охолодѣвшую руку мужа, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, при видѣ мертвенно блѣднаго лица дорогаго ей челоуѣка.

Нервы Рачинскаго не вынесли всѣхъ пережитыхъ имъ потрясеній. Онъ впалъ въ обморокъ, продолжавшійся всю ночь.

На другой день ему было не лучше. Онъ владѣлъ языкомъ, могъ ходить, двигаться, но сознаніе не возвращалось болѣе къ нему. Бредъ и видѣнія на яву служили признакомъ величайшаго нервного разстройства или умопомѣшательства, выражаясь обыденнымъ языкомъ. И тутъ не покидала его высокая идея о своей личности: онъ воображалъ себя то величайшимъ полководцемъ, державшимъ въ рукахъ судьбы міра, то великаномъ по росту и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на окружавшую его мелюзгу.

Болѣзнь мужа, разумѣется, заставляла Елену Михайловну забыть на время постигшее ихъ раззореніе. Въ домѣ все шло по прежнему: по прежнему поваръ и экономка набивали себѣ карманы, а карманы господъ пустѣли и пустѣли.

Болѣзнь отца не мало поразила дѣтей. Ихъ не допускали къ больному, но отчаянные крики, нерѣдко долетавшіе до нихъ, напоминали имъ о дѣйствительности. Даже Давидъ пріутихъ. Болѣзнь отца была такого рода, что не оставалось возможности успокоиться на любимой его фразѣ: *c'est nerveux!*

Вѣрочка никогда не была особенно привязана къ отцу и въ этомъ случаѣ не столько сожалѣла его, сколько мать. Въ рѣдкія минуты, когда ей удавалось быть съ матерью, она спрашивала послѣднюю: что съ папа!

Онъ боленъ, боленъ твой папа, отвѣчала Елена Михайловна съ такимъ отчаяніемъ, что у Вѣры сердце обливалось кровью. Несчастная женщина не рѣшалась сказать дочери, что отецъ ея сошелъ съ ума, хотя послѣдняя давно уже узнала правду отъ прислуги.

Слыхала также дѣвочка, что умопомѣшательство всегда происходитъ отъ какого нибудь горя, хотя такое мнѣніе очень ошибочно, ибо часто люди сходятъ съ ума отъ общаго расстройства организма. Просила она Миссъ Гарретъ сообщить, хотя подъ секретомъ, отчего, отъ какой причины помѣшался ея отецъ? Но гувернантка знала о дѣлахъ Рачинскихъ не болѣе своей воспитанницы. Она, желая, чтобы печальный фактъ умопомѣшательства отца не прошелъ даромъ для дѣвочки, отвѣчала, что случилось это съ нимъ, вѣроятно, отъ неправильнаго образа жизни, безсонныхъ ночей, отсутствія труда и пр.

— Вотъ къ чему, прибавляла она, можетъ привести свѣтская жизнь, къ которой вы стремитесь.

Вѣрочка недовѣрчиво качала головой и мысленно стремилась къ веселой жизни, только что ею испробованной.

Одного она понять не могла: почему перестали навѣщать ихъ знакомые. Даже новая подруга ея не заглядывала къ нимъ.

Попробовала она разослать пригласительныя записки къ нѣкоторымъ изъ нихъ, но или получала въ отвѣтъ отказъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что татап не позволяетъ имъ безпокоить больного, или совсѣмъ не получала никакого отвѣта.

Дѣло въ томъ, что раззореніе Рачинскихъ сдѣлалось гласно. Давно уже и Лебедевъ, и другіе знакомые прочитали въ вѣдомостяхъ объявленіе о продажѣ имѣнія Рачинской съ торга. У Виктора Александровича враговъ было не мало: самонадѣян-

ность и дерзко-пренебрежительное обращеніе, а главное умѣнье блеснуть, заставить говорить о себѣ, не давало покою мелкимъ честолюбцамъ, и потому несчастье его было принято чуть не съ радостію: какъ скоро яркія планеты сходятъ съ горизонта, то менѣе яркія изъ нихъ дѣлаются замѣтны. Надо правду сказать, что нѣкоторые искренно сожалѣли о раззореніи Рачинскихъ, доставлявшихъ имъ такъ часто случай повеселиться; но странно, что въ тоже время у нихъ являлась мысль: любопытно только увидѣть какъ подѣйствовало горю на Елену Михайловну, а потомъ надо какъ нибудь кончить съ ними знакомство; иначе, пожалуй, при ихъ положеніи, станутъ еще помочи отъ насъ просить.

Оказывается, что и эти доброжелатели жалѣли не Рачинскихъ, а ихъ гостепріимнаго, всегда для нихъ открытаго дома. Такая судьба часто постигаетъ людей, которыхъ чествуютъ не за личные достоинства, а за внѣшнія блага.

Наконецъ настала пора послѣдняго разочарованія для дѣтей. Двѣ, три тысячи, оставленные Викторомъ Александровичемъ въ бюро, какъ наслѣдство семьѣ, когда онъ намѣревался застрѣлиться, приходили къ исходу. Елена Михайловна очулась.

— Дмитрій Васильевичъ! говорила она, входя въ комнату Лебедева, настало время, о которомъ я вамъ намекала, строя планы для исправленія Давида. Теперь не на что больше намъ роскошничать: мы раззорены. Вы, вѣрно, уже объ этомъ знаете... А дѣти знаютъ?

— Нѣтъ, не знаютъ.

Елена Михайловна глубоко вздохнула.

Новое несчастье — болѣзнь мужа, повернуло мнѣ голову, продолжала она: я не подумала во время, что поддерживать весь этотъ домъ, прежнюю обстановку, у меня нѣтъ больше средствъ. Теперь уже поздно, но все равно, не возьмете ли вы на себя трудъ, добрый мой другъ, прискать намъ другую квартиру, меньше, гораздо меньше этой.

— Съ удовольствіемъ. Но въ какую цѣну я долженъ нанять квартиру и каковы должны быть приблизительно условія?

Елена Михайловна задумалась.

— За эту мы платили 3 тысячи руб. А теперь поищите въ

700, 800 руб. Можно найти такую, Дмитрій Васильевичъ? Вѣдь намъ не нужно такъ много комнатъ, лишь были бы особыя комнаты для васъ и дѣтей моихъ—я гдѣ нибудь помѣшусь. А главное, чтобы были въ сторонѣ двѣ комнаты для мужа. И знаете о чемъ я еще хотѣла просить васъ? Можетъ быть на эти деньги нельзя найти такую; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы его новое помѣщеніе сколько нибудь напоминало ему настоящія комнаты, чтобы онъ не замѣтилъ перехода къ другой обстановкѣ.

— Постараюсь.

Елена Михайловна уже вставала, какъ ей послышался звонокъ больного.

— Больше ничего вы мнѣ не прикажите, Елена Михайловна? спросилъ Лебедевъ.

Елена Михайловна молчала.

— Съ дѣтьми вы мнѣ не совѣтуете объясниться?

— Да, да... вы находите, что необходимо имъ сообщить о раззореніи?

— Полагаю, что нужно. Полагаю, что жизнь должно показывать таковой, какова она есть.

— Нельзя-ли имъ сказать, что у насъ только поуменьшился средства, чтобы, знаете, не вдругъ...

— По моему, это будетъ хуже. Лучше пусть заразъ узнаютъ правду.

— О! прошептала Елена Михайловна, съ отчаяніемъ закрывая себѣ лицо руками, узнаютъ, что мы ихъ лишили того, чѣмъ всю жизнь сами пользовались.

— На счетъ дѣтей будьте совершенно спокойны, возразилъ перепуганный Лебедевъ. Молодые натуры скоро мирятся со всякой переменой. За то не забудьте сколько выиграютъ они въ нравственномъ отношеніи, когда будутъ знать, что у нихъ ничего нѣтъ.

Рачинская видимо не слушала его утѣшеній, погруженная въ собственные думы. Наконецъ, она заговорила умоляющимъ голосомъ:

— Хорошо, Дмитрій Васильевичъ, скажите имъ, какъ дѣло есть, только объ одномъ буду просить: расскажите такъ, чтобы они ни въ чемъ не впили отца. Скажите, что онъ давно уже

болѣнъ; что тавія болѣзни не скоро замѣчаютъ окружающіе. И правда, онъ былъ совершенно другой, когда былъ здоровъ. Скажите, что я, здоровая, всему виной, ибо допускала мужа вести образъ жизни не по средствамъ. Вотъ такъ, какънибудь скажите, право это будетъ справедливо, прибавила она, протягивая ему руку на прощаньи.

— Хорошо-съ, хорошо, отвѣчалъ Лебедевъ, не поднимая глазъ, въ которыхъ пробивались слезы. Онъ, всегда строгій ко всякой слабости, думалъ теперь: какъ иногда слабость можетъ быть высока!

Дмитрій Васильевичъ, не откладывая, пригласилъ Давида и Вѣрочку въ свою комнату. Положилъ вѣдомости въ карманъ и ждалъ ихъ.

Неожиданное приглашеніе и серьезный тонъ, которымъ оно было заявлено, приготовило дѣтей къ чему-то особенному.

— Не написалъ-ли онъ уже для насъ монастырскій уставъ и сегодня намѣренъ объявить его намъ. Пожалуй! папа болѣнъ, теперь некому уже помѣшать ему сумасшествовать, говорилъ Давидъ.

— Ты все объ удовольствіяхъ думаешь, братъ; грѣшно и стыдно думать объ этомъ, когда у насъ такое большое горе въ домѣ, отвѣчала Вѣра внушительно.

Давидъ шелъ на приглашеніе театральнымъ шагомъ, Вѣрочка входила менѣе увѣренно и пытливо смотрѣла на Лебедева. Лицо миссъ Гарретъ выражало полное недоумѣніе, Лебедевъ пригласилъ всѣхъ сѣсть.

— Я позвалъ васъ сюда, друзья мои, чтобы передать вамъ отъ имени вашей мамы, что дѣла вашихъ родителей очень плохи.

— Какъ плохи! Вѣрно много потратили во время болѣзни папа, а отъ управляющихъ еще ничего не получали, спросилъ Давидъ.

Вѣрочка слушала, не возражая.

— Нѣтъ, полученій никакихъ не предвидится, такъ какъ управляющихъ у вашего папа больше нѣтъ и послѣднее имѣніе продано съ торга за долги.

— Шутить изволите, возразилъ мальчикъ, смѣясь не совсемъ покойно, если имѣнія проданы, такъ капиталъ остался.

— И капитала нѣтъ. Если бы былъ капиталъ, то не зачѣмъ было бы продавать имѣнія съ торга.

Вѣрочка страшно поблѣднѣла и крупныя слезы потекли у ней изъ глазъ.

— Что ты плачешь! сказалъ Давидъ, сердито дернувъ ее за рукавъ. Не вѣрь ему: развѣ это возможно, чтобы мы, Рачинскіе, сдѣлались бѣдняками. Куда же деньги-то всѣ ушли?

— Какъ, куда? развѣ мало тратили?

— Жили, какъ слѣдовало жить, ни у кого не спрашивались. Я знаю вы нарочно все это сочинили, чтобы мы дома сидѣли, — дескать, денегъ нѣтъ, не на что веселиться.

Лебедевъ безъ раздраженія вынулъ газету изъ кармана.

— Я думалъ, говорилъ онъ, что вы повѣрите моему слову но вижу, что вамъ этого мало. Вотъ вамъ газета, читайте же сами объявленіе о продажѣ съ публичнаго торга имѣнія вашей матери.

Вѣрочка, какъ взглянула на газету, такъ и зарыдала и бросилась на шею своей гувернанткѣ.

— Я теперь понимаю, шептала она, задыхаясь отъ слезъ, почему они насъ бѣгаютъ. Мы бѣдные, у насъ ничего нѣтъ. О, бѣдная, бѣдная мама! какъ ей, должно быть, тяжело: всѣ несчастія заразъ.

Миссъ Гарретъ обняла дѣвочку и, утѣшая ее, повела въ свою комнату.

Давидъ пробѣжалъ глазами объявленіе и, не говоря ни слова, то опускалъ глаза на газету, то поднималъ ихъ на Лебедева, какъ бы не вѣря истинѣ.

Лебедевъ молчалъ.

— Что же это такое, заговорилъ, наконецъ, мальчикъ, неужели у насъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не осталось, и мы такіе же бѣдняки, какъ, какъ...

— Какъ я, на примѣръ. Нѣтъ хуже: у меня есть знанія, я могу зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, а у васъ, даже для вашего возраста, мало познаній.

— Значить, милостынюку придется просить, котомку на плечи и маршъ! говорилъ Давидъ, судорожно смѣясь.

— Нѣтъ, пока у вашихъ родителей есть еще цѣнныя вещи, дѣло не дойдетъ до этого. Но, когда и это все проживете и

не потрудитесь приобрести необходимых познаний для того, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ, то... то очень возможно, что вамъ придется жить милостыней.

— О чемъ же родители думали, транжира все до послѣдней копейки?

— Другъ мой! говорилъ Лебедевъ, кладя ему руку на плечо, не будемъ никого осуждать. Отецъ вашъ тяжко болѣлъ, мать въ отчаяніи: они слишкомъ наказаны. Я знаю, что вамъ тяжело, но осужденія не измѣнять дѣла. Воспользуйтесь этимъ примѣромъ во благо себѣ и помните вѣчно, до чего доводитъ неправильная жизнь и безконечныя забавы...

Лебедевъ хотѣлъ продолжать, но Давидъ не слушалъ его. Онъ легъ локтями на газету и бессмысленно пробѣгалъ глазами объявленіе.

Лебедевъ отправился искать квартиру.

На слѣдующій день, согласно желанію Елены Михайловны, была совершена большая перемѣна въ домѣ Рачинскихъ—распустили слугъ, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ.

Уволенные слуги и служанки разбрелись по сторонамъ, сожалѣя о потерянныхъ мѣстахъ, хотя давно приготовились потерять ихъ, ибо до нихъ уже дошла молва о раззореніи господъ и даже въ самомъ преувеличенномъ видѣ: говорили, напри-мѣръ, что Рачинскаго посадятъ въ тюрьму за долги, что онъ нарочно представляется сѣумашедшимъ, чтобы избѣжать тюрьмы.

Черезъ нѣсколько дней Лебедевъ пріискалъ и квартиру въ 700 рублей въ годъ. Квартира была не велика, не темна и удобна, о чемъ по преимуществу и хлопотала Рачинская.

Двѣ, просто отдѣланныя комнаты, служившія прежнимъ жильцамъ залой и гостиной, отданы были Еленой Михайловной въ распоряженіе мужа. Впрочемъ, всѣ заботы ея о несчастномъ мужѣ были совершенно излишни: онъ находился уже въ такомъ состояніи, что не замѣтилъ даже переѣзда на новую квартиру.

При перевозкѣ, миссъ Гарретъ пришлось самой укладывать цѣнныя вещи, что прежде исполняла обыкновенно экономка, уволенная въ числѣ прочихъ слугъ.

Экономка не хотѣла ни одного часа оставаться въ домѣ, послѣ того, какъ ее уволили, обидѣвшись тѣмъ, что не награ-

дили ее за 10-ти лѣтнюю службу. Но что, спрашивается, дѣлала она въ эти 10 лѣтъ? Пользуясь нерасчетливостью хозяевъ, крадала при каждомъ удобномъ случаѣ. Слѣдовательно, она хотѣла получить награду за свое воровство. И не забудьте, что она была глубоко убѣждена въ нанесенномъ ей оскорбленіи. Вотъ до какой степени бываютъ иногда извращены понятія людей.

Вѣра взялась было помогать гувернанткѣ, но, отъ горя и неумѣнія взяться за дѣло, у нее все валилось изъ рукъ.

Въ тотъ роковой день, когда бѣдная дѣвочка узнала о потерѣ состоянія, она глазъ не осушала отъ слезъ: она плакала, припадая на грудь доброй гувернантки, ломала себѣ руки, бросалась на диванъ и кляла злую долю. Хотя далеко несознательно понимала все страшное значеніе словъ: быть бѣднымъ человѣкомъ, — она падала подъ гнетомъ новой внѣшней обстановки, къ которой не привыкъ глазъ ея, избалованный дорогой мебелью и дорогими вещами.

— Что за несчастіе такое! кричала она, рыдая, отецъ—сѣумшедшій, мы — нищія! Прощайте всѣ радости и удовольствія! Не успѣла я пожить, повеселиться и, пожалуй, опять придется надѣть противное коричневое платье... А мама-то, мама, бѣдная, бѣдная она!

Къ чести Вѣрочки надо сказать, что никогда личное горе не заставляло ее забывать о любимой матери,

Миссъ Гарретъ боялась за послѣдствія такого глубокаго отчаянія въ своей воспитанницѣ. Она упрекала Лебедева за то, что онъ, не приготовивъ дѣтей, сразу передалъ имъ печальное извѣстіе.

— Богъ знаетъ, говорила она, до чего можетъ довести дѣтей отчаяніе! — Но Лебедевъ смотрѣлъ на дѣла иначе. Онъ зналъ, что такое острое и сильное горе не продолжительно, какъ не продолжительна сильная и внезапная буря; зналъ, что съ этимъ горемъ наступила лучшая школа, которая называется жизнію; зналъ, что горе можетъ сдѣлать изъ человѣка хотя что нибудь — непрерывное же счастье можетъ создать только тряпку-человѣка; зналъ, что необходимость борьбы съ обстоятельствами всегда вызываетъ скрытыя въ человѣкѣ силы. Его гораздо болѣе беспокоилъ Давидъ.

Мальчикъ нерѣдко плакавшій прежде изъ-за пустяковъ, но тотчасъ же забывавшій свое горе, совершенно иначе отнесся къ настоящему горю. Ни одной слезы не прошибло оно у него ни въ первый день извѣстія, ни въ послѣдующіе дни. На томъ же мѣстѣ, гдѣ мы оставили его лежавшимъ надъ газетой, онъ просидѣлъ до ночи. Легъ онъ спать, ни съ кѣмъ не прощаясь, ни на кого не глядя, какъ будто бы все и всѣ были виноваты въ его несчастіи. Ночью ему снилось, что раззореніе ихъ выдумка, пущенная въ ходъ Лебедевымъ для того, чтобы заставить его, Давида, лучше учиться. И какъ радовался онъ во снѣ этому извѣстію. Вѣроятно, эта мысль приходила ему въ голову и на яву. Проснувшись, онъ думалъ перенести сонъ въ дѣйствительность, но послѣдняя не поддавалась, брала свое!

Нѣкоторые изъ отпущенныхъ слугъ пожелали проститься съ Давидомъ. Давидъ краснѣлъ передъ ними, какъ виноватый и беззвучно повторялъ: прощайте. Лакей, служившій лично Давиду, какъ всѣ лакеи богатыхъ людей, былъ дерзокъ на языкъ и наглъ.

— Какъ же это вы, хорошій баринъ, безъ меня останетесь, спросилъ онъ Давида грубоватымъ тономъ и съ какой-то очень непріятной усмѣшкой. Неужто сами станете сапоги и платье себѣ чистить.

— Убирайся вонъ! закричалъ Давидъ въ сильномъ волненіи, едва скрывая слезы.

— Не сердитесь, милый баринъ! Зачѣмъ сердиться! Я только такъ къ слову это сказалъ: мнѣ уже очень жалко съ вами разставаться. Не будетъ ли милости на водку дать на прощаніи?

Давидъ обшарилъ карманы. Вытащилъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ—все что у него было—и бросилъ ихъ лакею. Онъ отлично понималъ, сколько дерзости и насмѣшки слышалось въ прощальномъ привѣтствіи слуги; но не дать ему на водку, значило бы сознаться въ своей бѣдности.

День за днемъ проводилъ Давидъ въ полномъ бездѣйствіи. Чистя ногти и посвистывая, ходилъ онъ по комнатѣ, по временамъ зажимая уши, чтобы не слышать голоса Лебедева, разчитывавшаго слугъ.

Лебедевъ, желая вывести его изъ этого состоянія, предложилъ ему сопутствовать переносчикамъ съ цѣнными зеркалами

до новой квартиры, чтобы предупредить какуюнибудь поломку со стороны послѣднихъ.

Мальчикъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и отвѣчалъ, не скрывая негодованія:

— Ни за что въ мірѣ. Лакей я, что ли, какой, въ самомъ дѣлѣ.

— Лакей—не лакей, а кромѣ васъ не кому посмотрѣть за переноскою вещей. Я самъ охотно исполнилъ бы это, но, какъ видите, мнѣ нѣкогда. Если разобьютъ зеркало, то вы же будете въ накладѣ.

— Пусть все пропадаетъ — мнѣ теперь все равно.

— Но почему же вы не хотите помочь мнѣ? Неужели только потому, что это лакейское дѣло?

Давидъ грустно усмѣхнулся.

— Вы, просто, шутите со мной. Каково мнѣ будетъ, если я встрѣчу знакомаго, который подумаетъ: Рачинскій теперь самъ себѣ слуга?

— Чудакъ вы, Давидъ. Неужели вы надѣетесь скрыть отъ вашихъ знакомыхъ, что теперь у васъ нѣтъ лишнихъ слугъ. Не думайте, что легко обмануть людей.

— Не хочу я скрывать: пусть всѣ знаютъ. Теперь я никому не покажусь на глаза, и голосъ его задрожалъ.

Когда вся семья окончательно покидала старое жилище, то Лебедевъ, захвативъ съ собой кое-какія вещи, предложилъ Давиду донести до извозчика сакъ-вояжъ, забытый миссъ Гарретъ! Мальчикъ рѣшительно отвѣчалъ, что онъ сакъ-вояжа ни понесетъ, ни повезетъ.

Лебедевъ не возражалъ, ибо хорошо понималъ, что новая жизнь събьетъ съ него барскую спѣсь: нужда лучший учитель.

Давидъ явился на новую квартиру очень поздно.

На вопросъ Лебедева, гдѣ онъ такъ долго ходилъ, Давидъ отвѣчалъ, что не хотѣлъ идти чрезъ Невскій проспектъ, на которомъ могъ встрѣтить аристократовъ знакомыхъ, а отправился дальними и глухими улицами.

Для меня, прибавилъ Давидъ, невыносима мысль, что на меня будутъ смотрѣть, какъ на бѣдняка.

Не мало хлопотъ предстояло Лебедеву на новой квартирѣ, пока новый порядокъ вещей не изгналъ стараго.

Поваръ, недовольный тѣмъ, что Лебедевъ самъ закупалъ провизію, безпрестанно ворчалъ, подъ часъ, даже портилъ кушанье, ссылаясь на дурное качество провизіи.

Другіе слуги, избалованные прежнею службою, когда ко всякому дѣлу было приставлено по нѣскольку человѣкъ, считали свои настоящія обязанности въ высшей степени тяжкими, вслѣдствіе чего весьма часто не исполняли ихъ, что побудило Лебедева замѣнить старыхъ слугъ новыми.

Горькій опытъ нашей жизни доказываетъ, что чѣмъ меньше прислуги въ домѣ, тѣмъ больше порядку въ немъ; между тѣмъ, въ домѣ Рачинскихъ никто не привыкъ къ порядку. У одного аппетита являлся въ одно время, у другаго въ другое. Вставали утромъ также не всѣ въ одинъ часъ: миссъ Гарретъ и Лебедевъ рано, Вѣрочка позже ихъ, а Давида трудно было поднять раньше 11 часовъ. Лебедевъ сколько ни бился, во время своего годичнаго пребыванія въ домѣ, не могъ приучить его къ раннему вставанію ибо находилъ невозможнымъ будить мальчика въ 7, 8 часовъ, когда онъ ложился спать не раньше двухъ и трехъ часовъ ночи. Всѣ мелкіе заботы о хозяйствѣ, о порядкѣ въ домѣ пали на Лебедева, ибо миссъ Гарретъ жила постоянно въ какомъ-то идеальномъ мірѣ и была рѣшительно не способна ни на какое практическое занятіе. Слѣдовательно, занятія съ Давидомъ по необходимости должны были прекратиться. Мальчикъ радъ былъ свободѣ: съ утра садился къ окну и цѣлые часы смотрѣлъ на проходящихъ; но какъ только карета или коляска равнялась съ окнами, онъ убѣгалъ въ глубь комнаты, чтобы знакомые не могли увидѣть его въ числѣ жильцовъ 3-го этажа.

Лебедевъ, глядя на подобныя продѣлки, думалъ:

— Ну, молодецъ, съ тобою не скоро справишься.

Давидъ ни съ кѣмъ изъ домашнихъ не заводилъ рѣчи; на вопросы отвѣчалъ сухо и отрывисто; съ матерью прощался и здоровался нехотя, не смотря ей въ глаза; онъ какъ бы хотѣлъ выразить, что не доволенъ ею; положеніемъ отца не интересовался ни малѣйшимъ образомъ. Видимо, всѣ мысли его были поглщены его собственнымъ несчастіемъ: безъ средствъ, безъ возможности блеснуть, жизнь теряла для него всякую прелесть.

Когда Рачинскіе устроились на новой квартирѣ и прожили на ней нѣсколько недѣль, то и горе Вѣры стало утихать по немногу. Побуждаемая своимъ мягкимъ, добрымъ сердцемъ, она какъ-то разъ захотѣла утѣшить брата и сказала ему:

— Посмотри, какъ у насъ все мило теперь. Правда, Давидъ?

— Tout-à-fait bourgeois!

— Совсѣмъ не bourgeois, проще прежняго, но право и такъ можно жить.

— Что же удивительнаго, что тебѣ по душѣ эта обстановка: ты всегда была мѣщанкой.

— Какой ты жестокой, Давидъ! За что ты на меня сердишься? Ты думаешь мнѣ легко перенести такую перемену, но я подошла къ тебѣ съ добрымъ намѣреніемъ: хотѣла тебя разсѣять, утѣшить. Да, ну же Давидъ, улыбнись хоть. Хорошо ли такъ отдаваться горю.

— Убирайся, мнѣ не нужно утѣшеній.

Раздраженная Вѣра хотѣла, по обыкновенію, закричать на брата, но вспомнила, что больной отецъ недалеко, что мать можетъ быть сидитъ тамъ же. Молча и со слезами на глазахъ, она отошла она отъ брата.

Никто не навѣщалъ Рачинскихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ знакомыхъ и ближайшихъ родственниковъ Елены Михайловны; но и они мало приносили отрады семьѣ, ибо осыпали хозяйку вопросами, какъ и что будетъ впереди. Разумѣется, бѣдная женщина ничего не могла отвѣчать, ибо сама не знала, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ.

Но что всего хуже: не участіе и жалость побуждали почтенныхъ родственниковъ обращаться къ тяжелому положенію Рачинскихъ, а желаніе уколоть, унижить Елену Михайловну, ибо они ей мстили за высокомеріе Виктора Александровича и за явное нежеланіе Рачинской сблизиться съ ними.

Но злѣе всѣхъ проявила себя въ этомъ отношеніи знакомая намъ Антонина Петровна. Она запугивала воображеніе дѣтей печальной картиной будущаго, озлобля ихъ противъ настоящей обстановки, противъ отца и матери.

Если при входѣ къ Рачинскимъ она заставляла въ комнатѣ Давида, то немедленно принимала измученный видъ и бросалась на диванъ, съ словами:

— Ухъ, какъ высоко, какъ я устала! Не дай Богъ никому жить въ такой бѣдности!

Мальчикъ едва сдерживалъ себя отъ грубаго отвѣта и доказывалъ, что они не бѣдняки; бѣдняки только тѣ, которые умирають съ голода.

— Нѣтъ, тогда они уже не бѣдные, а нищіе, а вотъ это — бѣдность, говорила Антонина Петровна, показывая вокругъ себя. Только нужда можетъ заставить поселиться подъ облаками. Еслибы ваши отецъ и мать не такъ много тѣшили себя въ жизни, то не довели бы васъ до бѣдности. Надо васъ еще на ноги поднять. А теперь что? Гвардія уже закрыта для васъ. Въ гвардіи служить — нужно деньги имѣть. Остается армія: Рачинскій армеецъ! О, это ужасно!

— Лебедевъ, сидѣвшій тутъ же, при послѣднихъ словахъ Антонины Петровны сильно повернулся на стулѣ и заговорилъ:

— Положеніе Рачинскихъ далеко не такъ плачевно, какъ вы его описываете, сударыня! Давидъ ничего не потеряетъ, если не поступитъ въ гвардію, для чего дѣйствительно нужны деньги. Кромѣ арміи и гвардіи, есть еще другая служба государству, если не столь блестящая, то болѣе полезная и болѣе почетная, чѣмъ военная служба.

— Можетъ быть для другихъ, но никакъ не для дворянъ.

— Это ваше личное мнѣніе, сударыня, а Елена Михайловна никогда и не намѣревалась отдавать своихъ дѣтей въ военную службу.

— Чудачка!... Она всегда отлпчалась странными мыслями и постоянно шла наперекоръ всѣмъ порядочнымъ людямъ. Наконецъ, прибавила она съ поддѣльнымъ жаромъ, я увѣрена, что рано или поздно она излечилась бы отъ своего заблужденія: кровь скажетъ свое. Не правда ли, Давидъ? прибавила она, ударяя мальчика по плечу.

Давидъ молчалъ и недоброжелательно поглядывалъ на Лебедева. Ему казалось въ эту минуту, что именно Лебедевъ отнялъ у нихъ состояніе и именно для того, чтобы закрыть ему путь въ военную службу.

Послѣдній видѣлъ, какъ вредно дѣйствовала на мальчика

злая рѣчь полуумной барыни, и потому онъ считалъ святымъ долгомъ осаживать ее при всякомъ случаѣ.

— Вы говорите о крови, началъ онъ, обращаясь къ Антониинѣ Петровнѣ; говорите о томъ, о чемъ теперь не говорить ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, ибо всякій избираетъ занятіе по своимъ склонностямъ и способностямъ. Вы хотя и не молоды, но все же не столѣтняя старуха, которая живетъ вѣковыми преданіями. Лебедевъ преувеличивалъ и даже очень преувеличивалъ успѣхъ нашего общества, желая доказать мальчику ничтожность доводовъ старой дѣвы, страшно ослизлившейся за напоминаніе объ ея лѣтахъ. Она все еще не теряла надежды казаться молодой.

— Какъ это вамъ, право, хочется всѣхъ уравнять, говорила Антонина Петровна, дрожа отъ злости. Вамъ всѣхъ хочется сдѣлать мужиками. Впрочемъ, оно понятно: очень не весело смотрѣть снизу на верхъ. Какія идеи, какія идеи! и вамъ поручили воспитывать Рачинскаго. Что же по вашему, прибавила она послѣ минутнаго молчанія, сынъ дворника можетъ современемъ поступить въ гвардію, а онъ, произнесла она съ жаромъ, указывая на Давида, можетъ сдѣлаться дворникомъ, если захочетъ?

— Сударыня, отвѣчалъ Лебедевъ, раскланиваясь съ ней, прощайте, я считаю совершенно бесполезнымъ спорить съ вами. Но въ другой разъ берегитесь растлѣвать мальчика, воспитаніе котораго поручено мнѣ его матерью. Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. «Грубый семинаристиска», прошипѣла Антонина Петровна, провожая его сверкающими отъ злобы глазами.

Давидъ не только не избѣгалъ ея общества, но даже искалъ его, ибо Антонина Петровна служила для него звѣномъ, связывавшимъ его съ большимъ свѣтомъ. Раздраженное чувство мальчика питалось модными выходками злой и пустой старухи. Онъ былъ съ ней откровененъ, высказывалъ ей жалобы на горькую долю и винилъ родителей за расточительность. Дружба ихъ дошла до того, что Давидъ безпрестанно бѣгалъ къ ней, не смотря на запрещенія матери и Лебедева. Отрадно было ему хотя на время очутиться среди той обстановки, къ которой онъ привыкъ съ дѣтства. Но ничего не выносилъ онъ оттуда, кромѣ

раздраженія и проклятій на судьбу. Злая дѣва играла съ нимъ, какъ кошка съ мышкой. Лишь только забудется, успокоится мальчикъ, она непременно подольетъ ему яду, напимѣръ, расскажетъ, что на скачкѣ въ Царскомъ 1-й призъ выиграла лошадь, принадлежавшая прежде Давиду и прибавить:

— Жаль, что лошадь теперѣ не твоя: лестно было бы выиграть призъ.

У Давида, большого любителя подобныхъ удовольствій, что обыкновенно служить признакомъ внутренней пустоты, слезы навернулись при воспоминаніи о потери любимой лошадки.

Угрюмый и унылый возвращался онъ домой и еще непріязненнѣ относился къ новому своему житію.

За обѣдомъ и ужиномъ Давидъ ѣлъ весьма мало. Проглотивъ первый кусокъ какого либо кушанья, онъ клалъ ложку или вилку на столъ и, пожимая плечами, спрашивалъ у Лебедева—какъ называется то или другое кушанье и къ какой кухнѣ оно принадлежитъ. Послѣдній не находилъ нужнымъ возражать ему, зная, что лучшимъ наказаніемъ въ подобномъ случаѣ является голодъ, который естественно долженъ былъ чувствовать избалованный Давидъ, выросшій въ безтолковой роскоши.

За столомъ оставался онъ долѣ всѣхъ, какъ бы дожидаясь пирожного, изгнаннаго изъ обѣда Еленой Михайловной, и, разумѣется, уходилъ въ свою комнату, не дождавшись его. Захлопнутая съ сердцемъ дверь доказывала до какой степени онъ былъ раздраженъ.

Антонина Петровна не оставляла въ покоѣ и Вѣрочку; но Вѣрочка, болѣе самостоятельная и болѣе умственно развитая, ибо, какъ извѣстно читателю, она, по преимуществу, находилась подъ вліяніемъ матери, а не отца—Вѣрочка не легко поддавалась нападеніямъ старой дѣвы, хотя не могла не вздохнуть, когда изъ устъ ея собесѣдницы лились рассказы о праздникахъ и удовольствіяхъ, переживаемыхъ знакомыми ей дѣвками. Но отъ раздраженія противъ родителей ее спасала присущая ей способность чувствовать глубоко. Любовь или нелюбовь Вѣрочки къ людямъ были самостоятельныѣ, вѣрнѣе, чѣмъ у Давида.

Однажды Антонина Петровна застала Вѣрочку въ шляпѣ. Дѣвочка собиралась идти гулять съ своей гувернанткой и дожидалась только выхода изъ комнаты миссъ Гарретъ.

— Какая на тебѣ полинялая шляпа, *chère enfant*. Сними ее, и надѣнь другую, были первыя слова злой барыни.

— У меня нѣтъ другой, отвѣчала Вѣрочка, краснѣя и прикрывая шляпу воалью.

— Напрасно тянешь воаль, шляпы не закроешь, бѣдное дитя! За то мама носила великолѣпныя шляпы. Бывало папа не покупалъ ей другихъ шляпъ, какъ присланныхъ изъ Парижа для модели.

— Да, папа любилъ ее наряжать.

— А сама она не любила, думаете вы?

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ по вашему она веселилась и выѣзжала только для супруга.

— Разумѣется, для папы. Я навѣрно знаю, что она охотнѣе оставалась дома.

— Какъ вы наивны, мое дитя! Какое счастье!

— Если счастье, такъ зачѣмъ вы стараетесь лишить его меня, пробормотала Вѣрочка.

Антонина Петровна сдѣлала видъ, что не слыхала ея возраженія.

— Развѣ тебѣ неизвѣстно, какъ она веселилась на балахъ, танцевала до 5-ти часовъ, не смотря на то что ей чуть не 40 лѣтъ. О, она ловкая женщина, вамъ ее мудрено понять.

— Вы хотите сказать, что мама притворщица. Такъ не изъ притворства ли она горюетъ и худѣетъ отъ болѣзни папы?

Старуха засмѣялась, хотѣла что то сказать, но, какъ бы спохватясь, прибавила: позволъ, дитя мое, не отвѣчать тебѣ на этотъ вопросъ. Мнѣ, какъ старому другу вашего дома, не слѣдуетъ выводить васъ изъ заблужденія.

— Заблужденія, повторила дѣвочка, заинтригованная тѣмъ, что есть возможность сомнѣваться въ искренности горя ея матери. Говорите же, если начали!

— Не буду, не буду говорить: *vous êtes trop susceptible...* Дайте слово, что не обидетесь. Мнѣ право такъ трудно молчать, когда дѣло пойдетъ на правду.

— Даю... Скажите скорѣй въ чемъ дѣло?

— Отъ чего похудѣла ваша мама? О чемъ она горюетъ—это еще вопросъ. Вы думаете легко ей лишиться богатства, поте-

рять возможность веселиться сколько душъ угодно,—отъ такого горя люди не полнѣютъ. Относительно же ея постоянного пребыванія у больного, ея рѣшенія никого не видѣть, такъ это только ширмы, ангелъ мой. Развѣ ей, съ ея ужаснымъ самолюбіемъ, легко было слышать двусмысленныя сожалѣнія и, быть можетъ еще упреки. Не кивайте отрицательно головой, я знаю, что вы настоящая овечка, хоть руку на васъ наложу, такъ вы ничего не скажете; да-съ, я все-таки повторяю, что болѣзнь мужа служить ей только предлогомъ, чтобы отъ всѣхъ прятаться.

Неизвѣстно, что отвѣчала бы Вѣрочка на слова Антонины Петровны, ибо въ это время вошла въ комнату совсѣмъ уже готовая къ прогулкѣ Миссъ Гарретъ, которая очень удивилась, когда Вѣрочка сняла шляпу и извинилась, что не можетъ идти гулять, такъ какъ у ней разболѣлась голова. Миссъ Гарретъ подозрительно взглянула на гостью, къ которой у ней не лежала душа. Гостья поспѣшила распрощаться и уйти домой.

Вѣрочкѣ было досадно, ей было не по себѣ, поэтому она и не пошла гулять. Сомнѣніе относительно матери не закралось ли въ ея душу? спрашиваемъ мы.

Очень можетъ быть: кто воспитывался въ такомъ туманѣ, что не зналъ чему вѣрить—словамъ или дѣйствіямъ близкихъ людей, которые постоянно своими дѣйствіями противорѣчили своему слову,—тому нельзя не сомнѣваться во всемъ и во всѣхъ.

Оставшись одна, Вѣрочка инстинктивно направилась къ комнатамъ отца, куда никогда Елена Михайловна не допускала дѣтей, изъ боязни, чтобы видъ умалишеннаго не подѣйствовалъ болѣзненно на ихъ нервы.

Въ первой комнатѣ никого не было, но изъ полуотворенной двери другой комнаты слышался хриплый голосъ отца, командовавшій: разъ, два, три, направо, маршъ!

Вѣрочка задумалась надъ тѣмъ, что ей дѣлать: идти впередъ или воротиться назадъ въ свою комнату; съ одной стороны, она боялась быть замѣченной сумасшедшимъ отцомъ и въ то же время ей было совѣстно подсматривать за дѣйствіями матери, съ другой—страшно хотѣлось увидѣть, что дѣлаетъ мать въ эту минуту: горюетъ ли, глядя на больного отца, или быть можетъ, равнодушно читаетъ какую нибудь книжку.

Послѣднее чувство взяло верхъ. На цыпочкахъ подошла она къ двери.

Что она увидала въ эту минуту, того не могла забыть всю свою жизнь.

Прежде всего, разумѣется, ей бросилось въ глаза страшно измѣнившееся лицо отца съ тусклыми глазами и конвульсивными подергиваніями. Она задрожала, хотѣла бѣжать назадъ; но чѣмъ дольше смотрѣла она чрезъ полуотворенную дверь, тѣмъ болѣе не страхъ, а умиленіе и раскаяніе наполняли ея душу. Мама, ея дорогая мама, съ палкой на плечѣ, изображая собой солдата съ ружьемъ, исполняла команду Виктора Александровича: повертывалась то на право, то на лѣво. Что побуждало Елену Михайловну такъ дѣйствовать, Вѣрочкѣ некогда было объ этомъ думать; она поняла только, чего стоила матери эта жертва, такъ много усталости и отчаянія выражалось въ глазахъ бѣдной женщины.

Гдѣ та блестящая и нарядная женщина, какой она привыкла видѣть мать, какой она представляла ее себѣ недавно, слушая клеветы злой дѣвы? Гдѣ молодость и красота ея? Утренній, смятый капоть покрывалъ исхудалое тѣло бѣдной женщины, глубокія морщины бороздили лицо ея и пряди сѣдыхъ волосъ выпадали изъ подъ ночнаго чепца, котораго она не успѣла снять, такъ какъ Виктору Александровичу въ эту ночь было особенно худо. Не даромъ уже нѣсколько дней сряду не выходила Елена Михайловна къ дѣтямъ, не даромъ такъ усердно становилась во фрунтъ: послѣ cadaго раздраженія, съ Викторомъ Александровичемъ начинались припадки страшнаго бѣшенства, сопровождавшагося страданіями, такъ что Елена Михайловна не только изображала собой солдата, но нерѣдко принимала и побои.

Вѣрочка не могла долго смотрѣть на эту сцену: она, зажавъ себѣ платкомъ ротъ, чтобы заглушить рыданія, побѣжала къ Миссъ Гарретъ и, продолжая рыдать, восклицала: „Моя бѣдная мама! Моя бѣдная, святая мама!“

— Какъ можно, возразила Миссъ Гарретъ, никогда не умѣвшая попасть въ тактъ, называть святыми людей, не при знанными такими церковью.

Слѣдующая ночь прошла спокойно для больного—онъ спалъ. Елена Михайловна, хотя не ложилась въ постель, боясь за-

спаться и не услышать пробужденія мужа, однако всю ночь продремала въ креслѣ. На утро яркіе лучи солнца, пробивавшіеся сквозъ опущенную стору, ударили ей прямо въ лице. Она проснулась.

— Никакого движенія не слышать, значить онъ еще спитъ, думала Елена Михайловна. Слава Богу! Это можетъ быть къ лучшему. Она, ступая осторожно, причесалась и одѣлась одна, ибо въ послѣднее время приучила себя обходиться безъ чужой помощи, что избавляло ее отъ необходимости вводить лишняго челоуѣка въ комнату больного.

Она взглянула на часы, желая узнать—не пора ли идти къ дѣтямъ, которыхъ постоянно навѣщала по утрамъ, если только позволяло здоровье больного; но до урочнаго времени оставалось полчаса. Елена Михайловна вздохнула спокойно, но тотчасъ же за этимъ у ней защемило сердце отъ сознанія, что она рада теперь отложить свиданіе съ дѣтьми, тогда какъ прежде они составляли всю ея радость. Отчего же такая переменъ? Оттого, что въ глазахъ дѣтей, думала она, я читаю укоръ за свое прошедшее. Я надѣялась, что время принесетъ забвеніе,—но забвенія не вижу: дѣти также молчаливы и натянуты въ моемъ присутствіи, Давидъ по прежнему тяготитъ меня своимъ тяжелымъ характеромъ. О, вотъ гдѣ мое наказаніе!

„Нѣтъ, это еще не все, шепталъ ей разсудокъ: ты надѣялась, что бѣдность исправитъ твоихъ дѣтей; но ты забыла, несчастная мать, что они слишкомъ долго жили въ роскоши, слишкомъ привыкли занимать въ обществѣ видное мѣсто, куда поставило ихъ твое мотовство. Не упадутъ ли они духомъ отъ непривычныхъ униженій и лишеній? Едва ли когда нибудь пробудится въ нихъ энергія къ труду, а праздность, при бѣдности, ведетъ къ преступленію. Что спасетъ ихъ отъ паденія? Не твое ли вліяніе? Нѣтъ, оно пропало вмѣстѣ съ довѣріемъ и любовью къ тебѣ дѣтей твоихъ. Дѣти развратные, быть можетъ, преступные, отвѣтятъ въ жизни тебѣ однимъ презрѣніемъ, и его, быть можетъ, скоро нестанетъ, думала она, глядя на дверь мужа“.

Кровь застыла у нея отъ такихъ размышленій.

Въ это время кто то вошелъ въ комнату. Елена Михайловна повернула голову и увидала Вѣрочку. Первое движеніе ея было испугъ. Дочь вошла въ комнату, куда ей было строго

запрещено входить, слѣдовательно, случилось что нибудь особенное—или, быть можетъ, опять упреки.

— Вѣрочка, зачѣмъ ты пришла сюда?

Дѣвочка, не говоря ни слова, упала на колѣни передъ матерью.

— О, мама, ты—ангелъ, шептала она.

— Какъ ангелъ! Ты меня такъ называешь? Не во снѣ ли я вижу? проговорила Елена Михайловна, закрывая себѣ лице руками.

— Отчего же не на яву, милая мама?

— Потому что я не заслуживаю этого названія. Лучше брани меня—мнѣ будетъ легче, произнесла Елена Михайловна, заливаясь слезами.

— Если не ты, то кто же другой заслуживаетъ обожанія, дорогая мама, говорила Вѣра, восторженно смотря въ глаза матери. Я видѣла вчера какъ отецъ кричалъ и бранился, а ты, ты... Вѣрочка не договорила.

— Я все тогда поняла и оцѣнила тебя. Ты живешь не для себя, а для него и для насъ. Вся жизнь твоя—скорбь за другихъ. Теперь я твоя на вѣки; дѣлай, что хочешь изъ меня, и она крѣпко прильнула къ матери.

Елена Михайловна тихо и радостно плакала; она смутно сознавала, что ея дочь совершила нѣсколько шаговъ по хорошей дорогѣ. Эти сладкія минуты мгновенно заставили ее вспомнить о больномъ, несчастномъ мужѣ. Мысль о счастіи и мысль о несчастіи крѣпко сливаются въ сердцѣ человѣка, не избалованнаго судьбой.

— Вѣрочка, произнесла она, освобождаясь изъ ея объятій, твоему папа очень худо.

— Кто тебѣ это сказалъ, мама? Видишь, какъ хорошо онъ теперь спитъ,—можетъ быть и поправится!

— Не бывать этому, Вѣрочка. Смертный приговоръ и читаю на лицѣ доктора и въ потухающихъ глазахъ бѣдняжки. Онъ скоро, скоро умретъ, прибавила она глухимъ голосомъ.

— Мама, голубушка мама! утѣшала ее дочь, мы, конечно, всѣ желаемъ, чтобы папа поправился; но если ему не суждено выздороветъ, то неужели смерть не лучше этого состоянія? Посмотри на себя, какова ты стала?

— Что ты, что ты, Вѣрочка, говорила съ ужасомъ Рачин-

ская, пусть только живетъ, Богъ съ нимъ, и она трепетно стала прислушиваться, не всталъ ли мужъ; ей даже послышался его голосъ. Она хотѣла встать, но отъ слабости и волненія опять упала въ кресло.

— Видишь до чего дошла, говорила Вѣрочка, усаживая мать. Пожалуй, и ты скоро настъ покинешь, если будешь до такой степени истомлять себя. Позволь, мама, раздѣлить съ тобой уходъ за папой. Я теперь уже не маленькая, мнѣ 15 лѣтъ.

— Чтобы я тебя допустила до этого — никогда! Лучше не начинай никогда объ этомъ рѣчи.

— Не мнѣ, такъ миссъ Гарретъ позволь помочь тебѣ, она давно объ этомъ просить. Ты знаешь какая она добрая и на сколько предана намъ.

Елена Михайловна долго не соглашалась и на эту просьбу, но когда Вѣра стала говорить о безпомощности всего семейства, если они лишатся матери и отца; а она, мать, проживетъ, конечно, не долго, если не захочетъ раздѣлить своихъ трудовъ съ миссъ Гарретъ или съ кѣмъ либо другимъ изъ семейства, то Елена Михайловна должна была уступить и рѣшила, что миссъ Гарретъ поселится въ ея комнатѣ и онѣ вмѣстѣ будутъ ухаживать за больнымъ.

Послѣ ночи, проведенной спокойно, Викторъ Александровичъ чувствовалъ себя гораздо лучше: онъ съ удовольствіемъ встрѣтился съ миссъ Гарретъ, съ которой не видался цѣлыхъ два мѣсяца; задалъ ей нѣсколько разумныхъ вопросовъ, что весьмаобрадовало Елену Михайловну, которая, съ свѣтлой улыбкой на лицѣ, повторяла, что миссъ Гарретъ принесла ей счастье.

Рачинскій становился съ каждымъ днемъ все спокойнѣе и спокойнѣе, даже былъ слишкомъ спокоенъ, по отзыву доктора, который понималъ, что въ этомъ снѣ, повторявшемся нѣсколько разъ на дню, было мало хорошаго.

— Плохо дѣло, говорилъ онъ Лебедеву, — дѣло идетъ къ концу.

Опасалась ли того же самого Елена Михайловна — мы не знаемъ, только съ каждымъ днемъ она становилась грустнѣе и грустнѣе.

И было о чемъ грустить. Кромѣ болѣзни мужа, денежные дѣла ея становились съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Бри-

ліанты, золото, серебро, все перешло въ руки ростовщиковъ, а вырученныя деньги едва покрывали расходы. Наступило время, когда ничего не оставалось болѣе продавать. Другаго выхода не представлялось, какъ только обратиться за посторонней помощью. Но къ кому обратиться за помощью? Ни у нея, ни у мужа не было ни близкихъ родственниковъ, ни преданныхъ людей, ибо никто не отнесся сочувственно къ ихъ горю. Въ эти минуты ей пришло въ голову извѣстное намъ письмо Натальи Алексѣвны. Письмо говорило о сочувствіи къ положенію Рачинскихъ. Но развѣ есть возможность просить помощи у женщины почти совсѣмъ чужой (Елена Михайловна приходилась Натальѣ Алексѣвнѣ троюродной племянницей), едва знакомой, ибо она всего одинъ разъ видѣла ее въ дѣтствѣ, когда угрюмая тетушка произвела на все въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе. Но другаго выбора не оставалось. Нѣсколько разъ Елена Михайловна рвала цѣлые листы, исписанные мелкимъ почеркомъ, наконецъ написала короткое письмо, полное горячей мольбы о помощи, и отправила его въ Москву.

Отвѣтъ не долго заставилъ ждать себя.

Въ письмѣ, со вложеніемъ небольшой суммы, Наталья Алексѣвна не отказывалась помочь племянницѣ въ болѣшихъ размѣрахъ, но прибавляла, что этого не можеть сдѣлать заочно, почему и предлагала племянницѣ пожаловать къ ней въ Москву, если обстоятельства позволяютъ Еленѣ Михайловнѣ предпринять эту поѣздку.

На первый разъ подобное предложеніе показалось Еленѣ Михайловнѣ безумнымъ, такъ что она не хотѣла о немъ и думать. Оставить больнаго мужа! Но, когда присланная сумма была истрачена и провизію въ лавкѣ стали забирать на книжку, то ей, по необходимости, пришлось ѣхать въ Москву, тѣмъ болѣе, что мужъ ея, находясь постоянно въ полусонномъ состояніи, почти не замѣчалъ ея присутствія. Была еще одна, очень важная причина, побуждавшая Елену Михайловну позаботиться объ устройствѣ ихъ будущности: причина эта лежала въ поведеніи Давида.

Мальчикъ совсѣмъ не жилъ дома: съ утра уходилъ онъ въ гости и позно вечеромъ возвращался домой. Онъ охладѣлъ ко всѣмъ домашнимъ, ему противна была будничная, трудовая

жизнь его окружающих; его тянуло туда, гдѣ такъ много блеска и свѣта, гдѣ модно и весело, гдѣ люди ничего не дѣлаютъ и заботятся только о своихъ удовольствіяхъ; однимъ словомъ, мальчика тянуло въ богатые дома, къ богатымъ, людямъ. Но теперь, въ настоящемъ его положеніи, люди эти, ихъ общество, гораздо больше портили его, чѣмъ прежде. Прежніе товарищи Давида смотрѣли на него свысока, не хотѣли стать на равную ногу съ бѣднякомъ, стыдились даже пригласить бѣднаго стараго товарища къ себѣ домой. Говорили съ нимъ съ снисходительнымъ тономъ и подъ часъ отпускали пошлыя шуточки на счетъ несчастной перемѣны, происшедшей въ его судьбѣ. Сначала Давидъ пробовалъ было отвѣчать имъ на колкость колкостью, но тотчасъ увидалъ, что теперь никто уже болѣе не дорожитъ его знакомствомъ и, пожалуй, какъ разъ за излишнюю дерзость выгонять изъ своего общества. Страхъ заставилъ мальчика затаивать свою досаду, отмалчиваться или даже смѣяться самому надъ собой за урядъ съ другими.

Ничего другаго нельзя было и ждать: Давидъ выносилъ изъ окружающей его дрянной среды то, что эта среда могла дать. Только богато надѣленные натуры становятся выше среды. Для сохраненія добрыхъ отношеній съ взрослыми знакомыми, Давидъ приносилъ еще болѣе тяжелыя жертвы. Надо было нравиться имъ, забавлять ихъ, чтобы они терпѣли его посѣщенія. Давидъ понялъ, чего отъ него хотѣли и рѣшился употребить всѣ данныя ему природой способности, чтобы сохранить за собой названіе забавника, шута. Его природное остроуміе, нерѣдко и прежде употреблявшееся имъ во зло, становилось приторно, ибо онъ хотѣлъ острить безъ усталости. Шутилъ, кривлялся, рассказывалъ небывалые анекдоты, и всѣ подобныя жертвы ради чего? О, ужасъ! ради того, чтобы получить позволеніе сидѣть въ яркоосвѣщенной залѣ, слушать переливаніе изъ пустаго въ порожнее, слушать пошлые рзговоры.

Вотъ плоды безобразнаго воспитанія.

Лебедевъ видѣлъ зло, пробовалъ было силой заставлять своего питомца сидѣть дома, но это приводило только къ сценамъ и къ тому, что Давидъ сталъ украдкой убѣгать изъ дому. Лебедевъ видѣлъ, что принудительныя мѣры только приучатъ

мальчика къ плутовству и обману, почему и рѣшился не противо-
дѣйствовать своему питомцу до поры, до времени. Но по по-
воду этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, онъ имѣлъ длинный раз-
говоръ съ Еленой Михайловной, которая вышла изъ комнаты,
гдѣ она бесѣдовала съ нимъ, съ заплаканными глазами и тот-
часъ обратилась къ доктору съ вопросомъ: можетъ ли она
спокойно оставить мужа дней на пять? Докторъ отвѣчалъ утвер-
дительно.

— Но... если... онъ умретъ безъ меня, проговорила она
тихо, какъ будто бы пугаясь своихъ собственныхъ словъ.

Докторъ не разувѣрялъ ее, что опасность есть, но утверж-
далъ, что опасность не такъ близка.

Елена Михайловна съ отчаяніемъ и слезами прощалась на
другой день съ мужемъ, который сказалъ ей нѣсколько без-
связныхъ утѣшеній и на прощаньи подставилъ щеку.

Вѣрочка дала матери слово замѣнить ее въ отношеніи отца
и сдержала его.

Душевное состояніе Елены Михайловны во время проѣзда
отъ Петербурга до Москвы, мы не будемъ описывать, ибо на-
дѣмся, что, въ теченіи нашего разсказа, мы успѣли достаточно
познакомить читателей съ любящей и нѣжной натурой нашей
героини и, конечно, нельзя усомниться въ томъ, что разлука
съ мужемъ на столько же опечалила ее, на сколько сокрушала
и самая цѣль поѣздки: выпрашивать денегъ у малознакомой
женщины.

Но въ концѣ поѣздки одна забавная сцена въ вагонѣ от-
влекла ее на время отъ тяжелыхъ размышленій: между сосѣ-
дями ея, молодымъ человѣкомъ и пожилой дамой, завязалась
ссора изъ-за папиросы.

Помѣщицу, такъ отрекомендовала себя пожилая дама, прово-
жала до вагона большая компанія дамъ и мужчинъ: въ числѣ
послѣднихъ ярко бросались въ глаза два генеральскихъ
мундира.

Отъѣзжающая была въ самомъ пріятномъ расположеніи
духа. На прощаньи разцѣловалась съ дамами и мужчинами,
проводжавшими ее, и какъ только вошла въ вагонъ, то тотчасъ
поспѣшила, ни къ кому не обращаясь въ частности, заявить,
что ее провожали дѣти: двѣ дочери съ мужьями и сынъ. Далѣе,

не безъ гордости, замѣтила, что сынъ, ея уже генераль-маіоръ, одинъ зять также генераль, а другой скоро будетъ генераломъ. Въ заключеніе прибавила, что всѣ они милые и добрые дѣти и любятъ ее безъ памяти.

Ни Елена Михайловна, ни ея сосѣдъ не нашли нужнымъ, входить въ подробности ея счастія, хотя она долго еще, смотря въ окно, повторяла: да, добрые дѣти, и всѣ заслуженные! Такое невниманіе къ ея интересамъ, кажется, разсердило помѣщицу. Благодушное состояніе духа замѣнилось досадой. Какъ нарочно въ это время молодой человѣкъ позволилъ себѣ закурить папиросу. Барыня и вцѣпилась въ него.

— Фу, фу! заголосила она, отмахивая отъ себя дымъ, всѣмъ закурили. Кондукторъ! гдѣ онъ?

— Молодой человѣкъ, вы слишкомъ много себѣ позволяете, обратился она къ курившему господину. Не забудьте, что передъ вами сидитъ почтенная дама, а не какая нибудь. Не видите развѣ, что написано на дверяхъ. Погасите же, погасите папиросу сейчасъ!

Молодой человѣкъ не думалъ гасить папиросы и молча курилъ.

— Бросьте, пожалуйста, убѣдительно васъ прошу. Я за обиду это себѣ считаю. Вѣдь я не какая нибудь простая дама, не привыкла къ такому обращенію, покойный мужъ былъ большимъ человѣкомъ и теперь еще, слава Богу, есть кому заступиться, прибавила она, показывая куда-то въ даль. Бросьте же, бросьте, говорятъ вамъ, сейчасъ, говорила она, кашляя на весь вагонъ. Кондукторъ, а кондукторъ!

Но ни кондукторъ не являлся, ни молодой человѣкъ, не перестовалъ курить.

— Не стыдно вамъ, молодой человѣкъ, заговорила барыня, значительно смягченнымъ тономъ, нарушать правила, вѣдь вы читали, что на дверяхъ написано. Опять же я слабая женщина, дыму не могу выносить.

Молодой человѣкъ сдался и немедленно выбросилъ папиросу за окно.

Помѣщица успокоилась и даже повеселѣла отъ того, что, какъ бы то ни было, вышла побѣдительницей изъ спора, и въ скоромъ времени заснула крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ.

Проснувшись только утромъ, она, зѣвая, поправила свой головной уборъ и, вынувъ папиросу, принялась, какъ ни въ чемъ не бывало, закуривать ее. Вѣроятно, она заспала вчерашнее происшествіе и не замѣчала, съ какимъ злорадствомъ смотрѣлъ на нее бывшій ея противникъ.

— Сударыня! перестаньте курить, проговорилъ онъ прежде, чѣмъ она успѣла затануться, вы нарушаете правила, написанныя на дверяхъ!

Помѣщица встрепелась и запищала, какъ птичка, пойманная въ клѣтку.

— Какія, какія правила?

— Тѣ самыя, о которыхъ вы мнѣ напоминали вчера: не въ курильныхъ вагонахъ—курить запрещается.

— Ну, ну, ну, шутливо возразила она, дамамъ все позволено.

— Извините, передъ закономъ и женщины, и мужчины равны.

— Ахъ, шутникъ, женщины! Я не женщина, а дама. Ну кому какой вредъ, если я выкурю папирочку. Вы не красная дѣвушка, голова не заболитъ отъ дыму, вѣрно не въ такомъ дыму сиживали. Знаю я васъ мужчинъ. А я никакъ не могу не выкурить папирочки передъ чаемъ. И она съ новымъ наслажденіемъ затанулась.

— Я васъ прошу, сударыня, потушить папиросу, настала молодая голова. Вы беспокоите другихъ.

— Ахъ, скажи-те, растянула она не безъ досады. Хотя бы и беспокоила, да если кто не можетъ безъ чего обойтись!

— А вчера, что вы говорили?

— Какой злопамятный! Вчера у меня голова болѣла отъ волненія. Нѣтъ, не шута болѣла.

— А сегодня у меня болитъ. Извольте потушить папироску. Не заставьте меня обратиться къ кондуктору для исполненія законныхъ правилъ.

Помѣщица разразилась потокомъ брани, но уступила потому, что видѣла возрастающее неудовольствіе публики, съ удовольствіемъ смотрѣвшей на живой урокъ заносчивой барыни.

Скоро въ глазахъ путешественника мелькнули золотоглавые церкви Москвы.

У Елены Михайловны сердце дрогнуло: скоро рѣшится вопросъ жизни и смерти для ея дѣтей. И дѣйствительно, откажи ей тетка въ помощи, она станетъ въ положеніе безвыходное, ибо другихъ способовъ къ существованію у нея не было.

Какъ ни спѣшила она покончить непріятное дѣло, но усталость отъ дороги и тревоги принудили ее заѣхать для отдыха въ гостиницу. Лишь только легла она въ постель, то и заснула, какъ убитая, проспала часа три и потомъ уже отправилась розыскивать тетку по адресу.

Вечеръ былъ сѣрый и дождливый. Наталья Алексѣевна, по обыкновенію, отдыхала послѣ дневнаго труда въ своей маленькой гостиной. Стукъ подъѣхавшей кареты заставилъ ее повернуть голову и она очень была удивлена, когда карета остановилась у подъѣзда. Немногочисленнымъ посѣтителемъ ея давно было сказано, чтобы они не пріѣзжали по вечерамъ; кто же это могъ быть?

Хотя Елена Михайловна уже писала теткѣ о своей рѣшимости посѣтить ее въ Москвѣ, но ни о днѣ, ни о часѣ своего выѣзда не уведомила.

Когда изъ кареты вышла красивая и изящно одѣтая барыня, то Натальѣ Алексѣевнѣ и въ голову не пришло, чтобы это была Елена Михайловна, убитая и несчастная женщина, какой она представляла ее себѣ.

Отношенія между этими женщинами завязались, какъ мы видѣли, совершенно случайно, по поводу раззоренія Рачинскихъ.

Наталья Алексѣевна, по привычкѣ заботиться о своихъ родственникахъ, узнавъ отъ кого-то о несчастіи, постигшемъ Елену Михайловну, нашла нужнымъ предупредить ее объ этомъ. Но скоро письма послѣдней, исполненные глубокой скорби о болѣзни мужа и будущности дѣтей, пробудили въ ней участіе и состраданіе, и вслѣдъ за тѣмъ у нея явилось сильное желаніе видѣть Елену Михайловну, чтобы убѣдиться дѣйствительно ли послѣдняя чувствовала то, что говорила.

И что же? Только что Елена Михайловна успѣла войти въ комнату и робко отрекомендоваться, какъ Наталья Алексѣевна уже внутренно рѣшила, что это обманщица, и мысленно назвала себя старой дурой, которая поддалась обману. Самая

пустыя обстоятельства дали поводъ Натальѣ Алексѣевнѣ составить такое невыгодное понятіе о племянницѣ.

На гостѣхъ было надѣто дорогое платье, ибо у нея не было другаго, а Наталья Алексѣевна вообразила, что она не оставила старой привычки наряжаться, и даже яркій румянецъ, выступившій у послѣдней отъ дорожныхъ тревогъ, тетка приняла за румянецъ здоровья и думала: Видно, что убита! Нѣтъ, дай ей денегъ, такъ опять примется за старое.

— Здравствуйте, здравствуйте! отвѣчала она на робкія привѣтствія племянницы.

— Милости просимъ садиться на диванъ. Вѣрно съ дороги-то устали. Да и московскія мостовыя поразобьютъ порядочно.

— Да, мостовыя здѣсь не совсѣмъ хороши. Я думаю и вамъ не легко было привыкнуть къ нимъ, отвѣчала Елена Михайловна, сконфуженная непривѣтливымъ видомъ хозяйки.

— Мнѣ, мнѣ ладно — я человѣкъ простой, хожу вездѣ пѣшкомъ; развѣ когда въ монастырь захочется съѣздить, такъ велю заложить лошадь въ пролетку. Я-съ что! Мы люди простые, намъ все хорошо...

Елена Михайловна молчала, рѣшительно не понимая за что сердится хозяйка.

— Вы, вѣроятно, въ спальномъ вагонѣ сюда пріѣхали, заговорила снова Наталья Алексѣевна; нынѣ говорятъ завели тамъ цѣлыя спальни, чтобы никакого безпокойства богатымъ людямъ въ дорогѣ не было.

— Нѣтъ, не въ спальномъ. Меня впрочемъ не столько безсонная ночь утомила, сколько заботы о больномъ мужѣ...

— Болѣнь, болѣнь, а дай денегъ, такъ какъ живой водой sprysneshъ, сейчасъ выздоровѣетъ. Жаль только, что денегъ-то нельзя ковать.

Елена Михайловна ушамъ не вѣрила. Неужели, думала она, затѣмъ только и звала она меня къ себѣ, чтобы оскорблять.

— Вы ошибаетесь, возразила Елена Михайловна съ живостью, Викторъ серьезно боленъ и едва ли что нибудь подыметъ его.

— Туда ему и дорога: худая трава изъ поля вонъ!

Прямое нерасположеніе Натальи Алексѣевны къ мужу Елены Михайловны имѣло основаніемъ только то, что она болѣе всего на свѣтѣ не терпѣла мотовства, которое такъ хорошо было

знакомо Рачинскому. Главнымъ образомъ она не прощала ему того, что онъ посягнулъ на состояніе жены и ее же теперь подсылаетъ просить о помощи.

Все это высказала она Еленѣ Михайловнѣ самымъ беспощаднымъ образомъ и кончила тѣмъ, что, вѣроятно, и она, Елена Михайловна, одного поля ягода съ муженькомъ—помогла ему пустить по міру дѣтей.

Затѣмъ неожиданно встала съ мѣста, низко поклонилась гостьѣ и сказала:

— Простите, Христа ради, что въ чужое дѣло вмѣшалась—это со мной въ первый разъ въ жизни.

Въ продолженіи всего взрыва старухи, Елена Михайловна не спускала съ нее глазъ.

Сначала ее душило негодованіе; но мысль, что она все должна вынести, какъ въ искупленіе своихъ грѣховъ, такъ и ради мужа и дѣтей, не позволяла ей высказаться.

Кромѣ того, въ головѣ ея происходила сильная работа: нравственно ли она поступаетъ, выслушивая оскорбленія, направленные противъ больного, беззащитнаго мужа. Наконецъ не стало у ней силы выносить подобную муку и она, блѣдная, съ синими, дрожащими губами, бросилась на колѣни передъ теткой, обхватила руками ея колѣни и, рыдая, молила:

— Пощадите, не браните его ради меня, я—я—я одна во всемъ виновата, а никто другой. Пощадите также дѣтей моихъ: они ни въ чемъ не виноваты.

Наталя Алексѣвна оторопѣла. Хотя она была слишкомъ практична и понимала, что человѣкъ, нуждающійся въ помощи, все вынесетъ; но такого глубокаго и искренняго сокрушенія она не ожидала и была слишкомъ далека отъ того, чтобы съ намѣреніемъ вызвать его. До настоящей минуты она считала Елену Михайловну за пустую женщину, для которой всякое оскорбленіе, какъ съ гуся вода.

И вдругъ эта женщина выказываетъ столько глубокаго и великодушнаго чувства!

— Такого Божьяго созданія, какъ ты, обратилась она къ племянницѣ, я еще въ жизни не видывала.

И старуха принялась успокаивать ее: обнимала, гладила по головѣ и какъ только ей показалось, что Елена Михайловна

успокоилась, съ небывалою живостью отправилась она готовить комнату для гостей, которую уговорила остаться у ней хотя до вечера другого дня.

Затѣмъ сама предложила обезпечить судьбу ея семьи двумя тысячами рублей въ годъ.

На другой день, при прощаніи съ племянницей, у Натальи Алексѣевны блеснули слезы въ глазахъ.

Она встрѣтила первую женщину, которую могла любить и уважать, и вдругъ ей приходится разстаться съ ней навсегда, хотя Елена Михайловна звала ее жить къ себѣ.

— Поздно, поздно, отвѣчала Наталья Алексѣевна, теперь я уже не могу жить съ людьми. Не люблю людей; тебя первую полюбила, но жить вмѣстѣ не стану. Боюсь, что разлюблю, прибавила она, улыбаясь.

Дома ожидало Елену Михайловну много горя и заботъ. Мужа застала она уже въ безнадежномъ состояніи. Докторъ объявилъ, что у него водянка въ мозгу и смерти его ждали со дня на день.

Кромѣ того, Давидъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе погибалъ нравственно. Необходимо было удалить его изъ Петербурга, но куда? Надо было избрать городъ, гдѣ, какъ жизнь, такъ и образованіе не стоили бы дорого, и гдѣ самая среда могла бы направить Давида на путь правды, нравственности и труда. Сколько ни думалъ Лебедевъ, сколько ни рассуждалъ объ этомъ съ Еленою Михайловною, но приходили къ горькому заключенію, что въ этомъ отношеніи русская земля сошлась клиномъ. Оставался Дерптъ, на которомъ, послѣ нѣкотораго размышленія, она и остановилась окончательно.

Мальчикъ до самаго дня отъѣзда не зналъ куда его отправляли. Когда ему объявили, чтобы онъ готовился въ дорогу, то сначала онъ не хотѣлъ этому вѣрить, но когда сомнѣнію не оставалось мѣста, то онъ побѣждалъ жаловаться на мать знакомымъ.

Среда, разумѣется, сказала: знакомые и не думали о томъ, чтобы его успокоить, а напротивъ, дразнили молодаго чловѣка.

— Не горюй Давидъ, говорили они, будешь хорошимъ бу-

лочникомъ. Вѣрно, мамап намѣрена обучать тебя булочному мастерству, такъ какъ лучше нѣмцевъ нѣтъ булочниковъ.

Другіе знакомые на всѣ его жалобы пожимали только плечами и говорили между собой, что это, вѣроятно, послѣдняя странность Рачинской, которой они, также вѣроятно, уже больше никогда не увидятъ.

Прощаясь съ матерью въ первый разъ въ жизни и на неопредѣленное время, Давидъ холодно подошелъ къ ней, но слезы и горе ея смягчили его: онъ заплакалъ и сказалъ:

— Мама! Когда же ты пріѣдешь къ намъ? Не оставайся здѣсь долго!

Елена Михайловна горячо обняла сына и молила его: Будь, будь хорошимъ человѣкомъ, Давидъ! Утѣшь меня.

— Я виноватъ, мама, передъ тобой, шепталъ онъ ей въ отвѣтъ, но право все было такъ скверно, и онъ махнулъ рукой.

Оставалось Еленѣ Михайловнѣ совершить невыразимо тяжелое дѣло: видѣть прощаніе сына съ отцомъ.

— Помни, Давидъ, говорила она совершенно разбитымъ голосомъ, стоя у постели больного, помни, что ты никогда не увидишь своего отца, который тебя такъ много любилъ.

Давидъ сталъ на колѣни и крѣпко, со слезами, поцѣловалъ руку и голову отца.

Когда онъ сѣлся въ вагонъ, то мать, схвативъ его руку, крѣпко прижала ее къ губамъ и произнесла съ необыкновеннымъ чувствомъ:

— Будь, будь хорошимъ человѣкомъ, ради меня!

При больномъ осталась Елена Михайловна съ дочерью и гувернанткой, ибо Лебедевъ уѣхалъ съ Давидомъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ ихъ отъѣзда, Викторъ Александровичъ тихо скончался ночью, какъ будто уснулъ. Голова его покоилась на колѣняхъ жены.

Вѣрочка и миссъ Гарретъ, страшившіяся этой минуты для Елены Михайловны и строившія уже различные планы, чтобы удалить ее на это время изъ комнаты, крѣпко спали, когда насталъ послѣдній часъ Рачинскаго.

Елена Михайловна не будила ихъ. Она находила какую-то особенную отраду въ томъ, что рѣшительно никто не мѣшалъ ей оставаться одной съ неостывшимъ еще трупомъ мужа

и, когда на утро вошла къ ней гувернантка, то застала ее на прежнемъ мѣстѣ, погруженною въ глубокія думы.

— Все кончено! сказала она, указывая на трупъ мужа.

Миссъ Гарретъ сначала не повѣрила Еленѣ Михайловнѣ, ибо, какъ мы сказали, рассчитывала на истерики и обмороки послѣдней; но когда убѣдилась, что хозяйка ее не бредитъ, то бросилась обнимать ее, повторяя:

— Не отчаивайтесь, дорогая моя. У насъ у всѣхъ одно утѣшеніе—Богъ! Вспомните только о Немъ.

— Да, другъ мой, одно утѣшеніе—Богъ, да еще—спокойная совѣсть, у кого она есть, произнесла, глубоко вздыхая, Елена Михайловна и вышла изъ комнаты, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія.

— Съ какой силой духа! Настоящая христіанка! думала наивная и глубоко вѣрующая миссъ, глядя вслѣдъ Еленѣ Михайловнѣ.

Пробужденіе Вѣрочки было, разумѣется, очень грустно: при первомъ словѣ миссъ Гарретъ, въ головѣ ее мелькнула мысль: Мы теперь сироты.

Въ другой комнатѣ миссъ Гарретъ объясняла маленькому Жени, что его папаша ушелъ на небо.

Въ домѣ все было тихо, ни особенныхъ рыданій, ни восклицаній не раздавалось. Продолжительныя страданія Рачинскаго приучили всѣхъ его семейныхъ къ мысли о неизбѣжномъ концѣ. Вѣрочка отправилась къ матери. Елена Михайловна сидѣла въ комнатѣ, въ которой лежалъ ее мужъ.

Вѣрочка долго не рѣшалась войти въ комнату: неопредѣленное и естественное чувство страха удерживало ее. Вчера она видѣла отца живымъ, а сегодня онъ мертвъ.

Страшно ей также было за мать: она лучше, чѣмъ миссъ Гарретъ, понимала, что мать, хотя и не плачетъ, не падаетъ въ обморокъ, но тѣмъ не менѣе скорбь ее невыразимо тяжела.

Дверь была притворена, черезъ замочную скважину проникалъ блѣдный свѣтъ восковыхъ свѣчъ; запахъ ладона непріятно поражаѣлъ обоняніе.

Елена Михайловна встала при входѣ дочери. Замѣтная блѣдность покрыла ее лицо, губы дрожали.

— Вѣрочка! произнесла она, помолись Богу за твоего отца.

Дѣвочка стала на колѣни и горячо, со слезами помолилась Богу.

Елена Михайловна послѣдовала ея примѣру.

— Теперь поздоровайся съ твоимъ папой, сиротка, произнесла Елена Михайловна, поднимаясь съ колѣней и крѣпко цѣлуя дочь.

Губы ея были холодны, руки—какъ ледъ.

— Мамочка! не убивайся! шептала Вѣрочка, наклоняя голову къ плечу матери. Этимъ не воротишь, а я такъ боюсь за тебя.

— Не бойся, дитя, мое горе все то же, что было и вчера и недѣлю тому назадъ. Вѣдь только тѣло твоего папы двигалось, а разумная душа давно покинула его.

Цѣлыхъ два дня, до самыхъ похоронъ, Елена Михайловна не отходила отъ покойника и только просила, чтобы оставили ее одну.

Вечеромъ другого дня Вѣрочка тихонько вошла и стала упрашивать мать лечь въ постель и отдохнуть.

— Позволь, Вѣрочка, остаться мнѣ здѣсь, теперь уже не долго: завтра свезутъ его на кладбище, отвѣчала Елена Михайловна, не спуская глазъ съ открытаго лица покойника.

— Что ты такъ смотришь на него! Позволь закрыть лицо. Оно еще больше тебя разстроиваетъ.

— Оставь, оставь Вѣрочка! Я хочу видѣть его. Не правда ли, какимъ онъ кажется старикомъ, какъ будто ему не 40, а 60 лѣтъ.

— Что же дѣлать, мама, умираютъ люди и раньше, а болѣзнь не красить никого.

— Не въ томъ дѣло, что умеръ онъ рано: смерть совсѣмъ не такъ страшна, но то ужасно, что какъ преждевременной старости его, такъ и смерти—я причина.

Дѣвочка со страхомъ взглянула на мать.

Подождавъ нѣсколько минутъ, не объяснитъ ли ей мать, почему она считаетъ себя виновницей болѣзни и смерти мужа, Вѣрочка рѣшилась, наконецъ, сама задать ей этотъ вопросъ.

— Почему, спрашиваешь ты, виню я себя во всемъ? Потому, дитя, что я не удержала его во время отъ расточительности, беспорядочной жизни и не направила къ добру.

— Мнѣ кажется, мама, что за дѣтей ты, пожалуй, еще можешь отвѣчать, но папа былъ взрослый, ровесникъ тебѣ.

— Все равно; по развитію стоялъ онъ ниже меня, но любилъ меня и вѣрилъ мнѣ безконечно.

— Но и ты его любила не меньше и только потому не противорѣчила ему ни въ чемъ, что боялась окончательно разстроить его: какъ же ты можешь винить себя за это? кто могъ предвидѣть такой дурной конецъ!

— Ну, да, любила, хотѣла сдѣлать лучше и промахнулась. Это доказываетъ, что окончательная привязанность къ одному лицу не только безнравственна, противна заповѣди Христа, но нерѣдко служить къ гибели того, кого мы ею даримъ. Если бы я не пеклась исключительно о благѣ мужа, то допустила ли бы его сорить деньги, нажитыя по́томъ крестьянъ? Развѣ я не понимала, что частыя, безотлагательныя высылки денегъ раззоряютъ крестьянъ и семейство. Не развѣ попадались мнѣ письма управляющаго, который описывалъ какъ трудно было ему собрать назначенную сумму денегъ къ сроку. Хотя, прибавлялъ онъ, крестьяне у насъ въ долгу, но они просятъ отсрочки, ибо въ настоящее время у нихъ денегъ нѣтъ и нѣкоторымъ пришлось, для удовлетворенія моихъ требованій, продать послѣднюю лошадь или корову. Мужъ не считывалъ подобныхъ письма и бросалъ ихъ въ каминъ. Но я ихъ читала, и твердо рѣшалась при первомъ случаѣ поговорить объ этомъ съ мужемъ. Между тѣмъ одинъ взглядъ на блѣдное, раздраженное лице Виктора разрушалъ мои лучшія намѣренія. Развѣ это нравственно, Вѣрочка, какъ ты думаешь? Я нарочно говорю съ тобой объ этомъ у гроба отца. Можетъ быть настоящія минуты неизгладимо наръжуются въ твоей памяти.

Вѣрочка молчала и плакала.

— Да, продолжала Елена Михайловна, одна только высокая любовь къ ближнему, къ человѣчеству, никогда не обманетъ, не заставитъ раскапывать въ безплодно прожитой жизни. Если бы я исполняла свой долгъ относительно другихъ, то возможно, что я и ему дала бы прожить лишній десятокъ лѣтъ.

— А если бы твои противорѣчія, мама, еще скорѣе уложили папу въ могилу? спросила Вѣрочка, подымая заплаканное лицо. Тогда не было ли бы тебѣ еще тяжелѣе?

— Не думаю. Сознаніе, что я дѣйствовала по долгу, утѣмало бы меня, Вѣрочка!

— Это только такъ говорится, мама, а если бы тебѣ пришлось снова переживать прошлое, неужели бы ты рѣшилась, для пользы другихъ, рисковать жизнью мужа?

Елена Михайловна долго не отвѣчала на вопросъ дочери наконецъ произнесла смѣло и громко:

— Да, рѣшилась бы... Но теперь поздно, прибавила она, съ глухимъ отчаяніемъ.

Вѣрочка не совсѣмъ поняла мысль матери. Она не могла повѣрить, чтобы исключительная привязанность къ одному человеку заслуживала порицанія. Нерѣдко въ ея присутствіи восхваляли людей, способныхъ любить дорогихъ сердцу до самопожертвованія, до забвенія себя и другихъ; между тѣмъ случаи, гдѣ человекъ жертвовалъ своимъ благосостояніемъ и своею жизнью для блага человѣчества или цѣлаго общества, были ей мало извѣстны. Хотя она и занималась исторіею, *но въ той средѣ, въ которой вращалось семейство Рачинскихъ, никакіе великіе учителя и педагоги не въ силахъ привить къ дѣтямъ какую бы то ни было свѣжую мысль.*

Слова Елены Михайловны и семейныя бѣды бросили въ душу Вѣрочки зерно сомнѣнія, но самый плодъ могъ явиться только въ будущемъ.

— Мама больна, думала Вѣрочка, иначе она не стала бы утверждать, что спокойствіе и жизнь любимого человека стоятъ менѣе, чѣмъ счастье какихъ-то крестьянъ. Наконецъ, перенесла ли бы она сама борьбу съ папой—это еще вопросъ.

Въ это мгновеніе ей вспомнился отецъ въ гнѣвѣ. У, какъ страшно! подумала она, но опять пришло другое воспоминаніе, а именно полная любви проповѣдь Спасителя, ученіе котораго она не разъ читала съ миссъ Гарриетъ.

Вотъ моменты развитія умственного роста, указанныя нами въ природѣ Вѣрочки. Извѣстный случай въ жизни вызываетъ извѣстное воспоминаніе и шагъ по пути умственного развитія совершенъ. Процессъ работы мозга въ подобномъ случаѣ всегда останется для насъ тайной.

Похороны Рачинскаго, также какъ и его смерть, обошлись безъ шума и рыданій. Елена Михайловна только простонала, бросая горсть земли на гробъ мужа.

Вѣрочка приняла на себя всѣ хлопоты по похоронамъ и

отъѣзду въ Дерптъ, гдѣ приготовлена уже была для нихъ квартира Лебедевымъ. Горе и сближеніе съ матерью очень благотѣльно подѣйствовали на молодую дѣвушку. Много предразсудковъ спало съ нее; прямѣе, яснѣе стала она смотрѣть на вещи; не стыдилась уже идти по Невскому въ простомъ платьѣ; серьезно и холодно выносила она взглядъ бывшихъ подругъ. Стоитъ ли обращать на это вниманіе, когда у меня такъ много заботъ посерьезнѣе: онѣ могутъ щеголять, потому что имъ нечего дѣлать, нерѣдко думала она, послѣ встрѣчъ съ своими бывшими знакомыми.

Миссъ Гарретъ, передъ отъѣздомъ Рачинскихъ въ Дерптъ, отправилась на родину, въ Англію, ибо всѣ члены семейства и она сама поняли сразу, безъ всякихъ объясненій, что она не нужна для Вѣрочки и Женни.

Бѣдная дѣвушка искренно была привязана ко всему семейству и въ особенности къ своей воспитанницѣ, и потому горько плакала передъ, можетъ быть, вѣчной разлукой съ нею.

— Я тебѣ уже больше не нужна, говорила она, обращаясь къ Вѣрочкѣ, ты уже взрослая. Да благословитъ тебя Богъ и поможетъ остаться такой же хорошей дѣвушкой, какой ты была до сей поры, когда только дьяволъ не приходилъ тебя искушать; но чистота твоей души всегда брала верхъ.

Въ день отъѣзда, когда всѣ вещи были уже отправлены на желѣзную дорогу, Рачинская съ дочерью отправилась на кладбище проститься—одна съ мужемъ, другая съ отцемъ.

Между тѣмъ какъ Вѣрочка любовалась, глядя на цвѣты, посаженныя на могилѣ отца, Елена Михайловна, стоя на колѣняхъ, шептала:

— Простишь ли? простишь ли ты мнѣ все?

— Мама, мамочка! какой же ты грѣхъ сдѣлала, что все молишь о прощеніи?

— О, большой, тяжкій грѣхъ, Вѣрочка! Я мужа не направила къ добру и дала ему погибнуть.

Въ концѣ августа Рачинскія уѣхали изъ Петербурга. Никто не провожалъ ихъ на желѣзную дорогу, исключая двухъ, трехъ слугъ, отъ души преданныхъ имъ.

Жизнь въ Остзейскомъ краѣ носитъ своеобразный характеръ, для насъ русскихъ, нѣкогда тамъ не бывавшихъ, совершенно непонятный, не потому только, что языкъ, законы, различные общественныя учрежденія этого края не русскіе, нѣтъ, но по причинѣ, болѣе глубокой и многознаменательной. именно потому, что въ Остзейскомъ краѣ живетъ нѣмецъ, настоящій и кровный нѣмецъ, сильный образованіемъ, сильный чувствомъ сознанія своей національности. Образованіе и вполне сознательная, гордая своимъ достоинствомъ, національность положили на всю общественную и частную жизнь обывателей тотъ своеобразный характеръ, который сказывается русскому человѣку при первомъ шагѣ въ этотъ краѣ. Оставляя въ сторонѣ жизнь общественную мы коснемся жизни частной, семейной, представляющей множество явленій, непонятныхъ для насъ, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ лѣстницы, называемой умственнымъ ростомъ или прогрессомъ. Такъ какъ у насъ идетъ рѣчь о Дерптѣ, то на немъ мы и остановимъ вниманіе читателей. Прежде всего насъ поражаетъ въ этомъ городѣ истинно-трудоваѣ жизнь нѣмца. Глядя на того или другаго жителя, невольно подумаешь, что не трудъ существуетъ для человѣка, а человѣкъ живетъ для труда. Эта трудовая жизнь Дерпта имѣетъ большое воспитательное вліяніе на нашихъ русскихъ дѣтей, въ чемъ я убѣдился на опытъ. Наши читатели поймутъ, что мы пишемъ не историческую и не политико-экономическую статью, слѣдовательно наше дѣло намѣтить только главныя, выдающіяся черты жизни Остзейскаго края.

Вторая крупная черта та, что вся жизнь, всѣ чувства нѣмца приведены къ *Ordnung*'у, отъ котораго онъ не отступаетъ нѣкогда и ни въ чемъ. Нѣкогда нѣмецъ не увлечется симпатіей къ первому встрѣчному, не откроетъ ему своей души и своего кошелька, даже въ ущербъ самому себѣ: онъ поможетъ, онъ сблизится на столько, на сколько это согласно съ его правилами. Далѣе этого онъ не пойдетъ. Совершенно противное видимъ мы на святой Руси, гдѣ вмѣсто правилъ рѣшаетъ все мнута, всякій дѣйствуетъ по природнымъ, развившимся въ немъ наклонностямъ: великодушный и добрый между нами, нерѣдко забываетъ самага себя, помогая ближнимъ; тогда какъ сухой и жесткій человѣкъ безсовѣстно губить и забываетъ каждаго.

Сплошь да рядомъ внутренняя связь, составленная подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, кончается очень плачевно: пріятели дѣлаются врагами и, по обычаю, пакостятъ другъ другу. Подобныя явленія встрѣчаемъ чуть не на каждомъ шагу, но рѣдко относимся къ нимъ критически, ибо всякій знаетъ по себѣ, что онъ рабъ своихъ страстей и привычекъ. Таково большинство насъ, а про исключенія мы не говоримъ. Не умѣя владѣть собой, мы въ дурную, злую минуту способны оскорбить чело-вѣка, отвернуться отъ нуждающагося, тогда какъ, подъ вліяніемъ хорошаго настроенія, готовы отдать жизнь свою за ближняго. Эта черта нашей природы даетъ намъ характеръ задушевности, столь восхваляемой, какъ нами самими, такъ и нѣкоторыми иностранцами. Но что толку въ этой задушевности или, что будетъ върнѣе, въ этомъ отсутствіи самообладанія и строгихъ правилъ? Какая отъ нея польза обществу, ибо единственная, справедливая оцѣнка тому или другому чело-вѣку или его людскимъ дѣйствіямъ есть польза для общества, произте-кающая отъ чело-вѣка и его дѣлъ.

Обществу служить нѣмецъ хорошо. Никогда не дастъ онъ своему соотечественнику погибнуть съ голода, мало того—онъ постарается, посредствомъ подписокъ и лотерей, доставить ему средства жить согласно его общественному положенію и привычкамъ. Сколько бесплатныхъ школъ, пріютовъ существуетъ въ маленькихъ городахъ Остзейскихъ провинцій, съ какимъ удивленіемъ видимъ мы какъ нѣмецъ на нашихъ глазахъ утили-зировавшій копейки на свой обѣдъ, свободно отдаетъ рубль чело-вѣку или учрежденію, требующему помощи. Въ Остзейскомъ краѣ я знаю членовъ одного филантропическаго общества, ко-торые обязуются сохранять обрѣзки сигаръ: на эти обрѣзки, собираемые со всѣхъ провинцій воспитываются два бѣдные маль-чика. Для насъ, русскихъ, не переваримъ подобный фактъ, т. е. всю жизнь думать о томъ, чтобы сберечь отрѣзанный кон-чикъ сигары. Большинство нашихъ благотворительныхъ заве-деній умираетъ въ самомъ зародышѣ и именно отъ неимѣнія той устойчивости и выдержки, безъ которыхъ никакого поряд-очнаго дѣла не сдѣлаешь.

Предоставляетъ всякому рѣшить на чьей сторонѣ преиму-щество. Такъ или иначе, но нѣмецкій Ordnung намъ не по зу-

бамъ и потому для русскаго, взрослоаго при другихъ условіяхъ, жизнь въ Остзейскихъ провинціяхъ положительно невозможна. Мы, если проникаемъ, что бываетъ очень рѣдко, сознаниемъ пользы этого Ordnung, то всѣми силами стараемся переработать себя и свои привычки или же, напротивъ, далекіе отъ мысли, что порядокъ необходимъ во всемъ и всегда, мы, не понимая значенія и смысла жизни нѣмцевъ, съ презрѣніемъ смотримъ на нихъ и, по возвращеніи въ Россію, безпощадно бранимъ нѣмцевъ, увѣряя, что съ ними умрешь отъ скуки!

Съ 7-ми часовъ утра начинается въ Дерптѣ трудовая жизнь. На всякомъ шагу встрѣчаешь студентовъ, дѣтей профессоровъ, учителей съ книгами или тетрадями въ рукахъ. Здѣсь, въ мѣстѣ по преимуществу учащемъ и учащемся, рѣдко встрѣтишь празднующаго ребенка на улицѣ, ибо какъ тьма, такъ и свѣтъ заразительны: убѣжденіе въ необходимости просвѣщенія на столько распространено во всемъ краѣ, что самые бѣдные и мало образованные родители не берутъ на свою душу грѣха оставить дѣтей безъ ученія. 22-хъ тысячное населеніе города съ каждымъ полчаса увеличиваетъ движеніе на улицахъ. Всюду видишь чисто нѣмецкія, нѣмецко-чухонскія лица, слышишь нѣмецкую рѣчь: русское слово составляетъ величайшее исключеніе.

Но не одной только русскою рѣчью отличался знакомецъ нашъ Давидъ Рачинскій, котораго мы встрѣчаемъ ранимъ утромъ также на улицѣ, на пути въ гимназію. Онъ идетъ вмѣстѣ съ маленькимъ братомъ Женей. Молодой Рачинскій рѣзко отличался отъ попадавшихся ему неуклюжихъ, съ грубоватыми и рѣзкими движеніями, буршей. Его тонко-очерченное лицо, шелковистыя кудри, пробивающіеся усы—все это было такъ мило-видно и въ тоже время такъ полно выраженія барства и нѣги, что съ перваго раза можно было сказать: вотъ балованный барчукъ. Немного приподнятая нижняя губа проводила по его лицу черту презрѣнія, которую можете замѣтить у всѣхъ дѣтей, веденныхъ по барски.

Женни, только за мѣсяцъ передъ этимъ и черезъ 3 года по переселеніи семейства Рачинскихъ въ Дерптъ, поступившій въ 1 классъ гимназіи, горячо взялся за дѣло. Онъ всегда спѣшилъ въ гимназію, боясь запоздать. Спѣшилъ онъ и теперь, когда мы встрѣчаемъ его на улицѣ вмѣстѣ съ братомъ.

— Тише, тише! останавливалъ его Давидъ недовольнымъ голосомъ. Успѣешь еще назубриться сколько душѣ угодно. Вѣдь вы, мальчуганы, только и дѣлаете тамъ путнаго, что зубрите. Теперь не больше 5 минутъ 10-го.

— Не 5, а 10 минутъ, робко возразилъ Женья. Посмотри, всѣ уже прошли. Опоздаемъ, такъ, и выйдетъ непріятность, а мамѣ каково?

При напоминаніи о матери брови Давида слегка сдвинулись.

Жъ чему ты пришелъ тутъ маму? скажи лучше, что тебѣ хочется отличиться прилежаніемъ, Lob (*) получить въ награду.

— Какихъ право чиновниковъ воспитываютъ нѣмцы!

— Толкуй себѣ что хочешь, а я уйду. И съ этими словами Женья чуть не пустился отъ него бѣгомъ.

— Нѣмчур! произнесъ ему вслѣдъ разсерженный Давидъ, оглядываясь кругомъ не встрѣтится ли кто-нибудь изъ товарищей, чтобы поболтать съ нимъ. Долго и безуспѣшно обращалъ онъ голову, ибо всѣ уже далеко опередили его; наконецъ, къ счастію, изъ за угла показался Герке—первый пріятель Давида по гимназіи, такой же лѣнливецъ и повѣса, какъ и самъ онъ.

— Samarade, стой! окликнулъ его Давидъ, мнѣ нужно передать тебѣ кое-что.

Герке, летѣвшій на всѣхъ парахъ, остановился съ открытымъ ртомъ, какъ бы удивясь кто рѣшился остановить его на такомъ быстромъ ходу.

— Я вчера былъ у Рекампѣ и ее видѣлъ, сообщилъ ему Давидъ таинственно.

Открытый ротъ Герке изобразилъ широкую улыбку, что бываетъ обыкновенно съ людьми при воспоминаніи о чемънибудь пріятномъ.

— Ну... что же она?

— Она со мной танцевала двѣ кадрили, играла въ 4 руки. Но Герке уже тревожно смотрѣлъ въ сторону и порывался бѣжать.

— Слушай! Мы съ ней говорили о тебѣ.

— Что же, что же она говорила обо мнѣ?

— Нѣтъ, ты не бѣги, а иди со мной до гимназіи, такъ я расскажу, что она говорила о тебѣ.

(*) Похвала. Техническій терминъ дерптскихъ дѣтей.

Но Герке только рукой махнулъ и побѣждалъ скорѣе прежняго. Онъ былъ хоть и изъ плохихъ нѣмцевъ, но все таки нѣмецкая выдержка взяла свое.

— Колбасникъ! произнесъ ему вслѣдъ Давидъ, продолжая идти тѣмъ же медленнымъ и, по его мнѣнію, приличнымъ для истиннаго джентльмена шагомъ.

Въ гимназію онъ, разумѣется, опоздалъ на цѣлыя двадцать минутъ. Учитель математики, въ классъ котораго вошелъ Давидъ, человѣкъ до педантичности точный, покосился на ученика за его поздній приходъ и тотчасъ же вызвалъ его къ доскѣ.

Давидъ молчалъ, ибо мало того, что математика ему трудно давалась, но на этотъ разъ онъ вовсе не готовился къ уроку, за что и арестовали въ гимназіи, nachsitzen, по выраженію нѣмцевъ.

Женю опечалилъ арестъ брата, тѣмъ болѣе, что это случилось во второй разъ на недѣлѣ. Конечно, мальчикъ былъ слишкомъ малъ для того, чтобы понять всѣ могущія быть ужасныя послѣдствія лѣности и дурнаго поведенія Давида; но, не смотря на свои 10 лѣтъ, онъ уже привыкъ уважать трудъ, ибо его сознательная жизнь началась тогда, когда всѣ его окружающіе начали другую, трудовую, исполненную, хотя и не большихъ, но всетаки лишений, жизнь.

Онъ началъ свою самостоятельную жизнь тогда, когда въ семьѣ говорили о способахъ уменьшить расходы, сберечь лишнюю копѣйку; когда мать и Вѣрочка толковали по цѣлымъ днямъ о томъ, что послѣдняя должна направить всѣ помыслы, чтобы создать себѣ сколько нибудь обезпеченныя средства къ жизни въ будущемъ. Словомъ, Женья началъ сознательную жизнь тогда, когда *среда* Рачинскихъ, всѣ *условія* ихъ жизни совершенно измѣнились, когда вся семья, со ступени барства и ничего не дѣланія, сошла на ступень людей, обязанныхъ думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Этой то школѣ, называемой жизнію, Женья и былъ обязанъ своими здоровыми, честными сѣменами, запавшими въ глубину его природы.

Не весело подходилъ Женья къ красивому, сѣренькому домику, окруженному большимъ садомъ, гдѣ его ожидали ласки сестры и матери. Нерѣшительно стоялъ онъ у звонка, обдумывая, нельзя ли какъ нибудь смягчить печальную истину,

когда изъ форточки выглянуло молодое, привѣтливое личико и ласковый голосъ окликнулъ его:

— Что же ты пось-то повѣсилъ, нейдешь въ комнаты? *Ne schlechte* ли *Bemerkung* получилъ, мальчуганъ мой?

Женя поднялъ на нее глаза.

— А, Давидъ гдѣ? продолжала Вѣрочка... Понимаю теперь отчего ты не веселъ: негодного мальчишку опять оставили въ гимназiи.

— Да, да. Каково же будетъ мамѣ узнавъ объ этомъ, произнесъ Женя съ тяжелымъ вздохомъ.

— Что же станешь съ нимъ дѣлать, вѣрно на роду ему написано уложить маму въ могилу... Пойдемъ, дружочикъ, завтракать, говорила Вѣра, отворяя брату двери.

Усадивъ его за столъ, она отправилась въ комнату Лебедева—побесѣдовать съ нимъ объ ихъ общемъ горѣ.

Молодой человѣкъ сидѣлъ за книгой. Ему приходилось много заниматься въ послѣднее время, ибо онъ готовился къ магистерскому экзамену, для занятія кафедръ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Неудачная судьба перваго воспитанника разочаровала его, если не на счетъ дѣла воспитанiя вообще, то, во всякомъ случаѣ, на счетъ его собственныхъ способностей, какъ воспитателя. Сколько ни успокоивалъ онъ себя мыслью, что едва ли кто бы то ни былъ, на его мѣстѣ, успѣлъ направить Давида къ добру, такъ какъ собственно не воспитатель, а среда и примѣръ окружающихъ воспитываютъ ребенка; но сознанiе, что изъ его питомца ничего не выйдетъ путнаго, отняло у честнаго Лебедева охоту продолжать педагогическую профессiю.

На этотъ разъ и Вѣрочкѣ зашла въ голову мысль: нѣтъ ли чего нибудь фальшиваго въ обращенiи ихъ съ братомъ, что мѣшаетъ послѣднему подняться нравственно. Быть можетъ, бѣлая снисходительность или, на оборотъ, строгость совершили бы въ немъ переворотъ?

По свойственной ей живости, она не замедлила высказать свои предложенiя Лебедеву, не думая о томъ, что слова ея были огнемъ, брошеннымъ въ порохъ.

— Неужели вы думаете, Вѣрочка, горячо возразилъ ей Лебедевъ, что безпутство Давида не лежитъ камнемъ на моей

душѣ. Вѣрьте, мой другъ, что теперь всякая мѣра окажется бесполезной; возможно ли гнилое, изѣденное червями дерево сдѣлать здоровымъ? Точно также искалѣченъ нравственно, гнилъ нравственно и Давидъ. Скажу коротко: *онъ рабъ своихъ страстей*. Поймите вы это: *рабъ своихъ страстей*.

На вопросъ молодой дѣвушки—почему онъ считаетъ Давида неисправимымъ, когда не рѣдко удавалось направить на путь истинный самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, Лебедевъ отвѣчалъ, что большинство преступниковъ принадлежитъ къ средѣ невѣжественной, грубой, и потому только доходитъ до преступленія, что хорошія начала не получили въ немъ должнаго развитія, вслѣдствіе чего, иногда, умѣнье затронуть загрубѣлую совѣсть преступника, ударить по чувствительнѣйшимъ струнамъ его души, спасаетъ человѣка! Самая новизна свѣжей, честной мысли, о которой преступникъ никогда не слыхивалъ, привлекаетъ его вниманіе. Разница именно въ томъ, что Давидъ уже съ дѣтства привыкъ слышать честныя фразы, но не привыкъ видѣть честныхъ дѣлъ. Преступникъ честныхъ дѣлъ также не видалъ, но онъ за то не имѣлъ понятія и о честныхъ фразахъ. Разладъ слова съ дѣломъ для него неизвѣстенъ. И вотъ именно это-то обстоятельство и даетъ ему въ нравственномъ отношеніи огромное преимущество предъ Давидомъ. Для Давида нѣтъ ничего священнаго! Всякая честная мысль, искреннее убѣжденіе вызываютъ въ немъ насмѣшку и презрѣніе. Все это одна философія, отвѣтитъ онъ вамъ съ явнымъ озлобленіемъ. Какъ ни коротокъ этотъ отвѣтъ, но я не могу слышать его безъ содроганія, потому что онъ служитъ мнѣ ручательствомъ за нравственную неисправимость мальчика. И въ самомъ дѣлѣ: подумайте только о томъ, сколько недовѣрія слышится въ этихъ словахъ, сколько презрѣнія и насмѣшки ко всему священному! Вы видите передъ собой не человѣка, а молодое животное, которое будетъ руководствоваться въ жизни однимъ лишь удовлетвореніемъ своихъ чувственныхъ, животныхъ наклонностей. А что погубило несчастнаго мальчика? что убilo въ немъ вѣру во все порядочное? *Постоянные толки о томъ, чего онъ не видалъ въ жизни окружающихъ*. Дѣйствительно, во имя необходимости трудиться, стѣсняли его наклонность къ дѣлу и бездѣлю, но сами на его глазахъ ничего не дѣлали.

Толковали о высшей любви къ ближнимъ, а сами преспокойно жили на счетъ другихъ, т. е. своихъ крестьянъ. Правъ ли Давидъ послѣ этого, что всѣ слова о благородствѣ, добръ и чести онъ принялъ за фразы. *Названія убѣжденія заслуживаетъ только то, что переносится людьми въ жизнь.* А на словахъ далеко не уѣдешь. Помните, Вѣрочка, что христіанскія истины потому только совершили нравственный переворотъ въ челоуѣчествѣ, что Самъ Христосъ Своею жизнью доказалъ истину ихъ

— Молодое животное, молодое животное, твердила задумчиво Вѣрочка. Знаете ли, Дмитрій Васильевичъ, не рѣдко, глядя на Волгина и Бахметова, нашихъ петербургскихъ знакомыхъ, я задавала себѣ вопросъ: почему они такъ походятъ на молодыхъ животныхъ? Теперь я понимаю! потому, что въ нихъ убито все челоуѣческое. О, какъ это грустно, тяжело! Неужели, Лебедевъ, такихъ личностей не мало въ нашемъ обществѣ?

— Къ сожалѣнію, весьма не мало. И вы представить себѣ не можете до чего онѣ вредны для общества: всякая неопытная молодая душа, поддавшаяся ихъ вліянію, погибнетъ безвозвратно, увеличивая собой число этихъ истинныхъ нигилистовъ, дѣйствіями своими поселяющихъ въ хорошихъ людяхъ *сомнѣніе въ честныхъ и добрыхъ свойствахъ* челоуѣческой природы.

Между тѣмъ Женья, наконецъ, собрался съ духомъ идти поздороваться съ матерью. Робко вошелъ онъ въ гостинную, гдѣ сидѣла Елена Михайловна за рабочимъ столомъ.

Рачинская мало измѣнилась съ той поры, какъ мы разстались съ ней въ Петербургѣ, послѣ похоронъ мужа; та же блѣдность лица и худоба тѣла, то же грустное, сосредоточенное выраженіе лица. Ясно дѣлалось, что жизнь не баловала ее спокойствіемъ и радостями и въ послѣднее время.

Давно уже заглядывала она въ окно, какъ бы дожидаясь кого-то. Приходъ Жени удовлетворилъ ее только на половину. Снова, во второй разъ на недѣлѣ, не суждено было ей дожидаться того, кто составлялъ ей горе, лишалъ ее послѣдняго спокойствія.

Елена Михайловна съ наружнымъ спокойствіемъ привѣтствовала сына, спрашивала его о занятіяхъ, погодѣ и пр., и

слова не упоминая о Давидѣ, какъ будто бы его не было на свѣтѣ. Она знала, что мальчику было бы очень прискорбно сообщить матери объ арестѣ брата, и щадила его. И только гораздо позже, оставшись съ глаза на глазъ съ Лебедевымъ, она рѣшилась спросить его, за что оставленъ Давидъ въ гимназiи и когда узнала, что онъ опять не приготовился къ уроку математики, она какъ то вяло, нехотя задала Лебедеву вопросъ, не находить ли онъ полезнымъ, чтобы Давидъ бралъ частные уроки изъ математики?

Лебедевъ отвѣчалъ то, о чемъ она сама только думала, т. е. находилъ бесполезными въ данное время какіе либо уроки. Тяжело ему было, непомерно тяжело, что ничѣмъ не могъ помочь этой честной женщинѣ, которой онъ уже давно простилъ всѣ ея прежнія грѣхи, за честный и вѣрный взглядъ на жизнь.

XI.

Едва успѣли Рачинскіе пообѣдать, какъ въ передней раздался звучный и молодой голосъ, спрашивавшій сначала дома ли Давидъ, и потомъ уже дома ли хозяйка дома и ея дочь. Тотчасъ же вслѣдъ за вопросомъ въ дверяхъ показалась стройная, пропорціонально сложенная фигура молодаго человѣка, лѣтъ 22-хъ или 23-хъ. Кучерской костюмъ—голубая шелковая рубашка и черная плисовая поддевка—какъ нельзя болѣе шелъ къ его выразительному и красивому лицу. Его крупныя, но правильныя черты были такъ изящны; черныя, блестящіе глаза носили въ себѣ такое рѣдкое сочетаніе мягкости и энергiи, что всякій отъ души пожалъ бы ему руку, если бы въ его манерахъ не было столько самоувѣренности, развязности, переходившихъ въ положительную барскую небрежность.

При входѣ его, на лицѣ Елены Михайловны появилось едва замѣтное судорожное движеніе, конечно, пропущенное безъ вниманія самоувѣреннымъ гостемъ.

Онъ прямо началъ разговоръ съ предложенія покататься на его тройкѣ, управляемой имъ самимъ; съ воодушевленіемъ говорилъ о своихъ лошадяхъ; безъ всякаго вызова съ чьей бы то ни было стороны предлагалъ пари, что ни одна лошадь во всей Лифляндіи не обгонитъ его лошадей и кончилъ объясне-

ніемъ, что именно потому завелъ здѣсь тройку, чтобы на чужбинѣ вспомнить родную Русь и похвалиться предъ нѣмцами русской удаляю. Мнѣ противны, говорилъ онъ, чухны-сюртучники, здѣшніе кучера, то ли дѣло русскій кучерь: красота! и онъ самодовольно оглядѣлъ себя въ зеркалѣ.

Вѣра обрадовалась предложенію гостя. При ея однообразной жизни, катанье на лихой тройкѣ—доставило бы ей большое удовольствіе. Она уже была готова дать согласіе, когда Елена Михайловна обратилась съ вопросомъ къ Бахметову, такъ звали гостя: правда ли, что на дняхъ онъ до такой степени гналъ лошадей, что по дорогѣ раскидалъ всѣхъ своихъ товарищей нѣмцевъ, сплѣвшихъ въ его экипажѣ? Гость смутился на минуту, затѣмъ возразилъ: вольно же нѣмцамъ такъ плохо сидѣть на мѣстѣ, по дѣломъ имъ! пусть знаютъ, что если вздумаютъ бунтовать, то мы разбросаемъ ихъ по вѣтру также, какъ они летѣли изъ моихъ саней. Безсмысліе отвѣта Бахметова покорило Вѣру и она на отрѣзъ отказалась отъ всякой прогулки съ нимъ. Въ Вѣрѣ уже пробудился здравый смыслъ, стремленіе къ анализу совершающихся вокругъ нея явленій.

Бахметовъ горячо принялся укорять ее. Онъ упрекалъ дѣвушку въ недостатокъ любви къ Россіи, русскимъ обычаямъ; увѣрялъ, что она совершенно онѣмчилась. То ли дѣло вашъ братъ, говорилъ онъ, настоящій русскій, молодецъ, воюетъ съ нѣмцами: не хочетъ у нихъ учиться и конченъ балъ!

Лице Елены Михайловны передернулось.

— Вовсе не потому худо учится Давидъ, возразила сердито Вѣра, что нѣмцы его учителя. Просто ему лѣнь заняться дѣломъ. Васъ съ Давидомъ куда угодно отдай, нигдѣ никакого изъ васъ не выйдетъ, прибавила она, съ видимымъ раздраженіемъ.

— Скажите, пожалуйста, за что вы нападаете на нѣмцевъ, продолжала съ увлеченіемъ дѣвушка: чѣмъ они хуже васъ? Въмѣсто того, чтобы бранить ихъ безъ всякой причины, не мѣшало бы вамъ поучиться у нѣмцевъ трудолюбію, нравственной жизни. Да гдѣ вамъ, вы способны только бить баклуши, да изъ зависти бранить нѣмцевъ безмозглыми.

Какъ ни досадно было Бахметову, что молодая дѣвушка такого невыгоднаго о немъ мнѣнія, но при послѣднихъ сло-

вахъ ея онъ расхохотался: такъ смѣшно ему было слышать, что онъ, Бахметовъ, можетъ въ чемъ нибудь позавидовать неуклюжему нѣмцу.

Не мало труда стоило Лебедеву доказать Бахметову, что есть чему позавидовать у нѣмцевъ.

— Разсмотрите жизнь каждого отдѣльно изъ нихъ. Въ чемъ проходитъ эта жизнь? Всякій нѣмецъ трудится до послѣдней степени, не возьмется ни за какое дѣло, не будучи къ нему подготовленнымъ; наконецъ, всякое дѣло доведетъ до конца. Чѣмъ подобнымъ можемъ похвалиться мы? Напр., вы, молодой человѣкъ, извините за правду, какую пользу принесли вы до сей поры и къ какому дѣлу приготовились? говорилъ Лебедевъ, пронизывая глазами Бахметова.

— Какую пользу принесъ — объ этомъ мнѣ еще рано думать: моя жизнь впереди. Когда кончу здѣсь курсъ въ университетѣ, то поступлю мировымъ судьей въ нашъ уѣздъ.

— Прекрасно, а позвольте васъ спросить: знаете вы Россію?

— Какъ не знать, я русскій.

— Можетъ быть вы изучили ее въ Парижѣ и на заграничныхъ водахъ, гдѣ проводите чуть ли не половину года, какъ подобаешь богатому человѣку? Знаете ли вы народъ его нравы, природу, исторію?

— Болѣе или менѣе, разумѣется знаю, отвѣчалъ Бахметовъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Учился я, слава Богу, чему-нибудь въ гимназій, наконецъ въ университетѣ.

— Этого мало. Путешествовали ли вы когда нибудь по Россіи съ цѣлью изучить бытъ народа, читали ли по этому отдѣлу какое нибудь серьезное сочиненіе? Вѣрно, нѣтъ. Головой поручусь, что Францію вы лучше знаете, чѣмъ Россію. Готовъ хоть сейчасъ начать съ географіи.

Бахметовъ не умѣлъ лгать. Чудомъ какимъ то, если взять въ соображеніе его воспитаніе и среду, слабая искра правды тлѣла въ немъ.

— Что же отвѣчалъ онъ, во Франціи прекрасный климатъ. Путешествіе по Россіи затруднительно. Въ Россіи нѣтъ ничего привлекательнаго.

— Въ Россіи нѣтъ ничего привлекательнаго, а давно ли

вы хвалились своимъ патриотизмомъ? Если вѣдили вы больше по Франціи, значитъ нравы французовъ вамъ болѣе знакомы, чѣмъ нравы русскихъ. Побѣждайте съ Богомъ судить французовъ: тамъ вы скорѣе будете на своемъ мѣстѣ, чѣмъ въ Россіи.

— Странно, возразилъ уже неувѣреннымъ тономъ Бахметовъ, какъ будто бы для мирового судьи нужно что нибудь, кромѣ справедливости?

— А позвольте васъ спросить: при всемъ вашемъ желаніи можете ли вы отнестись справедливо къ нашему крестьянину, незнакомому вамъ ни съ одной стороны? Ни общественнымъ его положеніемъ, ни степенью развитія, ни матеріальнымъ его положеніемъ вы никогда не интересовались и вдругъ возьметесь его судить. Не забудьте, что во многихъ случаяхъ судъ вашъ будетъ безапелляціоненъ. Добросовѣстно ли это? Всю молодость провести въ бездѣльѣ, примѣромъ своимъ вредно вліять на окружающую молодежь и наконецъ взять на себя обязанность, къ которой нисколько не готовъ, — значитъ сознательно вредить тысячъ людей.

Каждое слово Лебедева глубоко западывало въ душу Бахметова: никогда не слыхалъ онъ такого голоса правды, никогда никто не относился критически къ его жизни, а въ юношѣ еще таилось много хорошаго: его хорошая искра, лежавшая на днѣ души, не позволяла ему отвернуться отъ истины, если онъ разъ понималъ ее.

Ниже и ниже опускалъ онъ голову. Тяжко ему было оглянуться на прожитые годы. Кутежи, попойки безобразныя, бессонныя ночи, обманъ, ложь передъ отцемъ, желавшимъ его исправить, все прошло вереницей въ его памяти. И что дало ему прошедшее? научился ли онъ чему, знаетъ ли что нибудь? Ничего основательно, кромѣ французской болтовни, а между тѣмъ ему уже 21 годъ. Пора приниматься за дѣло, за которое не знаетъ какъ и взяться.

Въ такомъ состояніи духа сидѣлъ онъ, склонивъ голову, когда явился Давидъ, которому также было, какъ говорится, не по себѣ. Не весело онъ встрѣчался съ матерью послѣ каждаго ареста въ гимназій: онъ зналъ сколько горя доставлялъ ей своимъ поведеніемъ; но ложное самолюбіе, какое-то, по-

стоянно жившее въ немъ, чувство озлобленія противъ всей семейной обстановки, столь чуждой ему по воспитанію—все это мѣшало искренно сознать свою вину. Холодно, съ натянутой развязностью, поцѣловалъ онъ руку матери, послалъ двѣ три остроты, направленные противъ философики сестры, успѣвшей, вѣроятно по его предположенію, навести туманъ на его прія-теля. Увидѣвъ, что Бахметовъ не съ обычнымъ расположеніемъ встрѣтилъ его, онъ поспѣшилъ уйти въ свою комнату, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно заняться кое-чѣмъ.

Долго разговоръ Лебедева съ гостемъ тянулся на одну и ту же тему, пока Бахметовъ не сознался откровенно въ полвой своей несостоятельности, увѣряя, что съ этого времени будетъ работать за двоихъ, чтобы воротить потерянное время.

Одного просилъ онъ у своихъ новыхъ друзей: поддержки на трудномъ пути.

Въ рѣчахъ Бахметова было столько искренности, а на лицѣ, вмѣсто обычнаго самодовольствія, такая симпатичная грусть, что Вѣрочка вполнѣ увѣровала въ его исправленіе.

По уходѣ гостя она съ чувствомъ проговорила:

— Какая славная душа у этого Бахметова! Да, онъ ждалъ только слова правды, чтобы отвернуться отъ всего дурнаго и недостойнаго.

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы это было такъ! возразилъ недоувѣрчиво Лебедевъ, покачавъ головой.

Елена Михайловна, отправляясь спать, заглянула въ комнату сына: онъ спокойно спалъ передъ открытой книгой.

— Вотъ какъ онъ занимается, подумала она.

Таковъ ли былъ Давидъ съ самаго пріѣзда въ Дерптъ? спросать меня читатели.

Нѣтъ. Поступивъ въ гимназію, мальчикъ сразу сталъ въ равныя отношенія съ своими товарищами, ибо петербургская жизнь его никому не была извѣстна. Но этого мало: ему захотѣлось завоевать себѣ первое мѣсто, какое доставалось ему безъ труда въ счастливые годы жизни, только потому, что онъ былъ богатъ. Другаго пути, для достиженія той же цѣли въ дерптской гимназіи, не оставалось, какъ трудиться и успѣхами своими сдѣлаться первымъ ученикомъ, ибо къ счастью, въ гимназіяхъ ни сословныя преимущества, ни богатство не даютъ

первенства. Подобное явленіе высоко становить гимназіи въ дѣлѣ воспитанія юношества. При своихъ хорошихъ способностяхъ, онъ могъ легко добиться этой цѣли.

Хорошіе отзывы объ успѣхахъ сына со стороны гимназическаго начальства приводили въ восторгъ Елену Михайловну. Она вѣрила, она надѣялась на полное исправленіе. Между тѣмъ, Лебедевъ положительно недоумѣвалъ и далъ себѣ слово окончательно отказаться отъ педагогической дѣятельности, если Давидъ не переродится, ибо, по всѣмъ соображеніямъ его такого поздняго, а главное быстро перерожденія не могло совершиться. Къ глубокому сожалѣнію Елены Михайловны, Лебедевъ явился лучшимъ психологомъ, чѣмъ она. Давидъ оказался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ оказаться: человѣкомъ безъ выдержки и воли.

Не привычка къ труду, не жажда знаній заставляла Давида заниматься, а тщеславное желаніе занять первое мѣсто въ классѣ. Скоро надѣли ему книги, учителя, и снова потянуло его къ бѣздѣлю, къ безконечнымъ забавамъ. Таковъ всегда бываетъ конецъ занятій дѣтей, если мы возбуждаемъ въ нихъ не любовь къ знанію, а тщеславіе получить отличіе, дѣйствующее всегда губительно въ педагогическомъ отношеніи. Сталъ онъ опаздывать въ классъ, явились двѣ-три жалобы со стороны начальства. Но дѣло шло бы еще кое-какъ, если бы случайная встрѣча не сблизила его съ Бахметевымъ, отправленнымъ родителями въ Дерптъ, для исправленія. Кстати замѣтимъ, хорошая логика руководила родителями Бахметева: портили сына въ теченіи двадцати лѣтъ и, вдругъ, возложили почему то свои надежды на Дерптъ, какъ будто бы послѣдній въ два, три года можетъ исправить плодъ ихъ многолѣтнихъ ошибокъ!

Давидъ понравился молодому Бахметеву своимъ остроуміемъ и готовностью постоянно веселиться; но тѣмъ болѣе онъ пришелъ ему по сердцу, что принадлежалъ къ тому же свѣтскому обществу, къ которому принадлежалъ и Бахметевъ. Въ лицѣ новаго пріятеля, для Давида воскресло все прошедшее, вся пустая, полная развлеченій жизнь.

Бросилъ онъ занятія, сваливая свою вину на отвращеніе какъ къ нѣмцамъ, такъ и къ нѣмецкой наукѣ; исчезалъ по

цѣлымъ днемъ изъ дома, со свѣтомъ возвращаясь домой. Елена Михайловна вполнѣ сознавала, на сколько постоянныя развлеченія, губительныя для каждаго, были въ особенности рановременны для Давида.

Такъ тянулась эта глухая драма, пока случайная бесѣда Бахметева съ Лебедевымъ и Вѣрочкой не отвлекла перваго на время отъ его недостойнаго образа жизни. Онъ каждый день приходилъ къ Рачинскимъ, совѣтовался, спрашивалъ о томъ, о семъ Лебедева и иногда, въ отсутствіе его, съ наслажденіемъ проводилъ часокъ—другой въ бесѣдѣ съ Вѣрочкой, дѣвушкой много учившейся, а главное, выработавшей вполнѣ здоровыя мнѣнія и сужденія. Забудемъ же, читатель, ея временное увлеченіе праздною жизнью въ Петербургѣ: то была зараза окружающей ее среды, зараза быстро излѣченная несчастіями родителей, ибо зло не успѣло еще пустить въ нее глубокіе корни, такъ какъ она была ведена съ дѣтства болѣе разумно, болѣе была приучена къ труду, чѣмъ Давидъ.

Прошелъ мѣсяцъ, другой, Бахметевъ работалъ все еще съ увлеченіемъ и Давидъ, предоставленный самъ себѣ, по немногу подвигался впередъ. Вся семья вздохнула свободнѣе.

Недѣли за двѣ до Рождества, на базарной площади Дерпта начали строить зданіе для цирка, такъ какъ въ скоромъ времени ожидали пріѣзда труппы вольтижеровъ. Вся молодежь и, въ особенности, студенты, зашевелились: подобныя удовольствія были для нихъ рѣдкостью, ибо въ Дерптѣ не существуетъ ни театра, ни цирка.

Настали праздники. Бахметевъ работалъ лѣнивѣе; наконецъ на третій день праздника, онъ не утерпѣлъ, отправился съ компаніей въ циркъ и съ той поры болѣе не возвращался къ занятіямъ: привычка къ праздности взяла свое и, во имя новыхъ своихъ взглядовъ устоять противъ искушенія, не хватало у него воли, которая, какъ вамъ извѣстно читатель, развивается только при благопріятныхъ условіяхъ воспитанія.

Возвратъ Бахметева къ старой жизни какъ нельзя болѣе обрадовалъ Давида и онъ, разумѣется, снова пустился съ нимъ во всѣ похождения.

Снова онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ; мало того, циркъ поглощалъ у него чуть не цѣлыя ночи. Къ урокамъ онъ совершенно пересталъ готовиться. Учитель жаловался директору, директоръ — матери мальчика. Стали ходить толки, что онъ можетъ быть исключенъ.

Давидъ зналъ стѣсненные обстоятельства матери и обыкновенно рѣдко обращался къ ней за деньгами; но, въ послѣднее время, кутежи съ вольтижорами обоого пола требовали большаго расхода, въ слѣдствіе чего, онъ безцеремонно выжималъ у матери рубль за рублемъ. Елена Михайловна не отказывала, утѣшая себя мыслью, что Давидъ отдался увлеченіямъ на время. Наконецъ, убѣдившись, что увлеченіе затянулось на слишкомъ долгое время и что подобные расходы ей не по силамъ, она въ первый же разъ твердо отказала Давиду въ дальнѣйшей выдачѣ денегъ. Молча, хотя съ сокрушеніемъ въ душѣ, выслушала она незаслуженные упреки сына въ жестокосердіи, скупости и пр. Но отъ Вѣрочки не ускользнуло ни горе матери, ни озлобленіе Давида, ни расходы, по его милости, превысившіе приходъ: она рѣшилась не допускать болѣе Давида до матери.

Однажды, то былъ печальный день въ жизни Вѣрочки, сидѣла она въ сумерки передъ роялемъ, на которомъ не играла ничего опредѣленнаго, а просто перебирала аккорды. Въ это время послышались шаги Давида, приближавшагося къ спальнѣ матери. Вѣра поспѣшно загородила ему дорогу.

— Мама спитъ, проговорила она.

Давидъ оттолкнулъ ее:

— Пусти, я разбужу, если она спитъ; мнѣ очень нужно видѣть маму.

— Зачѣмъ тебѣ нужно видѣть маму? Говори!

Давидъ молча шелъ впередъ.

— Не за деньгами ли опять? спросила Вѣрочка, съ особеннымъ удареніемъ на словѣ *деньги*, и попрежнему загораживая ему дорогу.

— Хотя бы за деньгами. Тебѣ какое дѣло... Ну, да, мнѣ нужны деньги. Пусти! не то худо будетъ.

Но Вѣрочку не легко было запугать; она насильно посадила брата возлѣ себя.

— Давидъ, Давидъ! говорила Вѣрочка, задыхающимся отъ волненія голосомъ. Подумай, что ты дѣлаешь! Въ короткое время выбралъ у мамы такую значительную сумму и теперь снова идешь просить у ней денегъ. Въ какое положеніе ты ее поставишь: дать она не можетъ, а отказать тебѣ въ чемъ нибудь для нея слишкомъ тяжело. Пощади ее, пощади меня!

Давидъ краснѣлъ и молчалъ. Но, послѣ короткаго размышленія, снова заговорилъ какимъ-то груднымъ, глухимъ голосомъ:

— Въ послѣдній разъ... больше не буду просить. Но сегодня, сегодня мнѣ необходимо нужны деньги.

— Постыдись братъ... Послушай, продолжала она, тряся его за руку, какъ бы желая привести его въ себя. Если ты осмѣлишься идти къ матери, я никогда не назову тебя братомъ.

Въ это время, растегнувшаяся брошка медленно скатилась съ груди дѣвушки.

Давидъ судорожно слѣдилъ за паденіемъ брошки. Въ немъ совершалась борьба. Наконецъ, при послѣднихъ словахъ сестры, онъ подхватилъ брошку и, принужденно смѣясь, сказалъ:

— Брошка твоя спасла меня; я заложу ее и сохранию за собою названіе твоего брата.

Вѣрочка оцѣпенѣла.

— Ты шутишь!

— Не шучу, возразилъ Давидъ, укладывая брошку въ карманъ и пятясь отъ сестры, какъ бы боясь, чтобы она не отняла отъ него своей собственности.

Вѣрочка закрыла себѣ лицо руками и, рыдая, убѣжала въ свою комнату. Быть можетъ, бѣдная дѣвушка, предчувствовала, что съ этой минуты для брата ея не будетъ существовать чужой собственности; быть можетъ предчувствовала, что съ ея братомъ совершился тотъ нравственный переломъ, послѣ котораго нѣтъ возврата на путь чести и добра.

Давидъ тотчасъ же ушелъ изъ дому и не возвращался ни вечеромъ того дня, ни на утро слѣдующаго.

Прослѣ рассказанной нами сцены съ братомъ, Вѣрочкѣ не спалось. Билъ часъ за часомъ, а братъ все не приходилъ домой. Она заглянула въ комнату матери, никакъ не рассчитывая застать ее въ постелѣ, ибо Елена Михайловна имѣла

обыкновеніе дожидаться сына, какъ бы поздно онъ ни возвращался. Къ удивленію, на этотъ разъ Елена Михайловна лежала въ постелѣ и казалось спала; но это только казалось, ибо бѣдная мать, видя свѣтъ въ комнатѣ дочери, думала, что она придетъ къ ней и потому нарочно притворилась спящей.

— Пусть не тревожится обо мнѣ, бѣдное дитя, думала Елена Михайловна, ложась въ постель.

На утро Лебедеву удалось отъ другаго, третьяго знакомаго разузнать, что Бахметевъ съ компаніей, въ томъ числѣ и Давидъ, отправились на пароходъ провожать трупъ вольтижеровъ до ближайшаго города.

Немедленно передалъ онъ это извѣстіе Еленѣ Михайловнѣ, которая болѣла душой при мысли объ отсутствіи сына.

Она выслушала печальное извѣстіе и, молча, пожала руку молодого человѣка въ благодарность за его участіе. Последний поспѣшилъ уйдти, вполне понимая, что ей не до разговоровъ, что сильное горе, какъ нагноившаяся рана на тѣлѣ, не даетъ до себя дотронуться.

Въ вечеру другаго дня, Елена Михайловна услыхала знакомые шаги. Вошелъ Давидъ. Лице его носило печать бессонныхъ ночей, а платье было помято и измарано.

— Давидъ, наконецъ-то ты пришелъ! вскричала бѣдная мать.

Давидъ началъ свое официальное извиненіе: онъ говорилъ, что совершенно неожиданно встрѣтился съ знакомымъ капитаномъ, который пригласилъ его покататься на пароходъ; вслѣдствіе этой неожиданности, онъ и не успѣлъ дать знать матери о своей поѣздкѣ.

Елена Михайловна не спускала съ него глазъ.

— Хуже, чѣмъ я когда нибудь предполагала, печально шептала она. О, горе мнѣ! дитя мое погибаетъ, а я ничѣмъ не могу помочь ему! вдругъ вскричала бѣдная женщина.

Давидъ оторопѣлъ: мать его, вмѣсто того, чтобы разразиться упреками за недостойное поведеніе, точно будто упрекаетъ въ чемъ-то себя.

Давидъ былъ еще слишкомъ молодъ и свѣжъ душой: вчерашній кутежъ и безобразія, его сопровождавшія, представились ему теперь въ настоящемъ свѣтѣ; онъ слишкомъ хорошо

сознавалъ свою вину и снисходительность матери тронула его до глубины души.

Онъ бросился на колѣни передъ матерью, молилъ о прощеніи и клялся исправиться; только объ одномъ просилъ—не оставлять его въ гимназіи, гдѣ онъ безвозвратно утратилъ уваженіе воспитателей и товарищей. Хотя желаніе его поступить въ военную службу неизмѣнно, но, ради матери, онъ готовъ трудиться, сколько хватить силъ, для поступленія въ университетъ. Вѣрила ли ему Елена Михайловна, мы не знаемъ, но самъ Давидъ глубоко вѣрилъ въ исполненіе своего обѣщанія. Въ первый разъ въ жизни, онъ такъ искренно пожалѣлъ свою измученную мать, что въ немъ родилось желаніе успокоить ее.

Давидъ оставилъ гимназію очень кстати, ибо было рѣшено исключить его за самовольную отлучку изъ города, а главное за то, что въ гимназіи онъ ничего не дѣлалъ и только сбивалъ съ добраго пути своихъ товарищей.

Между тѣмъ, Лебедевъ уже кончилъ магистерскій экзаменъ и отправился на мѣсто своего новаго назначенія, профессоромъ въ Казань.

Для Елены Михайловны и Вѣрочки было невыразимо тяжело лишиться такого преданнаго и вѣрнаго друга и потому онѣ положили перебраться къ нему, какъ только онъ устроится въ Казани, тѣмъ болѣе, что, съ выходомъ изъ гимназіи Давида, Дерптъ терялъ для нихъ свое значеніе. Что же касается Жени, то онъ былъ такъ хорошо направленъ, что куда бы его ни перевели, онъ вездѣ остался бы вѣренъ пути, на которомъ стоялъ крѣпко. На Давида же всякое мѣсто могло повліять совершенно одинаково, ибо подобныя ему личности сами въ себѣ носятъ зародыши зла, каковыя зародыши дадутъ вездѣ ростки, если только обстоятельства помогутъ выходу ихъ на свѣтъ. Время благотворнаго вліянія среды для Давида миновалось. *Что могло быть сдѣлано въ дѣтствѣ, того не сдѣлать въ періодъ юношеской жизни сына или дочери.* Помните наши слова, чадолюбивые, но не дальновидные отцы и матери.

Для переѣзда требовались деньги, а какъ извѣстно читателямъ, финансы Рачинскихъ были въ положеніи незавидномъ.

Волей, неволей пришлось обратиться за помощью къ Лебедеву, который взялъ впередъ жалованье и выслалъ имъ деньги.

Всѣ упомянутыя тяжелыя житейскія обстоятельства, стѣсненія въ деньгахъ—все это не прошло даромъ для Вѣрочки; все это дало толчекъ ея дальнѣйшему умственному развитію. Взглядъ Вѣрочки на обязанности и трудъ женщины былъ до сей поры довольно узокъ. Нѣмцы, которые, какъ извѣстно, не широко смотрятъ на роль женщины въ обществѣ, имѣли на нее въ этомъ отношеніи не мало вліянія. Вѣрочка видѣла въ какихъ гемеопатическихъ размѣрахъ даютъ нѣмцы научныя знанія дѣвцамъ. Нѣмецкая атмосфера не походитъ ни на какую другую. Вѣрочка невольно поддавалась ея вліянію, ибо нѣмецкая система дѣйствій, нѣмецкая твердость въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей, заключаютъ въ себѣ силу, которая способна въ извѣстномъ отношеніи подчинить себѣ любую національность. Но, къ счастью, жизнь со всеми ея тревогами, русскія книги, журналы и вліяніе Лебедева составили противовѣсъ нѣмецкому вліянію; особенно много противодѣйствовала въ этомъ отношеніи жизнь, самымъ дѣломъ доказавшая, что женщина, какъ мать и жена, имѣетъ право на такое же существованіе, какъ и всякій мужчина. Не забудемъ, что Вѣрочка пріѣхала въ Дерптъ очень молодой. Она много читала и много училась, но самостоятельный трудъ еще не выступалъ на сцену. Переездъ въ Казань впервые натолкнулъ ее на мысль о самостоятельномъ трудѣ. Когда она увидѣла, что денегъ нѣтъ и получить ихъ ни откуда не предвидится, то невольно задумалась надъ своею будущностью: «Если бы Лебедевъ не явился на помощь, что бы мы стали дѣлать? Мало того, если бы Наталья Алексѣевна прекратила намъ свою пенсію, чѣмъ бы я прокормила себя и мать? Познанія у меня есть безспорно, но этого не достаточно: я никогда не готовилась ни передавать своихъ познаній, ни прикладывать ихъ къ дѣлу. Вотъ бѣда.» Такъ думала Вѣрочка, не сознавая, конечно, что въ ней совершился великій нравственный переворотъ, что она дѣлала большой шагъ на пути умственнаго развитія.

По пріѣздѣ въ Казань и въ этомъ случаѣ помогъ ей Лебедевъ, который успѣлъ доставить ей не дорогіе уроки и кое какія литературныя работы.

Вѣрочка трудилась съ жаромъ, какъ можетъ только трудиться честная и на добро направленная молодость. О, Боже! сколько гибнетъ на бѣломъ свѣтѣ славныхъ натуръ только потому, что въ свое время люди не дадутъ имъ возможности трудиться въ то время, когда трудъ необходимъ имъ, какъ голодному хлѣбъ. Давидъ также занимался прилежно, даже немного похудѣлъ и поблѣднѣлъ отъ сидячей жизни, но занятія его, къ удивленію всѣхъ, шли далеко не успѣшно.

Приближалось время экзаменовъ, а Давидъ былъ не готовъ къ нимъ; онъ жаловался, что ему трудно учиться, жаловался на головную боль при занятіяхъ, наконецъ, что у него не хватаетъ терпѣнія. Лебедевъ ободрялъ, поддерживалъ его, но понималъ, что дѣло плохо, ибо для него представлялось совершенно яснымъ педагогическое положеніе, которое говоритъ: *образъ жизни вліяетъ на развитіе мозга; въ извѣстные годы вліяніе образа жизни на мозгъ скажется очень плачевно.*

Спустя нѣсколько времени, у Давида стали появляться какіе-то сомнительные знакомые. Однажды онъ запропалъ на нѣсколько дней, возвратился точно съ похмѣлья и, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, скрылся въ свою комнату.

Къ обѣду онъ не вышелъ за общій столъ. Встревоженная Елена Михайловна пошла посмотрѣть не болѣнъ ли сынъ.

Давидъ какъ бы испугался ея прихода. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и вдругъ истерически зарыдалъ.

— Я не могу, не могу больше учиться, повторялъ онъ, сквозь рыданія.

Елена Михайловна старалась успокоить его, но онъ не поддавался ни какимъ утѣшеніямъ, продолжая умолять не считать его безчувственнымъ лгуномъ за то, что обѣщался ей выдержать экзаменъ и теперь отказывается отъ него. Онъ готовъ сдѣлать для нея все, что угодно, но учиться не можетъ и не можетъ. Сюда ничего нейдетъ, повторялъ онъ, съ отчаяніемъ показывая на голову.

Елена Михайловна вопросительно взглянула на Лебедева, вошедшаго въ это время въ комнату.

— Мозгъ у него отвыкъ отъ работы и воли нѣтъ, отвѣчалъ Лебедевъ на ея нѣмой вопросъ.

Давидъ настаивалъ, чтобы его отдали въ юнкера, говорилъ,

что къ этому роду службы онъ всего болѣе имѣетъ склонности.

Лебедевъ, въ своей стороны, ручался, что мальчикъ достаточно знаетъ, чтобы выдержать легкій юнкерскій экзаменъ.

При одномъ намекѣ Лебедева, что, кромѣ науки, есть еще ремесло, Давидъ разразился бранью и крикомъ, что сапожникомъ или портнымъ онъ не будетъ, хотя бы пришлось умереть съ голоду.

Лебедевъ только усмѣхнулся и проговорилъ про себя:

— Право, должно бытъ я сошелъ съ ума, если подумалъ, что Давидъ въ состоянн сдѣлаться ремесленникомъ. Юнкеръ-то изъ него выйдетъ всегда, а сапожникомъ, если бы и захотѣлъ, то въ вѣкъ не сдѣлается.

Елена Михайловна не противодѣйствовала желанію Давида, ибо также не видѣла другой, возможной для него дѣятельности.

Мы переносимся, читатель, чрезъ 4 года. Полкъ, въ который поступилъ Рачинскій, стоялъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Минской губерніи. Гг. офицеры, по словамъ обывателей, внесли много оживленія въ ихъ городъ. И дѣйствительно, не смотря на то, что на церковныхъ часахъ давно уже пробило 4 часа утра, въ нѣкоторыхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ. Гг. офицеры играли въ карты.

Заглянемъ въ одинъ изъ домиковъ, посмотримъ какого рода оживленіе внесли они въ городъ.

При входѣ на чистую половину харчевни, содержимой евреемъ, вась охватятъ густыя облака дыма; но, мало по малу, глаза начинаютъ различать предметы и передъ вами рисуются три зеленые стола, эти прибѣжища отъ скуки и утѣшеніе нашей родной Руси.

А что въ самомъ дѣлѣ, господа, если бы вдругъ какой нибудь злой волшебникъ стеръ карты съ лица русской земли и наши соотечественники разучились бы не только играть въ карты, но и фабриковать ихъ, что тогда сталъ бы дѣлать провинціальный людъ? Вопросъ, о которомъ стоитъ подумать.

Два стола были уже пусты, но за третьимъ шла еще отчаянная

игра, и ни широкія полосы свѣта, пробивавшіяся за опактѣлыя стекла, ни шумъ принимавшагося за дневную работу трудового люда, не отрезвляли игроковъ — двухъ юнкеровъ и одного офицера. Бездушное личико офицера, съ стеклянными глазами и тонко заостренными усами, производило весьма не-пріятное впечатлѣніе. Хотя онъ выигрывалъ въ теченіе всего вечера, но ни одна тѣнь удовольствія не мелькнула на его лицѣ. За то какимъ счастіемъ и удовольствіемъ дышало лицо другого счастливаго игрока, юнкера Зернова, поминутно пересыпавшаго свою рѣчь шутками и поговорками. Онъ вытиралъ широкою ладонью потъ, струившійся съ его пухлаго, обросшаго густыми бакенбардами лица, и при каждой убитой картѣ, выпивая залпомъ рюмку водки, вскрикивалъ: „зарѣзана! такъ ей и надобно! не ходи въ воду, не спросившись броду“, и проч...

Въ третьемъ игрокѣ, проигрывавшемъ въ теченіи всего вечера, мы узнаемъ Рачинскаго.

— Ура! убили твою дамочку! закричалъ чуть-ли не въ десятый разъ Зерновъ. Пой, Рачинскій, за упокой.

— Я ставлю вдвое, проговорилъ съ отчаяніемъ Давидъ.

— Поздно, возразилъ методично офицеръ, пора по домамъ.

Зерновъ подобострастно взглянулъ на офицера и поспѣшилъ повторить:

— Баста, баста Рачинскій! я смерть спать хочу, и онъ, широко зѣвнувъ, принялся сводить счеты.

Черезъ минуту, Зерновъ объявилъ:

— Изрядно проигралъ, братецъ ты мой: 78 руб. мнѣ и 132 руб. Валентину Ивановичу. Ну, раскошеливайся!

Давидъ, съ помертвѣлымъ лицомъ, произнесъ, слегка приподымаясь на стулѣ:

— Извините, господа, я забылъ захватить съ собой деньги, а завтра съ вашимъ услугомъ.

Зерновъ, снисходительный по натурѣ, вопросительно взглянулъ на офицера.

— Завтра меня, быть можетъ, куда нибудь полковой командиръ ушлетъ, пробормоталъ себѣ подъ носъ Валентинъ Ивановичъ; наконецъ, гораздо лучше карточные счеты кончать на мѣстѣ.

— Да, да, вторилъ ему Зерновъ, нечего, братъ, отклады-

вать до завтра, плати теперь, а то опять станешь писать бабушкѣ о деньгахъ. Если съѣлъ играть съ честными людьми въ карты, то веди себя честно.

Давидъ обидѣлся, рѣзко отвѣтилъ на слова Зернова; началась перебранка, которая кончилась бы неизвѣстно чѣмъ, если бы не вступился въ ссору офицеръ, умѣвшій прибрать къ рукамъ Зернова.

— Перестаньте, господа, изъ за чего такія дразги. Есть о чемъ спорить: г. Рачинскій могъ забыть деньги дома, что очень естественно. Мы попросимъ его съѣздить домой для расчета съ нами, а тѣмъ временемъ закусимъ кое-чего. Онъ живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, слѣдовательно не заставитъ себя долго ждать. И Валентинъ Ивановичъ взглянулъ на часы.

Сердце Давида усиленно забилося. Такой печальной развязки онъ не ожидалъ. Легко сказать—привезти деньги, когда въ карманѣ гроша нѣтъ.

Рачинскій поднялся съ мѣста. Онъ готовъ былъ бѣжать хоть на край свѣта, только скрыться бы отъ своихъ собесѣдниковъ. Предъ уходомъ, онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки. Страсти къ вину онъ неимѣлъ, но жизнь и среда постоянно втягивали его въ пьянство. Истина старая, что всякая слабость или дурной поступокъ неизбѣжно влекутъ за собой другія слабости и дурные поступки. Таковъ законъ развитія безнравственныхъ началъ въ человѣкѣ.

Давидъ безсознательно спустился съ лѣстницы и безсознательно зашагалъ по грязнымъ улицамъ города, къ себѣ домой, какъ будто бы дома ему стоило только опустить руку въ ящикъ, чтобы вынуть нужные деньги.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ судорожно звонилъ у подъезда сѣренькаго домика. Давидъ жилъ здѣсь, но не одинъ. Полковой командиръ, хорошій знакомый Лебедева, поручилъ Рачинскаго своему адъютанту Шишкову, человѣку вполне солидному и благонадежному, который, если и не могъ благотворно повліять на юношу, то, во всякомъ случаѣ, могъ слѣдить за его поведеніемъ, т. е. быть его стражемъ, ибо, для благотворнаго вліянія на другаго, требуется извѣстное умственное развитіе, которое не особенно выдавалось у Шишкова.

На вопросъ Давида, дома ли баринъ, полусонный деньщикъ отвѣчалъ, что ихъ благородіе не изволили ночевать дома, а приказали ждать себя завтра по утру. Такое извѣстіе ни сколько не удивило Давида, ибо онъ зналъ, что адъютантъ часто развѣждалъ съ своимъ командиромъ по сосѣднимъ помѣщикамъ.

Торопливо сбросилъ онъ шинель на руки деньщика, который тотчасъ же ушелъ спать, и тѣми же торопливыми шагами вошелъ въ свою комнату, гдѣ царствовалъ полный безпорядокъ и все говорило о постоянномъ отсутствіи хозяина. Кое гдѣ, въ пыли, валялось нѣсколько предметовъ, ничтожныхъ по своему назначенію, но довольно цѣнныхъ, приобретенныхъ Давидомъ въ силу старыхъ привычекъ и уцѣлѣвшихъ только потому, что, по своей бесполезности, они не могли быть ни проданы, ни заложены.

Прежде всего, Рачинскій обшарилъ ящики комода. Но въ нихъ ничего не оказалось, кромѣ куска сахара, лежавшаго въ сосѣдствѣ съ парой сапоговъ и четверткой табаку. Хозяинъ этого богатства горько улыбнулся. Ему было досадно, что онъ будто бы забылъ, что ничего не имѣлъ, кромѣ носимаго платья. Безсознательно схватилъ онъ свѣчу и побрелъ въ кабинетъ поручика, представлявшій полный контрастъ съ его собственномъ жилищемъ. У поручика не только все находилось въ безукоризненномъ порядкѣ, но даже проявлялось притязаніе хозяина на извѣстный комфортъ. Полъ, устланный коврами, мягкая софа съ подушками и письменный столъ, вполне чистый и изящный, останавливали на себѣ вниманіе посѣтителя, хотя столъ только по названію былъ письменнымъ, ибо на немъ почти никто никогда не писалъ, за то на немъ красовались различныя скляночки съ духами и баночки съ помадой.

Первая вещь, бросившаяся на глаза Давиду, былъ золотой перстень съ печатью, лежавшій на столикѣ, передъ зеркаломъ, видимо забытый хозяиномъ въ послѣднія минуты одѣванья. Давидъ схватилъ кольцо, но, подумавъ съ минуту, снова положилъ его на мѣсто.

— Не стоитъ хлопотъ, подумалъ онъ, ростовщики и пяти рублей не дадутъ.

И онъ снова принялся бродить по кабинету, заглядывая во

всѣ углы. Наконецъ, попробовалъ отворить ящикъ въ столѣ. Ящикъ оказался не запертымъ.

Давида даже испугала подобная случайность, ибо онъ зналъ, что у зажиточнаго поручика всегда водились деньги въ столѣ. Дѣйствительно, на самомъ видномъ мѣстѣ лежалъ почтовый пакетъ съ двумя стами рублей. Въ пакетъ оказалась половина денегъ, присланныхъ Шишкову управляющимъ изъ деревни. Давидъ съ какимъ-то озлобленіемъ кинулся на свою находку, захватилъ по дорогѣ перстень и, какъ помѣшанный, пустился внизъ по лѣстницѣ.

Мы сказали, что онъ кинулся на свою находку съ какимъ то озлобленіемъ. Да, читатель, это выраженіе совершенно вѣрно: нѣтъ преступника, который не относился бы къ своему первому преступленію со злобой, которая, вѣроятно, есть не что иное, какъ послѣдняя искра правды и добра, оставшаяся въ душѣ человѣка. Но эта искра погасла; чужая собственность не жгла рукъ Давиду; у него была одна мысль въ головѣ: скорѣе, какъ можно скорѣе, расчитаться съ Зерновымъ, чтобы послѣдній не назвалъ его подлецомъ.

Такъ постепенно вырабатываются въ нелѣпой средѣ дикія убѣжденія: украсть не постыдно, но получить названіе подлеца отъ карточного игрока считается дѣломъ постыднымъ. Чего только не дѣлаетъ среда съ мозгомъ человѣка. Оставляя въ сторонѣ всѣ обвиненія и оправданія, мы посоветуемъ только отцамъ и матерямъ глубже проникнуть въ ходъ излагаемыхъ нами событій, чтобы понять все сцѣпленіе обстоятельствъ, которыя приводятъ человѣка къ преступленію. Затѣмъ для васъ, отцы и матери, само собой уяснится великое значеніе воспитанія.

Дорогой Давида била лихорадка, между тѣмъ, какъ крупныя капли пота текли съ его лица.

— Что это, не простудился ли я? думалъ онъ. Что если я умру? А мать! О, матушка! И онъ зарыдалъ, заглушая рыданія воротникомъ своей шинели.

Но когда, черезъ нѣсколько минутъ, Рачинскій вошелъ къ игрокамъ, то имъ не могло придти и въ голову, что онъ недавно рыдалъ и болѣлъ душой. Сухо раскланявшись съ пріятелями, Давидъ съ особеннымъ достоинствомъ вручилъ имъ проигран-

ныя деньги, извиняясь, что полной суммы не оказалось у него дома, и даже далъ Зернову приличное наставленіе, чтобы въ другой разъ онъ не брался судить такъ скоро о честности людей.

Сначала офицеръ подозрительно взглянулъ на столь значительную сумму въ рукахъ юнкера, извѣстнаго въ полку своимъ мотовствомъ, но спокойная увѣренность Давида обманула его. Онъ отсчиталъ себѣ сполна выигранную сумму, а остальные деньги передалъ Зернову, объяснивъ, что ему, Зернову, лично знакомому съ Рачинскимъ, легче имѣть съ послѣднимъ счеты.

На другой день, въ часъ по полудни, молодой поручикъ съ бѣшенствомъ вбѣжалъ въ комнату Давида, спавшаго тяжелымъ, тревожнымъ сномъ. Дѣло въ томъ, что еще дорогой Шишковъ вспомнилъ о забытомъ перстнѣ и не запертомъ ящикѣ. Понятно, что, по возвращеніи домой, онъ прежде всего бросился въ ящикъ, гдѣ не оказалось денегъ, затѣмъ къ зеркалу, на которомъ не оказалось перстня. Началось слѣдствіе, допросы: деньщикъ божился и клялся, что никого изъ постороннихъ не пускалъ въ барскую комнату. Разсказъ деньщика, что Рачинскій рано по утру пріѣзжалъ домой и потомъ снова куда-то уѣхалъ, бросилъ подозрѣніе на послѣдняго.

Хотя оцѣпенѣлый сонъ, въ которомъ провелъ Рачинскій слишкомъ 7 часовъ, отнял у него изъ памяти подробности преступленія, но онъ какъ-то инстинктивно помнилъ, что ему слѣдуетъ бояться Шишкова, и потому, когда поручикъ сталъ будить его, онъ поблѣднѣлъ и устремилъ на послѣдняго испуганные глаза.

Поручикъ началъ свои допросы весьма сдержанно, но когда смущеніе Рачинскаго подтвердило его подозрѣнія, то онъ съ шумомъ и бѣшенствомъ сталъ требовать признанія, общая пошадя, въ случаѣ полного признанія; въ противномъ же случаѣ грозилъ ссылкой, лишеніемъ правъ состоянія и проч.

Давидъ, понявъ, что ему не отвертѣться, тѣмъ болѣе, что ростовщикъ, у котораго заложилъ онъ перстень, могъ каждую минуту выдать его, сознался, рассчитывая на прощеніе. Но красивый поручикъ не унимался и, вопреки обѣщанію, еще сильнѣе кричалъ о возмездіи, звалъ деньщика и грозилъ всѣми бѣдами.

Нервы Давида были сильно потрясены. И не мудрено: ему въ первый разъ пришлось быть въ роли обвиненнаго въ такомъ страшномъ преступленіи. Законы зналъ онъ весьма плохо и потому ему грезились цѣпи, даже смертная казнь. Такого напора тревожныхъ, тяжелыхъ мыслей онъ былъ не въ силахъ выдержать: упавъ на колѣни, онъ молилъ о прощеніи. Но Шишковъ толкалъ и билъ его ногами. Его военная честность, честность безъ анализа, не стоящая мѣднаго гроша, возмущалась при видѣ открытаго вора въ военномъ мундирѣ, вора, сознававшагося и молившаго о прощеніи.

Въ головѣ Шишкова не могъ даже пошевелинуться вопросъ о томъ, что довело юношу до преступленія, нѣтъ ли смягчающихъ обстоятельствъ въ воспитаніи преступника, во вліяніи среды, его окружавшей, и многіе другіе, великой важности вопросы. Отъ негодованія, онъ готовъ былъ растоптать, убить несчастнаго, не помышляя о томъ, что человѣкъ, разъ уже совершившій преступленіе и всѣми безъ милосердія отверженный, опускается еще ниже, рѣшается на дѣла, еще болѣе худшія. Избави насъ Богъ отъ такой барской, тупой честности, тѣмъ болѣе, что тотъ же негодующій рыцарь честности охотно жметъ руку и ходитъ въ гости къ своему пріятелю, отъявленному негодю.

Мало ли сколько негодаевъ живетъ среди насъ, которыхъ никто не называетъ негоднями.

Опустимъ же, читатель, скорѣе занавѣсъ надъ этой унизительной сценой для обвиняемаго и обвинителя, унизительной для нихъ, какъ для людей. Тяжело дѣлается на душѣ истинно честнаго человѣка, если онъ начнетъ во все вдумываться до конца.

Полковому командиру едва удалось уговорить адъютанта, чтобы онъ не доводилъ дѣло до суда.

Надъ Давидомъ была совершена домашняя расправа, т. е. ему велѣли подать въ отставку и немедленно выѣхать изъ города, о чемъ и увѣдомили Лебедева.

Стояла холодная, суровая зима, но въ домѣ Рачинскихъ было весьма оживлено и весело. Тамъ шли приготовленія къ браку Вѣрочки съ Лебедевымъ. Дѣло обошлось безъ сва-

товства, ибо женихъ стоялъ слишкомъ близко къ невѣстѣ и взаимная ихъ любовь и уваженіе ни для кого не оставались тайной.

Вѣрочка, всегда спокойная, но иногда не по лѣтамъ серьезная, вѣроятно, вслѣдствіе многихъ тревогъ и волненій, пережитыхъ ею, на этотъ разъ была вполне счастлива и довольна. Стоило посмотрѣть на нее, какъ спокойно и увѣренно вступала она въ новую жизнь съ человѣкомъ, давнымъ давно ей извѣстнымъ, съ человѣкомъ, которому она была обязана всѣмъ, что только было въ ней хорошаго.

— Такое счастье рѣдко выпадаетъ на долю женщинъ, говорилъ ей Жени, уже взрослый, какъ по лѣтамъ, такъ и по умственному развитію. Изъ ребенка, слабаго здоровьемъ и не далекаго по способностямъ, выработался, въ 17 лѣтъ, здоровый юноша, богатый познаніями и съ развитой головой. Вотъ что значитъ рановременное доброе вліяніе, оказываемое на дѣтей!

Глядя на сына, любуясь его всестороннимъ развитіемъ, Елена Михайловна, невольно, мысленно переносилась къ другому своему сыну, припоминала красиваго, граціознаго мальчика, поражавшаго своими блестящими способностями. Невольно вспомнилось ей многое изъ жизни Давида. Вспомнила она, какъ онъ, прочитавъ нѣсколько разъ извѣстное стихотвореніе, свободно декламировалъ его передъ гостями, по желанію отца. Какъ быстро готовилъ уроки этотъ мальчикъ, какъ много общался онъ въ будущемъ! И что вышло изъ него: юнкеръ, со всѣми задатками для окончательной гибели.

По возвращеніи изъ церкви, послѣ совершенія брака, Лебедевъ получилъ письмо отъ полковаго командира. Печальное извѣстіе, сообщенное въ письмѣ, понятно, сильно огорчило его, хотя онъ давно былъ готовъ къ этому, ибо люди, безъ внутренняго содержанія, въ вѣчной погонѣ за удовольствіями и развлеченіями, при неимѣніи средствъ, часто пускаются въ мошенничество. Лебедевъ рѣдко освобождался отъ мысли о Давидѣ, ибо сколько, онъ ни убѣждалъ себя, что при всемъ своемъ желаніи, не могъ бы спасти Давида отъ губительныхъ вліяній, все таки невольно закрадывалась въ голову мысль, что кто нибудь другой, на его мѣстѣ, успѣлъ бы сдѣлать больше, успѣлъ бы направить Давида на добрую дорогу.

Въ педагогическія чудеса Лебедевъ не вѣрилъ, тѣмъ не менѣе не могъ отрѣшиться отъ недовольства собой. То же самое испытываетъ каждый порядочный человѣкъ, на глазахъ котораго потонулъ, или какъ бы то ни было погибъ, ближній.

Върочка случайно застала мужа за чтеніемъ письма, содержаніе котораго, послѣ непродолжительнаго колебанія, онъ передалъ ей.

— Бѣдная! мнѣ очень жаль портить тебѣ сегоднешній вечеръ, но я не хочу съ перваго же дня нашей общей жизни начать систему утаиванія, ради какихъ бы то ни было причинъ, произнесъ Лебедевъ, цѣлуя руку дорогой жены.

Похищеніе брошки, фактъ уже извѣстный читателямъ. Върочка не была чужда мысли, что Давидъ слишкомъ мало уважаетъ чужую собственность; но все таки фактъ воровства, сообщенный полковымъ командиромъ, мысль, что ея братъ оглашенъ воромъ, не могла не поразить ее. Кромѣ того, ей было тяжело, что печальное извѣстіе пришло въ день ея свадьбы. Предразсудки, какъ и всѣ впечатлѣнія дѣтства, въ высшей степени живучи. Хотя въ послѣдствіи зрѣлый умъ и образованіе и возстаютъ противъ нихъ, но при первомъ случаѣ, предразсудки возникаютъ съ новой силою и пугаютъ наше воображеніе. Въ день свадьбы получить такое ужасное извѣстіе, не значитъ ли, произнесла молодая женщина, что будущее грозитъ бѣдами?

— Напротивъ, говорилъ ей мужъ, это послужитъ полезнымъ урокомъ для нашего будущаго: въ виду такихъ гибельныхъ послѣдствій дурнаго воспитанія, мы употребимъ всѣ силы правильно воспитать нашихъ будущихъ дѣтей, чтобы потомъ не винить себя за ихъ гибель.

Послѣднія слова мужа навели Върочку на вопросъ, давно мучившій ее, вопросъ, который она нѣсколько разъ мысленно рѣшала и перерѣшала: должна ли винить себя ея мать, за уродливое развитіе и всѣ проступки Давида? Она высказала свои сомнѣнія мужу.

— Разумѣется, должна, ибо своей хорошей, свѣтлой головой, она отлично понимаетъ, какое зло дѣлалъ ея покойный мужъ дѣтямъ, но молчала изъ страха борьбы. Она должна

винить себя, но въ какой степени она виновата—это вопросъ другой.

— Но, возразила Вѣрочка, ты самъ признаешь, что у мамы мало характера, что воспитаніе не выработало у нея характеръ; наконецъ, быть можетъ она понимала пагубное вліяніе роскоши и праздности, но понимала не достаточно глубоко, опять таки въ слѣдствіе нелѣпаго воспитанія. А съ другой стороны: прими въ соображеніе среду и больного, раздражительнаго мужа.

— Все это прекрасно, но оглянись—гдѣ же виноватые? У кого недостатокъ воли или злая воля не произошла отъ воспитанія, вліяющихъ на насъ обстоятельствъ, обстановки? Поэтому я ни кого не рѣшусь казнить, ни въ кого не брошу камень; но можно ли такъ снисходительно относиться къ своимъ собственнымъ винамъ—это другой вопросъ. Если человѣкъ взвалитъ всѣ свои достоинства и недостатки на другихъ, то что же останется у него отъ своего собственного Я? Ничего. Подобное отреченіе отъ своихъ проступковъ—равносильно отреченію отъ самаго себя. Наконецъ безъ страданія за свои вины не было бы побужденія къ совершенствованію, не было бы прогресса.

Супруги рѣшились не сообщать матери о несчастномъ письмѣ, до слѣдующаго дня.

— Надобно ей бѣдной, когда нибудь повеселиться, произнесла Вѣрочка, глотая слезы.

И дѣйствительно, Елена Михайловна даже шутила въ этотъ радостный для нея день. Увѣряла, что нарочно упросила Лебедева остаться въ ихъ домѣ, чтобы приготовить дочери хорошаго жениха и такъ далѣе.

Но на слѣдующій день, прежде чѣмъ молодые супруги успѣли повидаться съ матерью, громовая вѣсть дошла до нея. Давидъ прислалъ письмо, въ которомъ онъ относилъ свою вину на разлуку съ семьей и отсутствіе материнскаго надзора, но искреннее раскаяніе не высказывалось въ его письмѣ. Мѣстами даже пробивалось намѣреніе, представить совершившійся фактъ въ совершенно другомъ свѣтѣ. Въ заключеніе слѣдовала просьба о высылкѣ 300 р., безъ которыхъ кредиторы не выпустятъ его изъ города.

Вѣрочка взошла часомъ позже послѣ полученія письма и застала мать въ какомъ то безсознательномъ состояніи. Молодая женщина взглянула на валявшееся у ногъ матери письмо, и все поняла. Она бросилась было успокоивать мать, старалась утѣшить ее тѣмъ, что другіе ея дѣти вполнѣ счастливы и обязаны всѣмъ ей; но ни одна черта лица Рачинской не тронулась. Она сидѣла какъ статуя печали.

Послѣ долгихъ хлопотъ, доктору удалось привести въ чувство Елену Михайловну. Она знакомъ выразила, что ей глазамъ больно выносить свѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просила оставить ее одну.

Когда захотѣли перевести ее въ спальню, то оказалось, что ноги плохо служили ей. Полупараличное состояніе ихъ не подлежало сомнѣнію.

Послѣ двухъ, трехъ дней, Елена Михайловна поправилась, но ногами владѣла плохо. Мы говоримъ поправилась, то есть она пила, ѣла, но всякое участіе въ ней къ жизни прекратилось: страдальца ни съ кѣмъ ничего не говорила и видимо тяготилась присутствіемъ другихъ.

Настала весна. О Давидѣ не было ни слуху, ни духу. Елена Михайловна и къ этому осталась какъ будто бы равнодушной, ибо не спрашивала, получено ли какое нибудь извѣстіе о сынѣ. Подобное состояніе ни чѣмъ нельзя было объяснить какъ болѣзнь, происшедшей отъ нравственнаго потрясенія. Докторъ прописывалъ ей движеніе; ее уговаривали, убѣждали кататься, но больная выказала небывалое упорство и на отрѣзъ отказалась отъ всякой прогулки.

Давно уже не отворяли двери, ведущей на террасу въ садъ. Вѣрочка знала, что мать ея любитъ цвѣты. Она украсила всю террасу цвѣтами и въ первую же благопріятную минуту привела туда мать, но Рачинская отнеслась къ цвѣтамъ совершенно равнодушно, даже непріязненно взглянула на нихъ, убождительно прося оставить ее въ покоѣ въ ея комнатѣ, гдѣ постоянно были спущены шторы, ибо больная тяготилась свѣтомъ.

Между тѣмъ, отсутствіе движенія и воздуха, губительно дѣйствовали на потрясенное здоровье Елены Михайловны.

Вѣрочка долго ломала себѣ голову, какимъ бы способомъ

поднять совершенно падавшую энергію матери, потухавшую послѣднюю искру привязанности къ жизни.

Случай помогъ ей.

Однажды, когда Рачинская сидѣла, по обыкновенію, въ своей полутемной комнатѣ, находясь въ какомъ то полусознательномъ состояніи, отворилась дверь и вошла Лебедева, ведя за руку маленькую дѣвочку 9—10-ти лѣтъ. Дѣвочка была блѣдна, худа, съ вѣками, распухшими отъ золотухи, и смотрѣла звѣркомъ на свѣтъ Божій.

Елена Михайловна, увидѣвъ дѣвочку, вопросительно взглянула на дочь.

— Мама! начала Вѣрочка, съ нѣкоторымъ волненіемъ въ голосъ, эта дѣвочка сиротка, отецъ ея ссылается за грабежъ въ Сибирь. Жена послѣдовала за нимъ, но здѣсь въ острогѣ и она, и ея мужъ, заболѣли тифомъ и въ одну недѣлю умерли. Лиза, эта дѣвочка, осиротѣла такъ, какъ рѣдко кто сиротѣтъ: у нея, милая мама, не осталось ни брова, ни одной родной или знакомой души въ цѣломъ городѣ. Разумѣется, съ голоду она не умерла бы; но, мама, какая жизнь ждетъ бѣдную дѣвочку, горькая, тяжелая жизнь.

Запрягутъ ее въ работу не по силамъ, станутъ упрекать за каждый съѣденный кусокъ хлѣба, и бѣдное дитя, работая за всѣхъ и не откуда не встрѣчая ни ласки, ни привѣта, ожесточится, все хорошее заглохнетъ въ ней, а зависть и желаніе пожить, какъ живутъ другіе люди, не доведетъ ли ее до проступковъ, худшихъ, чѣмъ тѣ, за которые ссылается ея отецъ. Могу ли я, мамочка, твоя дочь, допустить ребенка до гибели! Я, разумѣется, ни мало не колеблясь выхлопотала дѣвочку себѣ на воспитаніе, и намѣрена воспитывать ее, какъ собственную дочь. Но одного хлѣба ей мало, мама: голова и сердце Лизы требуютъ просвѣщенія, безъ чего она никогда не будетъ человѣкомъ. Мама! пособи мнѣ въ этомъ великомъ дѣлѣ! заключила Вѣрочка, пылливо и тревожно смотря на мать, лицо которой выражало глубокое сочувствіе къ словамъ дочери.

— Дорогая мамочка! продолжала Лебедева, ты съ дѣтства старалась внушить мнѣ высокую истину, вынесенную тобой изъ жизни, полной страданія, — любить ближнихъ, какъ самаго

себя; для блага другихъ, забывать личныя печали и радости. Ты толковала мнѣ, что рано или поздно эта евангельская истина восторжествуетъ въ мірѣ, ибо кто проникнется ею, не упадетъ духомъ. Ты несчастна, безспорно, но забудь свое горе ради этой дѣвочки. Какъ знать, можетъ быть, счастье ея въ твоихъ и моихъ рукахъ, пригрѣй ее.

Елена Михайловна порывисто, судорожно обняла дочь. Горячіе слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Ты спасла меня отъ самой себя, шептала она, припавъ къ груди дочери. За погибшаго сына я постараюсь дать обществу честную женщину, произнесла она поднявъ глаза къ небу.

И дѣйствительно, Рачинская замѣнила Лизѣ мать. Не пускаясь въ подробности, скажемъ, что Лиза была ея дочерью въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Воспитательныя заботы переродили страдальцу. Впрочемъ, мы выразились не совсѣмъ вѣрно: переродиться Елена Михайловна не могла; скорѣе ее можно было сравнять съ осеннимъ цвѣткомъ, поднявшимъ головку подъ живительнымъ лучомъ солнца; но надолго ли это? Корень жизни Рачинской былъ подточенъ: погибшій сынъ подточилъ его.

Въ теченіи полуторыхъ лѣтъ, о немъ не было ни слуху, ни духу. Елена Михайловна начала мириться съ мыслью, что онъ въ могилѣ. Время шло и шло.

Была крутая осень. Наступили длинные, скучные, темные вечера, которые двѣ сестры постоянно проводили дома.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, часовъ въ десять, послѣ чаю, вся семья сидѣла за столомъ и вела тихую, задушевную бесѣду. Только Лебедева время отъ времени выходила, заслышавъ крикъ своего младенца сына. Вдругъ у наружной двери раздался стукъ, потомъ тихій, нерѣшительный звонокъ.

— Кто бы могъ прійти въ такую позднюю пору? зашевелился вопросъ въ головѣ каждаго; между тѣмъ, какъ Еленой Михайловной овладѣлъ непонятный страхъ.

Черезъ минуту, хриплый голосъ допрашивалъ о чемъ то служанку, съ недоумѣніемъ впустившую грязнаго гостя въ столовую.

Боже мой! какой отпечатокъ кладетъ жизнь на наружность человѣка! На сколько осмысленная, нравственная жизнь облагораживаетъ, краситъ лице, даже въ старости; въ такой же степени увлеченіе животными страстями, кладетъ на лице печать отверженія. Подобная печать дѣлаетъ неузнаваемымъ даже близкое, родное лице. Кто могъ бы въ этомъ обрюзгломъ, жирномъ молодомъ человѣкѣ, одѣтомъ въ вытертый полушубокъ и валенки, покрытомъ съ головы до ногъ грязью, узнать прежняго граціознаго, привлекательнаго Давида, героя гостинныхъ

— Простите, Христа ради, маменька! кривнулъ онъ, падая въ ноги матери.

Нѣсколько секундъ несчастная мать не могла произнести ни слова. Наконецъ съ отчаяннымъ воплемъ прижала къ себѣ сына:

— О, Боже! онъ проситъ у меня прощенія, а я погубила его!

Въ тусклыхъ глазахъ Давида выразилось недоумѣніе: слова матери онъ понялъ по своему.

Значительно успокоенный, всталъ онъ на ноги, увѣряя, что въ свою очередь нисколько не сердится на мать за то, что она ему рѣдко посылала деньги.

Бѣдная мать какъ-то судорожно торопилась увести его въ другую комнату, въ которой онъ могъ бы умыться и переодѣться. Ей было совѣстно, тяжело за сына предъ дочерью и зятемъ. Она слышала запахъ водки, поражавшій обоняніе при каждомъ его словѣ.

Умывшійся и переодѣтый въ платье Лебедева, Давидъ рассказывалъ о своихъ полоторыхъ годахъ, проведенныхъ у какого-то самодура помѣщика, въ качествѣ шутника-балагура и пьяницы-собесѣдника.

— Я давно бы былъ у васъ, говорилъ онъ, да, каюсь, сидѣлъ безъ денегъ, да и жилось то весело.

Вся семья съ разу поняла, что Давидъ дошелъ до той ступени развращенія, когда человѣкъ начинаетъ смотрѣть на свои дѣйствія, какъ на самыя обыкновенныя и естественныя, которыя и не должны, и не могутъ быть иными.

— Пріѣхалъ батюка помѣщика, продолжалъ онъ рассказывать, и выгналъ меня изъ дома. Всю дорогу кормился я Христовымъ

именемъ. Будьте милостивы, заключилъ онъ, позвольте жить съ вами. Я все брошу. Но предъ ужиномъ все-таки попросилъ рюмку водки. Вся семья замѣтила, что руки его дрожали, когда онъ бралъ ее.

И снова поселился Давидъ въ родной семьѣ. Елена Михайловна все еще питала надежду, что осмысленная, разумная жизнь въ родной семьѣ болѣе или менѣе измѣнитъ его къ лучшему. Дѣйствительно, одѣвался онъ чище, велъ себя немного сдержаннѣе; но мозгъ его отказался отъ всякой работы, тѣмъ болѣе, что, если онъ не напивался до пьяна, то все-таки находился въ постоянномъ полуснѣ отъ водки. Когда родные убѣдились, что никакая умственная работа не доступна для его головы, то рѣшились занять физическимъ трудомъ: кое-какъ научили его переплетать книги, клеить коробочки. Весь небольшой заработокъ онъ тратилъ на водку. Нѣсколько разъ таскалъ у матери вещи для заклада, но Лебедевы сразу прекратили подобныя попытки, объявивъ однажды на всегда, что онъ, при первомъ посягательствѣ на чужую собственность, будетъ изгнанъ изъ дома. Страхъ къ Лебедеву, который съумѣлъ взять его въ руки, спасалъ семью отъ большаго пьянства и большихъ безобразій.

Лебедевъ понялъ, что для личностей, упавшихъ до степени животныхъ, есть одна узда—страха. Елена Михайловна, даже и за это ничтожное добро была безконечно благодарна своему лучшему другу, какъ она обыкновенно называла Лебедева.

Съ прїездомъ сына, Рачинская еще горячѣе, еще самоотверженнѣе отдалась дѣлу воспитанія сироты Лизы.

Вѣрочка замѣчала, что постоянное присутствіе отупѣлаго сына дѣйствуетъ губительно на мать, и потому нерѣдко предлагала отправить его куда-нибудь въ другой городъ, подъ надзоръ заслуживающихъ довѣрія людей.

— Оставь, оставь его другъ мой! постоянно отвѣчала Елена Михайловна. Онъ мой крестъ, который я должна нести за всѣ свои вины относительно мужа и сына.

Вотъ, читатель, весь нашъ правдивый рассказъ. Мы сказали „правдивый“ и не обманули тебя, ибо онъ дѣйствительно взятъ изъ жизни, совершившейся на нашихъ глазахъ.

Kieff

Нашъ разсказъ ясно долженъ убѣдить тебя, что впечатлѣнія дѣтства наризываются на всю жизнь, что среда имѣетъ огромное воспитательное вліяніе, что, воспитывая дѣтей, мы должны, если можно такъ выразиться, воспитывать, переработывать самихъ себя.

Помни, наконецъ, читатель, что есть ошибки въ дѣлѣ воспитанія, которыя неоправимы, не смотря на всѣ наши усилія.

Въ дѣлѣ воспитанія, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, есть ошибки, которыя неоправимы, не смотря на всѣ наши усилія. Эти ошибки, какъ правило, происходятъ отъ недостатка въ насъ, воспитателяхъ, тѣхъ качествъ, которыя необходимы для того, чтобы правильно воспитывать дѣтей. Эти качества, какъ правило, не даются намъ отъ природы, а приобретаются нами въ теченіе нашей жизни. Поэтому, если мы хотимъ быть хорошими воспитателями, мы должны постоянно работать надъ собою, надъ своимъ умомъ, надъ своимъ сердцемъ, надъ своими чувствами. Мы должны учиться, мы должны совершенствоваться. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это не только дѣло рукъ, но и дѣло души. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это не только дѣло ума, но и дѣло сердца. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это не только дѣло души, но и дѣло рукъ. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это дѣло всей нашей личности. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это дѣло всей нашей жизни.

Въ дѣлѣ воспитанія, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, есть ошибки, которыя неоправимы, не смотря на всѣ наши усилія. Эти ошибки, какъ правило, происходятъ отъ недостатка въ насъ, воспитателяхъ, тѣхъ качествъ, которыя необходимы для того, чтобы правильно воспитывать дѣтей. Эти качества, какъ правило, не даются намъ отъ природы, а приобретаются нами въ теченіе нашей жизни. Поэтому, если мы хотимъ быть хорошими воспитателями, мы должны постоянно работать надъ собою, надъ своимъ умомъ, надъ своимъ сердцемъ, надъ своими чувствами. Мы должны учиться, мы должны совершенствоваться. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это не только дѣло рукъ, но и дѣло души. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это не только дѣло ума, но и дѣло сердца. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это не только дѣло души, но и дѣло рукъ. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это дѣло всей нашей личности. Мы должны помнить, что воспитаніе дѣтей — это дѣло всей нашей жизни.

Сурд

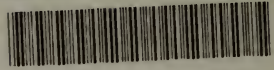

LIBRARY OF CONGRESS

00023322353

LIBRARY OF CONGRESS

0 002 332 235 3